K-26

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ XXIV XXIV 0
Полка 2 4 7
№ 15 41 19

Егору Егоровичу Васильевскому
отъ автора.

НАЧАЛО

ИСТОРИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСК. ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

К-26

НАЧАЛО

ИСТОРИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

7033

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

Лен. Гос. ... т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСК. ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

1311 Зам.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источниками для описанія начала исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго служатъ, прежде всего, дошедшіе до насъ въ той или другой формѣ собственные его разсказы о своемъ дѣлѣ. Но относительно ихъ нужно сказать, что Богданъ Хмельницкій писалъ и разсказывалъ о своемъ дѣлѣ, съ одной стороны страшно напуганный врагами, а съ другой—кипя къ нимъ ненавистью. Его разсказы о самомъ себѣ обыкновенно пополняются тѣмъ, что писали и говорили поляки о немъ, сначала для оправданія незаконныхъ преслѣдованій стараго казака, а потомъ для объясненія неслыханныхъ своихъ пораженій. Ко всему этому присоединяются всевозможные слухи о Богданѣ Хмельницкомъ, ходившіе въ русскомъ и польскомъ обществѣ середины XVII вѣка. А не трудно понять, какого свойства бывали иногда эти слухи: необычайно быстрое превращеніе простаго чигиринскаго сотника въ вождя цѣлаго народа, въ зна-

менитаго историческаго дѣятеля, подѣйствовало сильно на фантазію современниковъ. Наконецъ, творчество современной фантазіи продолжалось и потомствомъ, и это продолженіе также нашло себѣ мѣсто въ исторіографіи. Блестящіе подвиги героя и ихъ результаты сдѣлались любимымъ предметомъ народной поэзіи, неистощимымъ матеріаломъ для историческаго романа, и самымъ удобнымъ средствомъ для проведенія извѣстныхъ тенденцій подъ покровомъ историческаго повѣствованія.

Если свести извѣстія всѣхъ этихъ разнообразныхъ источниковъ, то получится довольно развитой и стройный миѳъ о началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго. Но для того, чтобы не повторять и не участвовать въ дальнѣйшемъ развитіи этого миѳа, а по возможности указать происхожденіе баснословія о Богданѣ Хмельницкомъ и выдѣлить изъ него дѣйствительно совершившіеся факты, мы поставили главной задачей настоящаго изслѣдованія не только изучить первоначальные и наиболѣе чистые источники, но и выставить ихъ на первый планъ изъ массы другихъ для объясненія событій.

ГЛАВА I.

МАЛОРОССІЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НАКАНУНѢ ВОЗСТАНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія польскія власти въ Малороссіи вводили между тамошними казаками гражданскій порядокъ. Дѣло наконецъ коснулось вопроса о правѣ казаковъ на владѣемыя ими земли. Въ формѣ ли общаго описанія земель или въ частныхъ случаяхъ, въ приложеніи къ извѣстнымъ лицамъ, только власти съумѣли затронуть этотъ самый щекотливый на свѣтѣ вопросъ. Прежде чѣмъ произвести опись земель по существующему владѣнію, чтобы тѣмъ опредѣлить его на будущее время и выдать владѣльцамъ на земли крѣпостные акты, паны-державцы не производя въ дѣйствительности никакого описанія, стали требовать отъ казаковъ таковыхъ документовъ, о пріобрѣтеніи которыхъ тѣ, какъ то на всемъ свѣтѣ бывало при подобныхъ обстоятельствахъ, прежде не позаботились. Кромѣ того, казацкія имущества облагались со стороны властей

всякими податями, отъ которыхъ казаки какъ себя, такъ и свои земли считали совершенно свободными. Введеніе таковыхъ порядковъ между казаками производилось усиленно; но при этомъ случилось съ панами, какъ выражается малороссійскій лѣтописецъ, „що патрафили они на человѣка на одного, у которого отняли пасѣку, которая всей землѣ польской начинила бѣды. А тимъ способомъ:

„Въ Чигиринѣ мѣстѣ (городѣ) мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, казакъ росторопный въ дѣлахъ казацкихъ военныхъ и у письмѣ вѣжливый (свѣдущій).“ Когда паны коснулись и его собственности, то онъ поднялъ все для защиты ея и покончилъ, какъ извѣстно, тѣмъ, что совершенно уничтожилъ значеніе того государства, въ которомъ могли безнаказанно происходить подобныя правонарушенія, какія случились по отношенію къ нему и его товарищамъ.

Но прежде чѣмъ говорить о томъ, что вызвало лично самого Богдана Хмельницкаго на широкое историческое поприще, мы, чтобы получить твердую опору для разсказа объ этомъ, должны объяснить еще одну сторону дѣла: каково было общественное и матеріальное положеніе тѣхъ, которые прпстали къ бунтовщику, то есть малороссійскаго казачества, сыгравшаго въ дѣлѣ возстанія Малороссіи главную роль Здѣсь мы не будемъ разбирать, какимъ образомъ были приведены дѣла къ извѣстному положенію: наша задача указать, въ какомъ состояніи они находились въ то время, когда паны выжили Богдана Хмельницкаго изъ Украйны.

Совсѣмъ не для уменьшенія значенія личности Богдана Хмельницкаго въ дѣлѣ освобожденія Малороссіи отъ польской власти, а также и не для оправданія его, должно сказать, съ самаго начала, противуположное тому, что о немъ распустили паны. Богданъ Хмельницкій, никогда заранѣе до своего бѣгства изъ Украйны, необдумывалъ плана возстанія и положительно не составлялъ никакого заговора. Польскія власти въ Малороссіи устроили дѣла такъ, что Богданъ Хмельницкій, или кто бы нибылъ на его мѣстѣ, если бы вздумалъ начать возстаніе, могъ смѣло разсчитывать на поддержку со стороны не только городоваго казачества, но и почти всего населенія страны.

Впрочемъ польскія власти знали о такой готовности Малороссіи къ возстанію, хотя и объясняли это дѣло по своему. Вотъ напримѣръ, что пишетъ главнокомандующій правительственныхъ войскъ, собранныхъ противъ Богдана Хмельницкаго, еще до начала военныхъ дѣйствій. Онъ въ письмѣ къ королю, объясняя почему двинулся съ войсками на Украйну, говоритъ: „вѣрно Господь Богъ, при постоянномъ счастіи вашей королевской милости, возвышаетъ своимъ святымъ провидѣніемъ отечество наше, что совѣтъ разныхъ сенаторовъ и моя опытность въ подобныхъ случаяхъ пробудили въ сердцѣ моемъ намѣреніе поспѣшить съ войсками на Украйну“. За симъ коронный гетманъ постоянно проговаривается, что причины, могущія поднять страшный бунтъ, заключаются въ недовольствѣ казаковъ законнымъ порядкомъ, „для водворенія котораго было много пролито благородной кро-

ви". И мы съ своей стороны, непускаясь въ особенныя подробности, объяснимъ, каковъ былъ этотъ законный порядокъ, поддерживаемый только готовностію со стороны пановъ проливать за него свою кровь *).

Въ основѣ казацкихъ порядковъ лежитъ, какъ извѣстно, принципъ выбора излюбленныхъ начальниковъ, вождей по доблести. Но власти устроили казацкое начальство иначе. Главный начальникъ казаковъ былъ коронный гетманъ; по отношенію къ казакамъ его должность соотвѣтствовала теперешнему атаману казачьихъ войскъ. Мѣсто коронаго гетмана на самой Украйнѣ занималъ казацкій коммиссаръ, по нашему наказный атаманъ. Только во время военныхъ дѣйствій отдѣльными казацкими отрядами командовали самостоятельно ближайшіе начальники казаковъ, и въ это время они, можетъ быть, какъ впослѣдствіи, назывались наказными гетманами (по нашему — походный атаманъ). Ближайшими начальниками казаковъ по полкамъ были полковники. Но, можетъ быть, для предупрежденія независимости полковниковъ и они назначались вновь не по выбору казаковъ, а отъ короннаго гетмана и, какъ говорятъ, не всегда изъ казаковъ, а часто изъ шляхтичей. Полковники съ своей стороны старались недопускать казацкаго выбора по отношенію къ сотникамъ и назначали ихъ отъ себя. Такіе порядки въ Войскѣ Запорожскомъ городовомъ стали вводиться около

---

*) Нижеслѣдующій разсказъ этой главы основанъ главнымъ образомъ на документахъ, напечатанныхъ въ Памятникахъ Кіевск. Комм. т. I, отд. III, №№, 1, 2, 3, 4, 7, 10, 24 и 25.

1640 года; такъ что къ 1648 году прежде выбранныхъ казаками полковниковъ и сотниковъ оставалось очень немного. Но и большинство этихъ послѣднихъ было поставлено властями въ такое положеніе, что они сочувствовали новымъ порядкамъ.

По отношенію къ массѣ казачества законный порядокъ былъ таковъ: казаки были переписаны въ реестръ и число реестровыхъ не должно было превышать шести тысячъ человѣкъ. Изъ подозрѣнія къ казакамъ, какъ говорятъ, власти прибѣгали къ простому средству. Московскому посланнику Кунакову разсказывали въ Польшѣ, *) что „въ Запорожскомъ Войскѣ ляхи служили въ полкахъ: въ одномъ полку ихъ было двѣсти, а черкасъ восемьсотъ; да въ четырехъ полкахъ ляховъ по сту, а черкасъ по пятисотъ“.

Для стѣсненія вообще казацкаго своеволія у днѣпровскихъ пороговъ былъ построенъ Кодакъ, укрѣпленіе, долженствовавшее мѣшать казакамъ безъ позволенія начальства ходить на военный промыселъ, а также служившее для наблюденія за Запорожьемъ. На самомъ Запорожьи, если не постоянно пребывали, то очень часто появлялись отряды польскіе и реестровыхъ казаковъ. Они приходили на Низъ для наблюденія за движеніями татаръ въ степяхъ; но при этихъ походахъ поляки еще наблюдали и за бѣглыми на Запорожьи и имѣли наклонность возвращать ихъ, хотя можетъ быть только нѣкоторыхъ на прежнія мѣста жительства. Какъ

---

*) Акты Южн. и Зап. Росс. т. 3, № 243; о Кунаковской запискѣ будетъ сказано ниже.

увидимъ, это чуть-чуть не случилось и съ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Такое стѣсненіе Запорожской Сѣчи въ правѣ давать убѣжище всѣмъ являлось для казаковъ крайнимъ нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей. Бѣглыми запорожцы пополняли свои ряды; но тѣмъ самымъ ихъ интересы вступали въ рѣзкое столкновеніе съ интересами правительства. Вотъ взглядъ казаковъ на Запорожье, высказанный устами самого Богдана Хмельницкаго. Онъ въ письмѣ на имя короля, по поводу своего дѣла, пишетъ: „мы не избрали другой страны (бѣжавши изъ Украйны), кромѣ нашихъ обыкновенныхъ мѣстъ на Запорожьи, откуда предки наши съ давняго времени привыкли свидѣтельствовать свое вѣрное подданство и служить коронѣ польской и вашей королевской милости. Но и здѣсь на Запорожьи не дали намъ покою, не обращая вниманія ни на какія права и преимущества“.—Не знаемъ, имѣли ли польскія власти какое нибудь вліяніе на назначеніе старшихъ на Запорожьи. Однакоже, кажется, и кошевая старшина была поставлена въ такое положеніе, что готова была исполнять всѣ требованія властей.

Хотя польскія власти въ Малороссіи постоянно повторяютъ, что казаки были недовольны законными порядками и въ особенности устройствомъ ихъ начальства; но полагаемъ, что какъ низовые казаки, такъ тѣмъ болѣе городовые ужились бы совсѣмъ этимъ. Объ отношеніи городовыхъ казаковъ къ устройству ихъ управленія мы знаемъ совсѣмъ не то, что говорятъ ихъ враги. Хотя казаки постоянно толкуютъ о своихъ правахъ и вольностяхъ, од-

нако, напримѣръ, относительно права выбора своего верховнаго начальника, гетмана, они были довольно равнодушны и нескоро пришли къ убѣжденію въ необходимости отстаивать это право. Даже самому Богдану Хмельницкому долго и послѣ его побѣдъ настоящимъ верховнымъ казацкимъ военачальникомъ представлялся не иной кто, какъ тотъ же коронный гетманъ. Не только на выборъ гетмана, но даже на право выбора остальной войсковой старшины, полковниковъ и тому подобныхъ начальниковъ, казаки тоже сначала почти не претендовали. Но говоря все это, мы совсѣмъ не утверждаемъ, чтобы казаки вполнѣ сочувствовали указанному устройству ихъ начальства и законному порядку. Со старыми порядками казаки сжились; съ ними было связано для нихъ много дорогихъ преданій. Недовольство казаковъ происходило совсѣмъ не отъ новыхъ порядковъ, а отъ того, что съ ними являлось на сцену. „Послѣ Булюка, на которомъ ляхи гетманство покончили, насланное ими казакамъ начальство, коммиссары и вожди ихъ лядскіе державы, породы и вѣры, такъ ихъ утѣснили, что едва ли кто имѣлъ что либо свое въ дому, опричь жены; якъ и сами (казаки) то описали“,—говоритъ лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ *). И сами паны, несмотря на свое пристрастіе, постоянно проговариваются, что управленіе Войска Запорожскаго было ведено такъ, что оно являлось однозначащимъ съ словами: всяческое беззаконіе, казнокрадство, взяточничество.

---

*) Лѣтопись Самовидца, стр. 1—6.

Казаки всѣ свои обиды описали въ жалобѣ, поданной ихъ посланниками на сеймѣ въ Варшавѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1648 года.

Этотъ документъ, съ поясненіями изъ другихъ источниковъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ очерчиваетъ внутреннее состояніе казачества на канунѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. По этому мы и беремъ его руководящимъ источникомъ для излагаемой главы *).

---

*) Этотъ документъ мы беремъ руководящимъ источникомъ преимущественно предъ другими документами, говорящими о томъ же предметѣ, на томъ основаніи, что изъ собственной жалобы казаковъ можемъ непосредственно узнать, чего дѣйствительно они требовали для себя. Документы же, принадлежащіе польскимъ властямъ, мы устраняемъ потому, что поляки положительно не могли сколько нибудь безпристрастно относиться къ предмету, о которомъ говорили. Соотвѣтственнаго же по содержанію, такъ сказать нейтральнаго источника, непринадлежащаго ни казакамъ, ни полякамъ, мы не знаемъ. Но такъ какъ поляки постоянно проговариваются объ истинныхъ причинахъ бунта казаковъ, то въ сущности вопросъ о выборѣ руководящаго источника, по отношенію къ теперешнему предмету, сводится къ тому, что мы изъ многихъ должны предпочесть полнѣйшій по содержанію. Въ этомъ отношеніи нигдѣ полнѣе и лучше не сгруппированы всѣ причины, заставившія казаковъ взбунтоваться, какъ въ ихъ собственной жалобѣ.

Жалоба казаковъ, какъ и всѣ ей подобные документы, истекаютъ по своему содержанію изъ жалобы Богдана Хмельницкаго на его личныя обиды. Въ ней мы даже можемъ встрѣтить цѣлыя фразы, заимствованныя изъ ея образца.

Жалоба казаковъ составлена ясно, обстоятельно и систематично. Ее можно даже назвать извѣстнаго рода просьбою о правахъ. Однакоже въ этомъ документѣ мы не отыщемъ требованія со стороны казаковъ какихъ либо высшихъ правъ, во всякомъ случаѣ такихъ, о какихъ привыкли толковать потомки. Потомки обыкновенно представляютъ себѣ казацкія права на основаніи положенія казачества послѣ событій,

Какъ челобитчики сами понимаютъ и въ чемъ видятъ основу своихъ правъ, объ этомъ читаемъ въ первомъ пунктѣ ихъ жалобы:

„Ихъ милости паны-державцы насъ людей рыцарскихъ хуже нежели невольниковъ трактуютъ".

Въ чемъ собственно заключаются рыцарскія права казаковъ, они того не опредѣляютъ ясно. Но самыя формы трактованія ихъ хуже невольниковъ, а слѣдовательно нарушеніе правъ и оскорбленіе рыцарской чести, узнаемъ изъ слѣдующихъ пунктовъ жалобы. На основаніи перваго ея пункта можно только сказать, что казаки считаютъ себя среди остальнаго населенія особымъ, такъ сказать, благороднымъ сословіемъ.

Второй пунктъ жалобы гласитъ:

совершившихся при Богданѣ Хмельницкомъ. Въ разбираемомъ же нами документѣ мы видимъ, что побѣдители еще далеко не вошли въ сознаніе своего положенія. Казаки все еще думаютъ недавно прошедшимъ, чувствуютъ его тягость и только спѣшатъ заявить просьбу, чтобы всего этого впредь неповторялось. Это одна сторона жалобы казаковъ; но въ ней есть пожалуй и другая. Это не какая нибудь плачевная челобитная гонимаго, а дѣйствительное требованіе возстановленія нарушеннаго стороною, которая почувствовала, что можно получить силою то, чего прежде нельзя было добиться просьбою. Въ этой жалобѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о дѣлахъ, повидимому мало относящихся къ дѣлу казаковъ. Они въ заключеніе своей жалобы связываютъ свои обиды съ обидами всего малороссійскаго народа. Такою связью для казаковъ со всѣмъ народомъ является защита вѣры своихъ отцевъ. Но это—лишь дополненіе къ жалобѣ, къ обидамъ собственно казацкимъ, и его, надо полагать, нельзя назвать совершенно новымъ притязаніемъ казаковъ.

„Хутора, луга, мельницы и все что имъ (панамъ-державцамъ) понравится въ домахъ казаковъ, берутъ наспльно, мучатъ и убиваютъ“.

Съ этимъ пунктомъ жалобы казаковъ тѣсно связанъ по содержанію седьмой пунктъ жалобы Богдана Хмельницкаго, который поэтому и приводимъ здѣсь:

Паны украинскіе урядники насильно берутъ въ домахъ казаковъ все, что имъ понравится; жены казаковъ и ихъ дочери тогда должны плясать, когда они играютъ“.

Оба эти пункта прежде всего замѣчательны тѣмъ, что составлены весьма искусно. Факты, упомянутые въ первой половинѣ ихъ, такъ тѣсно связаны съ описанными во второй, что невозможно растолковать ихъ вопреки тому значенію, какое придаютъ имъ челобитчики, то есть, что описанныя дѣйствія пановъ урядниковъ, по отношенію къ казакамъ, не слѣдуетъ иначе признавать какъ оскорбительнѣйшимъ насиліемъ.

Но такъ ли было въ дѣйствительности? По первой половинѣ пунктовъ можно сдѣлать предположеніе, что описанныя дѣйствія властей основывались на законѣ. Изъ дѣла Богдана Хмельницкаго увидимъ, какъ у него хотѣли отобрать родовую маетность Субботово за то, что онъ неимѣлъ законныхъ документовъ на владѣніе ею. Точно также и у другихъ казаковъ власти могли требовать доказательствъ права на владѣніе ихъ землями. Богданъ Хмельницкій устранилъ свою бѣду

тѣмъ, что выправилъ себѣ привилей на Субботово; и другіе казаки могли прибѣгать къ подобнымъ же средствамъ защиты. Но не всѣ городовые казаки владѣли собственными хуторами. Большинство ихъ жили на земляхъ, напримѣръ богатыхъ пановъ, такъ что люди власть имѣвшіе, если только хотѣли, могли отбирать у нихъ хутора, луга и мельницы. Здѣсь казаки положительно не могли претендовать ни на какую законную защиту. Эту систему обезземеленія казаковъ Богданъ Хмельницкій, въ письмѣ на имя короля (посланномъ съ разбираемыми Статьями), описываетъ такъ: правительственныя власти въ Малороссіи распространяютъ ее всюду, „забираютъ всѣ наши владѣнія, хотя бы они находились въ имѣніяхъ вашей королевской милости“.

Здѣсь сдѣлаемъ небольшое поясненіе для читателей. Въ приведенныхъ нами пунктахъ казаки жалуются не на войсковыхъ своихъ начальниковъ, а подъ панами-державцами разумѣютъ гражданскія власти Малороссіи. То были старосты. Но впрочемъ послѣдніе, какъ важныя особы, не занимались подобными дѣлами. Они и „на Украйнѣ не мешкали, а только урядъ свой держали“; то есть только получали доходы съ ввѣренныхъ ихъ управленію округовъ. Всѣ же дѣла по старостинской должности исполняли ихъ намѣстники—подстаросты. Вотъ эти то урядники и имѣются главнымъ образомъ въ виду въ жалобахъ казаковъ.

Болѣе ясное опредѣленіе нарушенія рыцарскихъ правъ казаковъ читаемъ въ третьемъ пунктѣ ихъ жалобы:

„Берутъ десятины съ пчелъ, половщину и деньги“.

И такъ казаки по собственному сознанію считали себя свободными отъ податей, по крайней мѣрѣ здѣсь ими указанныхъ, а державцы такого права за ними не признавали. Изъ столкновенія понятій двухъ сторонъ могли на практикѣ возникать разнообразныя недоразумѣнія. Что со стороны властей считалось законнымъ и къ исполненію чего они хотѣли принудить казаковъ, то для послѣднихъ являлось беззаконіемъ, а принужденіе къ исполненію насиліемъ, мученіемъ, убійствомъ. Паны урядники дѣйствительно могли брать въ домахъ казаковъ различныя вещи, но брать ихъ за подати.

Говоря все это, мы однакоже не отвергаемъ, чтобы при взысканіяхъ податей урядники не позволяли себѣ никакихъ обидъ казакамъ. Очень можетъ быть, что при исполненіи такихъ своихъ обязанностей паны кутили. Во время пира, когда они играли, жены и дочери казаковъ принуждены были ихъ потѣшать, плясать и дѣлать все тому подобное.

Далѣе въ четвертомъ пунктѣ жалобы казаковъ читаемъ:

„Старыхъ казацкихъ женъ и отцовъ ихъ, хотя бы сынъ находился на службѣ, облагаютъ чиншомъ, какъ и другихъ хлоповъ.“

Гражданскія власти не признаютъ за казаками никакихъ сословныхъ правъ и сравниваютъ ихъ съ хлопами, которые должны платить подати и исполнять повинности. Служба одного изъ членовъ семейства, хотя бы и военная, нисколько не осво-

бождаетъ остальныхъ, исключая кажется жены и дѣтей, отъ ихъ хлопскихъ обязанностей.

Уже изъ изложеннаго видно, что дѣйствія властей, на которыя жалуются челобитчики, имѣли въ виду не одни насилія и оскорбленія. Они вели къ уравненію казаковъ съ остальными сословіями Малороссіи.

Но какая была конечная цѣль всѣхъ указанныхъ дѣйствій властей, исходившихъ, какъ видно, изъ какой-то общей государственной мѣры? пятый пунктъ жалобы казаковъ гласитъ:

„Казацкихъ женъ, тотчасъ по смерти казаковъ, заставляютъ безъ милости работать наравнѣ съ мѣщанами.“

По понятіямъ казаковъ не только они лично, съ собственными семействами, должны пользоваться преимуществами своего сословія, но права этого сословія принадлежатъ и всему ихъ роду. Дѣтямъ казаковъ по смерти отцовъ, если они при ихъ жизни не вступили на службу, никто не долженъ препятствовать вступить въ ряды рыцарей. А власти, какъ видно, смотрѣли на дѣло иначе: когда вымрутъ теперь существующіе казаки, то дальше казачества уже не будетъ; вдовы казаковъ должны были уже работать наравнѣ съ мѣщанами; „хочай и сынъ казацкій, тую же панщину мусѣлъ (долженъ былъ) робити и плату давати“,— дополняетъ намъ лѣтописецъ Хмельницкаго *).

Исполнители такой системы стѣсненія казачества шли къ предназначенной цѣли не только бы-

---

*) Лѣтопись Самовидца, начиная съ 6 стр.

стро, но и безпощадно. При этомъ, какъ видно, всякое средство считалось дозволительнымъ для достиженія ея. Но создатели такой системы кажется не находили этого образа дѣйствій необходимымъ. Вѣроятно, недаромъ въ жалобѣ самого Богдана Хмельницкаго находимъ одинъ пунктъ, относящійся къ этому предмету. Этотъ осьмой пунктъ его жалобы кажется относится къ пану кастеляну краковскому, Станиславу Конецпольскому, бывшему, до начала 1646 года, короннымъ гетманомъ. Здѣсь читаемъ:

„О такихъ притѣсненіяхъ нѣсколько разъ писалъ его милость панъ кастелянъ краковскій къ панамъ урядникамъ и державцамъ съ напоминаніемъ; но это нисколько не помогло.“

Насколько справедливо окончаніе этого пункта, не беремся рѣшать. Но если въ планъ Конецпольскаго съ товарищи не входило вообще притѣсненіе казаковъ, то конечно они еще менѣе могли сочувствовать тому, что мы читаемъ въ седьмомъ пунктѣ жалобы казаковъ:

„Жолнерская челядь забираетъ у казаковъ воловъ, скотъ и всякіе пожитки.“

Такія дѣйствія жолнерской челяди, на основаніи извѣстныхъ польскихъ порядковъ, никакъ нельзя подвести подъ разрядъ взысканія податей или чего нибудь въ родѣ правительственныхъ наказаній жителей за неисполненіе обязанностей.

Въ пунктахъ казацкихъ жалобъ совсѣмъ не упоминается еще объ одномъ изъ средствъ притѣсне-

нія казаковъ. Въ томъ же письмѣ Богдана Хмельницкаго на имя короля встрѣчаемъ: „даже жиды, въ надеждѣ на паповъ урядниковъ, также причиняютъ намъ великія обиды; невѣроятно, чтобы и въ турской нѣволѣ христіанство переносило такія несчастія, какія совершаются надъ нами.“ Жиды, по словамъ лѣтописца Хмельницкаго, тѣснили казаковъ слѣдующимъ образомъ: „въ городахъ зась (опять) отъ жидовъ тая была кривда, же не вольно козаковѣ въ домѣ своемъ жаднаго (никакого) напитку на потребу свою держати: не тилко меду, горѣлки але и браги.“ У Кунакова, со словъ поляковъ, находимъ такое описаніе дѣйствій жидовъ въ Малороссіи: „черкасовъ паны побивали, женъ и дѣтей у нихъ поотнимали и всякое насильство и раззореніе чинили. Да черкасамъ же сверхъ того было раззореніе отъ жидовъ, которые держали въ тѣхъ мѣстахъ отъ пановъ аренды. И тѣ жиды черкасъ грабили и наругались надъ ними всячески: только который черкашенинъ укуритъ вина или сваритъ пиво, или медъ, не явясь къ жидамъ, или противъ жида учнетъ говорить не снявъ шапки, и жиды за то, спримѣтываясь къ нимъ, за посмѣхъ ихъ грабили и раззоряли, животы ихъ отнимали и женъ и дѣтей въ работу имали насильствомъ. А какъ Станиславъ Потоцкій (читай Конецпольскій) умеръ, и Николай Потоцкій и князь Еремей Вишневецкій и Остророгъ и иные паны и досталь позволили жидамъ черкасъ раззорять. Да и сами паны у черкасъ у многихъ поимали насильствомъ женъ и дѣтей и животы и многое имъ наруганье и раззоренье чинили.“

Если такъ поступали паны-державцы съ массой казаковъ, то какъ же они относились къ войсковой старшинѣ, а съ другой стороны какъ эта послѣдняя смотрѣла на подобныя описаннымъ дѣла? Войсковая старшина кажется всего менѣе должна была равнодушно относиться къ тому, когда было очевидно, что дѣло идетъ къ уничтоженію казачества.

Объ этомъ своемъ начальствѣ казаки помѣстили въ жалобѣ нѣсколько пунктовъ. Въ шестомъ читаемъ:

„Паны полковники насъ не защищаютъ и во всемъ противъ насъ помогаютъ; а вещи наши и пожитки, подъ видомъ торга, берутъ за половину цѣны.“

Въ письмѣ Богдана Хмельницкаго на имя короля встрѣчаемъ объ этихъ полковникахъ тоже, но съ поясненіемъ, что они такъ поступаютъ, „будучи вѣрными слугами ихъ милостей пановъ-державцевъ“. Изъ словъ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ мы уже видѣли объясненіе, почему войсковая старшина смотрѣла на казаковъ одинаково съ панами-державцами: она въ большинствѣ была „насланные ляхами вожди ихъ лядской державы, породы и вѣры.“ Лѣтописецъ Хмельницкаго говоритъ тоже самое: „знову зась, которые зоставили казаками реестровыми, а надъ оными полковникове, шляхта отъ гетмана коронаго посланные были, которые объ ихъ вольности бынаймнѣй не дбаючи (совсѣмъ не заботились) але яко могучи мѣрали.“ Въ бумагахъ польскихъ властей объ этомъ войсковомъ начальствѣ встрѣчаемъ

подобнаго рода фразы: казацкій бунтъ былъ приготовленъ жадностію полковниковъ и тиранскимъ обхожденіемъ съ казаками; казаки были угнетены болѣе простыхъ хлоповъ и ненавидимы. Передъ началомъ возстанія паны говорили, что для уничтоженія недовольства казаковъ необходимо судить полковниковъ и самого коммиссара; а когда послѣдній попался въ плѣнъ взбунтовавшимся казакамъ и былъ ими замученъ, то паны восклицали, что это онъ причина и начало всѣхъ бѣдствій Рѣчи Посполитой.

Послѣ этого кажется можно смѣло сказать, что войсковое начальство въ строгомъ примѣненіи системы стѣсненія казачества видѣло даже собственныя выгоды. Въ чемъ выражались оскорбительныя дѣйствія старшины для казаковъ сверхъ того, что они брали у послѣднихъ вещи за половину цѣны, объ этомъ говорятъ слѣдующіе пункты жалобы казаковъ. Въ осьмомъ пунктѣ читаемъ:

„На Запарожьи и на Днѣпрѣ не даютъ промышлять, ни звѣрей, ни рыбы ловить, а съ головы каждаго казака берутъ по лисицѣ; а ежели не поймаетъ казакъ лисицы, то за лисицу отбираютъ самопалы.“

Относительно промысловъ на Днѣпрѣ были вѣроятно какія нибудь законныя основанія для стѣсненія казачества. На эти промыслы кажется имѣли право мѣщане украинскихъ городовъ. Это можно предположить на основаніи семнадцатаго пункта наказа войсковымъ посланникамъ въ Москву въ 1654 году. Даже и тогда Войско считало нужнымъ просить: „которые запорожскіе казаки, не-

Лен. Гос. ... Научная библ. ... им. Горького

богатые люди, ходятъ на промыслы для рыбной и звѣриной ловли на Низъ и тѣмъ кормятся, то на тѣ же промыслы ходятъ и украинскихъ городовъ и мѣщане и въ томъ имъ чинятъ помѣшку; и государь бы ихъ пожаловалъ, мѣщанамъ въ тѣ промыслы ходить и въ томъ имъ казакамъ помѣшки чинить не велѣлъ". По поводу упомянутаго въ казацкой жалобѣ взысканія съ казаковъ за промыслы по лисицѣ выпишемъ въ дополненіе слова лѣтописца Хмельницкаго: „которые зась на рыбу хожували казаки за порога, то на Кодаку на комиссара рыбу десятую отбѣрали; а полковникомъ особливо треба дати и сотникамъ, асаулѣ и писаревѣ."

Остальные пункты жалобы казаковъ объ ихъ войсковомъ начальствѣ приведемъ подъ рядъ. Осьмой пунктъ оканчивается словами:

„Панамъ полковникамъ подводы даемъ или вмѣсто подводъ платимъ деньгами."

Девятый пунктъ: „нашу военную добычу, татаръ и даже дѣтей татарскихъ полковники отбираютъ у казаковъ".

Десятый пунктъ: „захваченныя у непріятеля стада, скотъ, овцы, паны полковники отбираютъ себѣ, такъ что мы для нихъ только и пріобрѣтаемъ".

Одинадцатый пунктъ: „нашедши какую нибудь причину, тотчасъ сажаютъ казака въ тюрьму, и гдѣ чуютъ взятку, не выпустятъ, пока не дастъ добраго выкупу, а работать что нужно приказываютъ".

Лѣтописецъ Хмельницкаго всѣ подобныя дѣйствія полковниковъ описываетъ такъ: „въ поля зась пойшовши, любо якій казакъ достане у татаръ коня добраго, того отоймуть.—Знову зась, хочай бы якого языка татарскаго поймали казаки, то съ языкомъ татарскимъ на кого ласкавъ полковникъ, якого жолнѣра своего высылаетъ до тетмана коронпаго, а казацькую отвагу потлумляетъ (заглушаетъ).—Также полковникове казаковъ до всякой домовой незвычайной работы пристаповляли. Зъ Запорожья чрезъ поля дикіе зъ рарогомъ (ястребомъ), раструбомъ (соколомъ), орломъ, хортомъ (охотничьей собакой) казака бѣднаго шлютъ въ городы кому подарокъ шлючи якому паповѣ, не жалуючи казака, хочай бы сгинулъ, якъ нетрудно отъ татаръ.“

Тринадцатый пунктъ жалобы казаковъ окончательно очерчиваетъ намъ тогдашнее положеніе реестроваго казачества; въ немъ читаемъ:

„Просятъ, чтобы заслуженное жалованье, которое мы не получали въ теченіи пяти лѣтъ, было сполна отправлено къ намъ вмѣстѣ съ коммиссіею.“

И такъ извѣстная болѣзнь государственныхъ порядковъ Польши—не выдавать войскамъ заслуженнаго жалованья, чувствовалась и по отношенію къ казакамъ. Сумма этого невыданнаго жалованья должна была достигнуть значительныхъ размѣровъ. Одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, описывая состояніе дѣлъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Богдана Хмельницкаго, упоминаетъ и объ этомъ предметѣ и опредѣляетъ цифру неуплаченнаго казакамъ жалованья въ триста тысячъ.

Лѣтописецъ Хмельницкаго, говоря объ этомъ же, придаетъ всему дѣлу такой оттѣнокъ: „полковники легце поважаючи (считая) плату, которая постановлена была на казака отъ короля его милости и Рѣчи Посполитой по золотыхъ тридцать на рокъ (на годъ), тое на себе отбѣрали, съ сотниками дѣлячися, бо сотниковъ не казаки обѣрали и наставляли, але полковники кого хотѣли зъ своей руки, жебы онымъ жичливыми (расположены) были.“

Лѣтописецъ Хмельницкаго, очертивъ, приведенными изъ него мѣстами, положеніе реестроваго казачества, заканчиваетъ свой разсказъ словами: „Ажъ до великаго убожества казачество прійшло... тое надъ казаками было!“ Точно также и лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, желая кратко опредѣлить, какъ насланныя ляхами власти, „для своего зыску и прибытковъ утѣснили казаковъ,“ говоритъ: „тогда у казака едвали что собственное было въ дому его опричь жены!“

Однако же и при такомъ неблестящемъ положеніи реестровые казаки, вѣроятно, иногда и на самомъ дѣлѣ пользовались извѣстными правами. Но были на Украйнѣ еще казаки, болѣе обиженные чѣмъ реестровые, и безъ всякаго общественнаго положенія; это оставшіеся за шести-тысячнымъ реестромъ. Вотъ какъ описываетъ положеніе этихъ послѣднихъ передъ 1648 годомъ, лѣтописецъ Хмельницкаго: „тогда бо онымъ не хотячи, чего не звыкли были, панщины робити, на службу замковую обернено, которыхъ зъ листами и въ городѣ до хандожанія (чистки) коней старостовъ держали, въ дворахъ грубу, то есть печи, палити, псовъ хандожи-

ти, дворѣ змѣтати, и до иншихъ неизносныхъ дѣлъ приставляли.“ — Ходатайство казаковъ объ этихъ раззоренныхъ, униженныхъ своихъ собратіяхъ мы читаемъ въ одиннадцатомъ пунктѣ казацкой жалобы:

„Была воля его королевской милости, чтобы мы шли на море, и на челны выданы намъ деньги, а къ Запорожскому Войску предполагалось прибавить еще 6.000. Но старшіе наши не позволили, чтобы Войско наше состояло изъ 12.000, хотя мы обѣщаемъ и клянемся, что сверхъ этого числа принимать людей въ Войско не будемъ; между тѣмъ, съ 6.000 Войска нашего мы не можемъ оказывать услугъ ни его королевской милости, ни республикѣ, а только въ большемъ числѣ.“

Этотъ пунктъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ жалобѣ казаковъ. — Помимо того, что бунтовщики заботятся объ устройствѣ будущаго положенія тѣхъ которые къ нимъ пристали, намъ въ этомъ пунктѣ должно обратить вниманіе и на слѣдующее. Онъ главнымъ образомъ опредѣляетъ понятія казаковъ о своихъ отношеніяхъ къ верховной власти. Но впрочемъ при неясности пункта, о значеніи казацкихъ требованій, въ немъ изложенныхъ, мы можемъ судить только по тому, во что они развились впослѣдствіи при благопріятныхъ для казачества обстоятельствахъ. Теперь же въ этомъ пунктѣ видимъ:

1) Казаки говорятъ, что прежніе старшіе не хотѣли увеличенія Войска, а теперешніе, ими избран-

ные, этому сочувствуютъ. Но казаки ничего не говорятъ о томъ, имѣли ли они право перемѣнять свое начальство? Мало того, верховная власть призывается не только признать совершившійся фактъ, но еще, вступленіемъ въ переговоры съ такимъ новымъ казацкимъ начальствомъ, такъ сказать, отказаться на будущее время отъ своего права назначать казакамъ эту старшину. Но впрочемъ казаки здѣсь намъ ничего не сказали ясно, какъ они сами смотрятъ на совершенныя ими дѣла, то есть что такое выборъ ими своихъ старшихъ—обычай, право или онъ допускается только въ исключительныхъ обстоятельствахъ?

2) Казаки обѣщаются и клянутся, что не будутъ принимать въ Войско людей болѣе опредѣленнаго числа. Однако же они опять не говорятъ ясно, въ какихъ же отношеніяхъ должна стоять верховная власть къ этому казацкому набору. По смыслу пункта жалобы видно, что казаки сами будутъ производить наборъ и составлять реестръ, а верховной власти предоставляется только право контроля, чтобы недопустить казаковъ до превышенія своихъ притязаній. Также по всему видно, что казаки требуютъ полной самостоятельности своего сословія, обязанности же свои ограничиваютъ только тѣмъ, что должны „оказывать услуги королю и республикѣ.“ Но въ чемъ должна выражаться эта самостоятельность сословія, кромѣ тѣхъ правъ, на нарушеніе которыхъ они жаловались, и какихъ услугъ могутъ требовать отъ казаковъ король и республика, сказать объ этомъ точно казаки, какъ видно, теперь еще не надумались.

3) Откуда должны быть набраны другіе 6.000 казаковъ противъ опредѣленнаго прежде числа Войска Запорожскаго? По пункту жалобы ясно, что такой наборъ долженъ быть не обязательный, потому что представители казачества обѣщаются и клянутся, что сверхъ 12.000 не будутъ принимать въ Войско. Слѣдовательно нереестровыхъ казаковъ или вообще желавшихъ попасть въ число реестровыхъ было на Украйнѣ несравненно болѣе 6.000 человѣкъ.

По поводу этого набора казаковъ мы должны сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ массы малороссійскаго населенія къ дѣлу казачества. Ряды казаковъ могли пополняться не одними бездомными рыцарями; казачество имѣло свой корень въ черни малороссійской и изъ нея пополнялось. Этотъ источникъ казачества паны описываютъ такъ: „чернь, живущую въ другихъ краяхъ Рѣчи Посполитой, нельзя противупоставить здѣшней, потому что та чернь безоружна и не пріучена къ войнѣ, а украинская всегда имѣла въ дѣйствіи оружіе или по своеволію или на службѣ республикѣ. Мы теперь имѣемъ дѣло не съ тою древнею Русью, которая съ луками и рогатинами вступала въ бой, но съ страшнымъ огнестрѣльнымъ войскомъ, которое мы должны считать въ такомъ количествѣ, что противъ одной головы кого нибудь изъ насъ явятся тысячи хлопскихъ головъ съ ружьями“. Въ числѣ причинъ, почему были собраны войска на Украйну, въ виду бунта Богдана Хмельницкаго, паны указывали королю: „одинъ панъ князь воевода русскій (Вишневецкій) отобралъ у своихъ крестьянъ нѣсколько

тысячъ самопаловъ; тоже сдѣлали и другіе. Все это оружіе и съ людьми перешло бы къ мятежникамъ Хмельницкаго. Легко можете представить, ваша королевская милость, какъ усилилось бы буйство и что произвело бы оно въ областяхъ вашей королевской милости, если бы не было остановлено въ самомъ началѣ и если бы не было забрано оружіе въ разныхъ замкахъ, въ которые могли убѣжать мятежники.“ Въ приведенныхъ словахъ пановъ есть, можетъ быть, значительная доля преувеличенія, такъ какъ все это они писали подъ вліяніемъ ужаса, съ которымъ относились къ казацкому бунту. Однакоже въ сочувствіи къ казакамъ значительной части черни нельзя сомнѣваться. А то, что въ то время и вся масса низшаго населенія Малороссіи могла довольно благосклонно смотрѣть на казацкія шалости это объясняется тогдашними польскими порядками по отношенію къ тамошнимъ городскимъ и сельскимъ жителямъ. По этому поводу мы здѣсь приведемъ только слова лѣтописца Хмельницкаго, указывающія на тоже, что говорятъ и паны, но объясняющія это другими причинами. Онъ пишетъ: „надъ поспольствомъ зась (опять), любо во всемъ жили обфито (въ довольствѣ), въ збожахъ (хлѣбѣ), въ бидляхъ (въ скотѣ), въ пасѣкахъ, але однако чего не звыкла была Украина терпѣти, вымыслы великіе были отъ старостовъ и отъ намѣстниковъ и жидовъ; бо сами державцы на Украинѣ не мешкали тилко урядъ держали, и такъ о крывдахъ посполитыхъ людей мало знали, альбо любо и знали, только заслѣплены будучи подарками отъ старостъ и жидовъ арендарей, же того не могли узнати, же

ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и мажуть, съ ихъ подданныхъ выдравши, онымъ даруютъ, що и самому пану вольно бы узяти у своего подданнаго и не такъ бы подданный его жалковавъ; а то леда шевлюга (мерзость), леда жидъ богатится, по килька цуговъ коней справляетъ, вымышляючи чинши великіе, поволовщины, дуди, осыпъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное отниманіе фолварковъ".

Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: почему, при вышеуказанной системѣ дѣйствій по отношенію къ казачеству и зная объ явномъ недовольствѣ крестьянъ, паны не уничтожили средствъ не только къ пополненію рядовъ казачества, но и вообще къ опасному бунту? Почему напримѣръ не была обезоружена заранѣе вся малороссійская чернь? На это намъ даютъ отвѣтъ тѣ же паны. Оказывается, что правительственныя власти въ Малороссіи не прибѣгали къ обезоруженію черни потому, что не только казаковъ, но пожалуй и все малороссійское населеніе считали опорою христіанскаго міра противъ мусульманскаго. Такъ коронный гетманъ, даже въ виду казацкаго возстанія, все еще мечталъ о побѣдѣ, при помощи казаковъ, надъ непріятелемъ креста Господня. По этому поводу онъ пишетъ къ королю: „я полагалъ бы необходимымъ, для общаго блага, дозволить казакамъ (въ скоромъ времени) выступить въ море и то для необходимой потребности республики, чтобы это населеніе не занимало полей (степей) и не забывало давняго способа войны, который намъ послѣ можетъ быть полезнымъ".

Но мы здѣсь должны пояснить, что малороссійская чернь крестьяне, пріучались къ употребленію оружія не только „по своеволію или на службѣ республикѣ“: воинственныя наклонности населенія поддерживались главнымъ образомъ тамошними украинскими панами. Ихъ громадныя дворни, хорошо вооруженныя и обученныя, являлись чѣмъ то въ родѣ древнихъ княжескихъ дружинъ. Если правительство, желая извлекать пользу изъ казаковъ, въ то же время допускало всячески ихъ обижать, то точно также дѣйствовали паны. Дозволяя управителямъ своихъ имѣній и арендаторамъ притѣснять крестьянъ, они изъ этихъ же крестьянъ набирали себѣ дворни. Но при этомъ паны, въ противуположность своимъ предшественникамъ, а часто и предкамъ, древнимъ русскимъ князьямъ, не только не заботились вовлечь дружины въ свои интересы, но не видно, чтобы хлопотали чѣмъ нибудь отдѣлить интересы послѣднихъ отъ крестьянскихъ. А вслѣдствіе этого имъ вскорѣ пришлось очень часто восклицать: „у такого то пана столько то тысячъ войска, но онъ на него не полагается, потому что—Русь!“ Это восклицаніе въ первый разъ было произнесено по отношенію къ воеводѣ русскому князю Іереміи Вишневецкому, богатѣйшему магнату въ Малороссіи. Онъ первый, передъ самымъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, поспѣшилъ обезоружить своихъ крестьянъ; но его болѣе чѣмъ въ десять тысячъ дворня первая измѣнила своему господину и перешла къ казакамъ.

Преслѣдуя двѣ совершенно противуположныя цѣли, польскія власти въ Малороссіи держали въ

своихъ рукахъ оружіе обоюдоострое. Какой былъ результатъ такихъ ихъ дѣйствій, еще до того времени, когда у недовольныхъ явился вождь, объ этомъ мы, кажется, всего лучше можемъ навести справку у сосѣдей Малороссіи, у московскихъ украинскихъ воеводъ. Первое, что узнаемъ отъ нихъ, то, что въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія была громадная эмиграція населенія изъ Малороссіи въ московскія украйны. Полумирное населеніе бѣжало туда, чтобы поселиться тамъ въ пустыхъ мѣстахъ. Уходили изъ Малороссіи не лица или семьи, а шли своего рода организованныя общества, подъ начальствомъ своихъ выборныхъ атамановъ. Воеводы были обязаны принимать этихъ выходцевъ на имя велікаго государя. Объ этомъ пріемѣ мы узнаемъ слѣдующее. Выходцевъ пересматривали, надѣляли землями и обязывали „государевы украйны оберегать, въ домахъ своихъ селиться, указныя свои земли пахать, хлѣбъ сѣять, государево жалованье на кабакѣ не пропивать, зерью не играть, табаку не держать и ни къ какимъ воровскимъ людямъ не приставать; а тогда государево жалованье и впредь будетъ“. На приходъ для бѣдности и на всякія нужды выходцамъ выдавалось государева жалованья: „атаманамъ по 7 рублевъ; сотникамъ, знаменщикамъ и асауламъ по 6 рублевъ; рядовымъ по 5 рублевъ на человѣка; жалованье выдавать всѣмъ на лицо съ порукою; а въ порукѣ велѣть писаться другъ передъ другомъ, а за очи никому не давать“. Выходцевъ передъ поселеніемъ, иногда каждаго отдѣльно, распрашивали: „Мишка Мошновъ сказался: черкашенинъ города Глухова;

въ нынѣшнемъ 155 году пришолъ изъ Литовскіе стороны на Осколъ, на вѣчное житье, на государево имя, съ женою и съ дѣтьми. Дѣтей у себя сказалъ: сынъ Мишка 25 лѣтъ, сынъ Якушка 20 лѣтъ, сынъ Васька 18, сынъ Сенька 15, дочь 9 лѣтъ; а животовъ у себя сказалъ: 2 мерина, 2 коровы, 10 свиней, 2 котла мѣдныхъ; ружья двѣ пищали“ *). Небезъизвѣстно, что главнымъ образомъ въ тѣ времена были положены основанія теперешнимъ милліоннымъ населеніямъ малороссіянъ въ слободахъ великороссійскихъ украйнъ.

Но если польскія власти въ Малороссіи не могли остановить у себя потокъ такой эмиграціи, то для нихъ конечно было несравненно труднѣе удержать отъ бѣгства людей вполнѣ своевольныхъ. И вотъ еще что намъ сообщаютъ о тогдашней Малороссіи московскіе украинскіе воеводы. Она являлась какимъ-то гнѣздомъ, изъ котораго во всѣ стороны выходили шайки самыхъ безпокойныхъ головъ. Для сосѣдей Малороссіи это особенно было непріятно потому, что шайки направлялись большею частью не въ низовья Днѣпра, не на Запорожье, а на юго-востокъ. „Рѣкою Донцомъ и степью отъ литовскихъ воровъ черкасъ проѣзду нѣтъ,“ — пишутъ очень часто въ Москву украинскіе воеводы, — „вездѣ по дорогамъ станишниковъ въ станицахъ и всякихъ чиновъ людей въ проѣздахъ до смерти побиваютъ. И о тѣхъ воровскихъ черкасахъ вели, государь, намъ указъ учинить, посылать-ли за тѣми воровскими людьми ратныхъ людей“. Въ дополненіе

*) Арх. Мин. Юст., Дѣла Малор., столбецъ № 5817.

къ этимъ словамъ воеводъ мы приведемъ здѣсь разсказъ московскихъ посланниковъ, ѣхавшихъ въ Крымъ съ данью, въ концѣ 1647 года *): „въ декабрѣ мѣсяцѣ мы проѣхали съ Розмѣннаго мѣста (около Валуекъ, Воронежской губерніи) въ татарскую степь довольно благополучно; 13 декабря, въ ночи, пріѣзжалъ къ намъ на станъ Егья Мурза Сулешовъ и говорилъ: „прислалъ его Маметша князь (сопровождавшій съ своими татарами посланниковъ съ Розмѣннаго мѣста въ Крымъ), а велѣлъ говорить, чтобы мы послали отъ себя на Донецъ и въ Святогорскій монастырь станицу государевыхъ ратныхъ людей, сколько пригоже, чтобы по Донцу разъѣздъ учинить по обѣ стороны и въ Святогорскомъ монастырѣ старцовъ допросить, нѣтъ-ли по Донцу черкасъ и воровскихъ какихъ людей, чтобы намъ посланникамъ съ государевою казною Донецъ до Тору пройти здорово и на Донцѣ мостъ намостить.“ И мы, отпустя станицу, пошли; за пять верстъ не доѣзжая Донца, пріѣхали къ намъ стрѣльцы и казаки, которыхъ мы посылали, а въ распросѣ сказали, что они по обѣ стороны Донца разъѣзжали и слѣдовъ на рѣкѣ нѣтъ, а мостъ старый въ худыхъ мѣстахъ починили. Да они же говорили, что въ Святогорскомъ монастырѣ про воровскихъ черкасъ распрашивали, и старецъ Іовъ Пороховъ имъ сказалъ, „что на Донцу воровскіе черкасы есть, конные ѣздятъ и пѣшіе ходятъ и пищальная стрѣльба въ монастырѣ слышна почасту; въ ко-

*) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Крымск.; св. № 41, тетр. № 13.

торыхъ мѣстахъ тѣхъ воровскихъ черкасъ станы и много ль, того невѣдаетъ; да у нихъ—де въ монастырѣ взяли, декабря въ 11 день, монастырскаго работника Гришку на рыбномъ промыслѣ". И того же числа посланники съ государевою казною рѣку Донецъ перешли и ночевали противъ Святогорскаго ровнаго лѣсу съ великимъ береженьемъ".

Московскому правительству теперь не было надобности заботиться объ очищеніи степи отъ накопившихся въ ней разбойниковъ черкасъ, потому что они оттуда и сами скоро ушли. — Малороссійское казачество не могло сойти со сцены исторіи, не давши послѣдней отчаянной битвы описанному уже нами законному порядку. Паны при приведеніи законныхъ мѣръ въ исполненіе добились того, „що натрафили на человѣка одного;" они въ концѣ 1647 года заставили бѣжать изъ Украйны такого безпокойнаго своевольника, который собралъ около себя въ одинъ таборъ всѣхъ степныхъ и рѣчныхъ казаковъ. И вотъ весь этотъ людъ направился туда, откуда онъ недавно принужденъ былъ удалиться. На родинѣ казаки нашли себѣ слишкомъ много союзниковъ не между одними тамошними казаками: одновременно съ послѣдними пристали къ побѣдителямъ „броварники (рабочіе на пивоварняхъ), винники, могильники, будники (рабочіе при постройкахъ), наймиты, пастухи" Они овладѣли страной. Но тутъ казацкіе вожди почувствовали тотчасъ же, что населеніе Малороссіи состоитъ не изъ однихъ панскихъ дворней, нереестровыхъ казаковъ и раззореннаго крестьянства. Много было на Украйнѣ такого

русскаго народа, шляхты, горожанъ, духовенства, который пожалуй не имѣлъ нужды бунтовать, а тѣмъ менѣе приставать къ голытьбѣ Хмельницкаго. Избивать ихъ всѣхъ было незачто, да и невозможно. Оставивъ же ихъ въ покоѣ, казаки очень основательно могли опасаться, что эти единовѣрные и единоплеменные братья если не станутъ теперь имъ противодѣйствовать, то во всякомъ случаѣ будутъ всегда держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Основное, зажиточное населеніе Малороссіи положительно не сочувствовало не только Запорожью, но и городовому казачеству. Только развѣ крайняя нужда могла заставить его смотрѣть поласковѣе на казаковъ. Такая нужда для всѣхъ русскихъ людей на Украйнѣ наступила. И вотъ Богданъ Хмельницкій съ товарищи, все это очень хорошо понимая, спѣшатъ неразрывно связать казацкіе интересы съ интересами всего малороссійскаго населенія. Такимъ узломъ для казаковъ является, какъ мы уже замѣтили, защита вѣры своихъ отцовъ. Но это со стороны казаковъ было, очевидно старымъ притязаніемъ; трудно себѣ представить, чтобы они вновь додумались до мысли о необходимости говорить съ правительстомъ о православіи въ теченіи какого нибудь мѣсяца послѣ первыхъ своихъ побѣдъ.

Послѣдній четырнадцатый пунтъ казацкой жалобы гласитъ:

„Просятъ о духовенствѣ древней религіи греческой, дабы оно оставалось неприкосновеннымъ; чтобы святыя церкви, насильно присоединенныя къ уніи въ Люб-

линѣ, Соколѣ, Красномъ-Ставѣ, Владимірѣ, въ Литвѣ и по другимъ мѣстамъ, опять могли оставаться при своихъ стародавнихъ правахъ."

Во все время возстанія Богдана Хмельницкаго мы постоянно видимъ, что въ Малороссіи на первомъ планѣ стоятъ казаки. Они закрываютъ собою остальное населеніе, говорятъ именемъ всей страны. Иной разъ можно подумать, что вся Малороссія состоитъ изъ однихъ казаковъ. Источники, объясняя причины возстанія малороссіянъ противъ поляковъ, начинаютъ главнымъ образомъ изложеніемъ оскорбленій, нанесенныхъ панами казакамъ. Но въ дѣйствительности это было далеко не такъ. Число настоящихъ казаковъ передъ возстаніемъ, относя къ нимъ не только переестровыхъ и панскія дворни, но даже и всѣхъ раззоренныхъ крестьянъ, по отношенію къ числу всего населенія Малороссіи было ничтожно. Казаки никогда бы не сыграли никакой важной роли, а не только такой всеславянской, какая выпала на долю Богдана Хмельницкаго съ товарищи, если бы они не нашли себѣ поддержки почти во всемъ населеніи страны.

Великая борьба южнорусскихъ православныхъ противъ притѣсненій католиковъ, веденная дотолѣ только законными средствами, ко временамъ Богдана Хмельницкаго почти совсѣмъ прекратилась. Государственныя средства, находившіяся въ распоряженіи католиковъ, задавили безоружныхъ въ матеріальномъ отношеніи православныхъ. Теперь католикамъ оставалось только пользоваться плодами своихъ побѣдъ. Но и у православныхъ наконецъ

нашлась матеріальная сила. Уже давно нѣкоторые, даже представители православнаго духовенства, вмѣшивали въ свою борьбу съ католиками казаковъ. Но не всѣ казацкіе вожди дѣйствовали такъ удачно, какъ Конашевичъ-Сагайдачный; большая часть ихъ погибла въ борьбѣ съ государствомъ. И вотъ правительство, въ виду опасности, которая постоянно грозила отъ казачества, поспѣшило приступить къ окончательному стѣсненію этого страшнаго орудія защиты ненавистной ему церкви. Побѣда католиковъ и въ этомъ отношеніи, какъ мы сейчасъ видѣли, была довольно полная; казалось, что казачество и пошевелиться уже не могло. — Но въ тоже время поляки постарались прибрать къ своимъ рукамъ и видимыхъ вождей православія. Они на первый разъ рѣшили, если не уничтожить, какъ прежде удалось, высшую православную церковную іерархію, то по крайней мѣрѣ поставить ее въ полную отъ себя зависимость. Около 1648 года престолъ кіевской митрополіи занимали такія лица, въ которыхъ шляхетскій интересъ боролся съ интересомъ религіи. Обыкновенно предполагаютъ *), на основаніи польскихъ слуховъ, что митрополитъ Петръ Могила сочувствовалъ казакамъ. Мало того: говорятъ, будто бы Богданъ Хмельницкій „конечно совѣтовался съ нимъ еще въ 1646 году“ о своемъ возстаніи и получилъ отъ него благословеніе на начинаніе. Но такъ какъ все это одни предположенія, основанныя на неправильномъ толкованіи недостовѣрныхъ

*) Костомаровъ, Монографіи т. IX, стр. CIX и 75.

слуховъ*), а Богданъ Хмельницкій до 1848 года и не думалъ о возстаніи, то мы и оставимъ рѣчь объ этомъ въ сторонѣ. Преемникъ Петра Могилы (съ 1647 года) Сильвестръ Коссовъ былъ избранникъ Адама Киселя съ товарищи; онъ ненавидѣлъ казаковъ и всего менѣе желалъ обращаться къ нимъ за защитою дѣла вѣры. И вотъ, когда казалось, что все погибло, казачество напрягло свои послѣднія силы, и защищая свое существованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушило зданіе католичества и полонизаціи Малороссіи. Возстаніемъ Богдана Хмельницкаго начался новый періодъ народной религіозной борьбы, при помощи уже огня и меча.

Однако же мы ошибемся, если будемъ утверждать, что источники указываютъ на одну причину возстанія малороссійскаго населенія, на казацкія обиды. Источники никогда не забываютъ и о религіозной его причинѣ: казацкій бунтъ былъ только поводомъ къ возстанію народа за вѣру. Не пускаясь ни въ какія подробности объ этомъ предметѣ, мы приведемъ здѣсь только слова лѣтописца Хмельницкаго. Онъ открываетъ свой разсказъ „о началѣ войны Хмельницкаго“ такими словами: „початокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и казаковъ отмщеніе“. И потомъ, гдѣ слѣдуетъ по самому ходу событій, объясняя, почему „народъ посполитой, послышавши о знесенню войскъ коронныхъ и гетмановъ, заразъ почали ся купити (собираться)

---

*) См. статью покойнаго Пекарскаго въ Отечеств. Зап. 1862 г., № 4: Представители кіевской учености, стр. 377.

въ полки“ и приставать къ казакамъ, говоритъ, что причиною тому, въ числѣ другихъ обидъ народу, „также и вѣри русской помѣшка великая была отъ упѣятъ и ксендзіовъ, бо юже не только унѣя у Литвѣ, на Волынѣ, але и на Украинѣ, почала гору (верхъ, силу) брати. Въ Черниговѣ архимандритове одинъ по другомъ зоставали; по иншихъ городахъ церкви православныя запечатовали. До чого помощниками онымъ шляхта, урядъ и ксіопзы были; бо уже на Украинѣ що городъ, то костелъ былъ. А въ Кіевѣ тежъ утискъ немалый церквамъ божимъ старожитнимъ чинили, такъ воевода кіевскій Тишкевичъ, на тотъ часъ (въ то время) будучій, яко тежъ Езуиты, Домѣнѣканы, Бернадыны и иные законы (ордена) наѣздами правами митрополиту утискуючи и науки школъ забороняючи, згола (прямо) стародуску православную христіанскую вѣру собѣ прекладаючи (приравнивая) нерозною отъ погапъ, бо лѣпшое (особенно) пошанованія (честили) абы жидищевѣ спроскому было, анѣже найлѣпшому христіанпиновѣ Русиновѣ. А найгоршое насмѣвиско (посмѣяніе) и утиски терпѣлъ народъ русскій отъ тѣхъ, которыи зъ русской вѣры приняли римскую вѣру.“

ГЛАВА II.

ДѢЛО ПО СУББОТОВУ.

Послѣ изложенія общаго перейдемъ къ частному, къ объясненію того, что заставило лично Богдана Хмельницкаго бѣжать изъ Украйны. Руководящимъ источникомъ для изложенія всего этого предмета служитъ намъ собственная жалоба Богдана Хмельницкаго на его обиды *). Изъ нея мы узнаемъ, что онъ былъ вызванъ на историческое поприще по поводу дѣла объ его маетности Субботовѣ. Это дѣло, кажется, началось такъ, какъ читаемъ въ шестомъ пунктѣ жалобы Богдана Хмельницкаго:

„Въ 1646 году, когда Хмельницкій, взявши въ плѣнъ двухъ татаръ, отвозилъ ихъ къ его милости пану кастеляну краковскому, тогда въ отсутствіе его взятъ у него съ конюшни за поволовщину сѣрый конь, на которомъ онъ ѣздилъ въ дикія поля (по степямъ)“.

---

*) Подробный разборъ этого документа см. въ Приложеніи.

Дѣйствительно-ли Богданъ Хмельницкій уклонялся отъ уплаты податей? На основаніи жалобы всѣхъ казаковъ, кажется, можно прямо сказать, что рыцарь Хмельницкій не считалъ себя обязаннымъ платить ихъ, а подстароста чигиринскаго повѣта, въ которомъ находилась его маетность, распоряжался въ этомъ случаѣ по своему благоусмотрѣнію. Когда разыгралось дѣло Богдана Хмельницкаго, въ то время старостой чигиринскимъ былъ его милость панъ кастелянъ краковскій, гетманъ великій коронный Станиславъ Конецпольскій, подстаростой же его панъ Чаплинскій.

Смыслъ приведеннаго пункта жалобы Богдана Хмельницкаго указываетъ не на то, чтобы челобитчикъ уклонялся отъ уплаты податей, а на оскорбительную форму взысканія опыхъ. Богданъ Хмельницкій говоритъ, что такъ поступали съ нимъ даже тогда, когда бы слѣдовало обходиться повѣжливѣе. Берутъ въ его отсутствіе за поволовщину боеваго коня, на которомъ онъ ѣздивши по степямъ оказывалъ услуги республикѣ, и берутъ точно нарочно въ то время, когда онъ везъ къ высшему военачальнику доказательства своей вѣрной службы, двухъ плѣненныхъ имъ татаръ. Что Богданъ Хмельницкій хотѣлъ, чтобы его челобитье было понято именно въ этомъ смыслѣ, это можно предположить и на основаніи слѣдующихъ за симъ пунктовъ жалобы. Эти пункты (седьмой и осьмой, которые приведены уже въ предшествующей главѣ) поставлены рядомъ съ предыдущимъ и какъ бы указываютъ на то, что подобные поступки, переходящіе въ прямое насиліе, хотя и прикрытое видомъ законныхъ

мѣръ, составляютъ вообще обычныя явленія въ дѣйствіяхъ украинскихъ пановъ-урядниковъ по отношенію къ казакамъ.

Намъ было бы интересно еще здѣсь знать, по какому поводу отвозилъ Богданъ Хмельницкій къ коронному гетману плѣненныхъ имъ татаръ, то есть начальствующія ли лица послали его съ добытыми имъ трофеями или онъ самъ, помимо воли начальства, повезъ къ коронному гетману доказательства своей вѣрной службы. Какъ мы знаемъ, тогда въ Войскѣ Запорожскомъ были такіе порядки, что полковники ни во что ставили казацкую отвагу, а подвиги казаковъ приписывали предъ высшимъ начальствомъ тѣмъ своимъ жолнерамъ, къ которымъ были ласковы. Если указанная поѣздка Богдана Хмельницкаго къ коронному гетману была своевольнымъ поступкомъ, хотя бы и вынужденнымъ обстоятельствами, то тѣмъ онъ оскорбилъ старшихъ въ Войскѣ. По видимому это послѣднее не должно имѣть связи со взысканіемъ съ Богдана Хмельницкаго податей; но, какъ мы знаемъ, тогда высшіе войсковые начальники жили въ большомъ согласіи съ гражданскими властями Малороссіи.

Были ли какія предшествующія или одновременныя обиды Богдану Хмельницкому отъ Чаплинскаго, кромѣ указанной, объ этомъ въ жалобѣ ничего не сказано. Жаловался ли онъ коронному гетману на его подстаросту и какое послѣдовало рѣшеніе по такой жалобѣ, также не знаемъ. Конецпольскій, предписывая украинскимъ панамъ-державцамъ и урядникамъ, чтобы они вообще воздерживались оби-

жать казаковъ, какъ видно не зналъ, или былъ весьма снисходителенъ къ дѣйствіямъ своего собственаго подстаросты. Если другіе украинскіе урядники не обращали вниманія на предписанія коронаго гетмана, то Чаплинскій, какъ указываетъ Богданъ Хмельницкій, употреблялъ его самого орудіемъ въ своихъ предпріятіяхъ; въ первомъ пунктѣ жалобы Богдана Хмельницкаго читаемъ:

„Панъ Чаплинскій, урядникъ чигиринскій, выпросилъ себѣ у покойнаго пана кастеляна краковскаго принадлежащій Хмельницкому родовой хуторъ, на который у Хмельницкаго находится жалованная его предкамъ королевская грамота и подтвержденіе этой грамоты, данное ему самому его милостію нынѣшнимъ королемъ.“

Въ этомъ пунктѣ неясно, какая была причина отнятія у Богдана Хмельницкаго хутора. Скорѣй можно заключить, что все это произошло изъ личнаго притязанія пана подстаросты, воспользовавшагося довѣріемъ къ себѣ высокаго покровителя. На основаніи же другихъ источниковъ имѣемъ право утверждать, что Чаплинскій уговорилъ Конецпольскаго лишить чигиринскаго сотника его маетности, руководствуясь особыми причинами. Такъ между прочимъ есть основаніе предполагать, что Чаплинскій доказывалъ коронному гетману, что Богданъ Хмельницкій государственный измѣнникъ. Въ связи съ этимъ предположеніемъ позволяемъ себѣ сдѣлать еще другое. Очень можетъ быть, что

Богданъ Хмельницкій, въ виду подобныхъ обвиненій, рѣшился заявить предъ коронным гетманомъ, что все взводимое на него клевета. Съ этою-то цѣлію онъ привезъ къ нему доказательства своей вѣрности и усердія—двухъ плѣненныхъ имъ татаръ. Укажемъ основаніе нашему предположенію въ томъ, что время рѣшенія объ отнятіи у Богдана Хмельницкаго имущества совпадаетъ съ его поѣздкой къ коронному гетману. Но вѣроятно улики противъ Богдана Хмельницкаго были столь убѣдительны для Конецпольскаго, что онъ, не смотря ни на какія заявленія со стороны обвиняемаго, все таки въ заключеніе рѣшилъ лишить его имущества.

Въ то время, когда Богдану Хмельницкому грозила такая бѣда, случилось происшествіе, которое оттянуло окончаніе его дѣла на болѣе продолжительное время. Весною 1646 года скончался коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій, и Богданъ Хмельницкій, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, поспѣшилъ, сколько возможно, поправить свои дѣла. Онъ отправился въ Варшаву и выправилъ себѣ законный документъ, утверждающій за нимъ владѣніе Субботовскою маетностію.

Королевскій привилій на Субботово данъ Богдану Хмельницкому въ Варшавѣ 1646 года, іюля 22 дня. Содержаніе его слѣдующее: „занеже отъ наияснѣйшихъ предковъ нашихъ дозволено было вольности народнымъ привиліемъ списковымъ прямо служилымъ казакамъ наданье, занимать себѣ на выслуживанье

земли и дворовыя мѣста, который гдѣ могъ, въ пустыхъ мѣстахъ старостваа чигиринскаго и тѣми землями они и предки ихъ спокойно владѣли.“ Вотъ вообще происхожденіе казацкаго земельнаго владѣнія, по опредѣленію этой жалованной грамоты. Имѣлись-ли у казаковъ указанные общіе привиліи, или упоминаніе о нихъ занесено къ эту королевскую жалованную грамоту по общей формѣ, не знаемъ. Далѣе: „межъ которыми и Михаилъ Хмельницкій подстаростей бывшей нѣкогда чигиринскій, который на службѣ нашей на Цецорѣ убитъ, лѣтъ сорокъ и больши держалъ (загородным дворомъ и землею, въ старостве чигиринскомъ, подъ городомъ Чигириномъ, надъ рѣкою Субботовкою будучими), а потомъ наслѣдники его сынъ шляхетный Богданъ Хмельницкій, сотникъ полку чигиринскаго, яко истинный наслѣдникъ, тридцать лѣтъ безъ помѣшки владѣлъ. Однакожъ мы изъ подлинныхъ причинъ, а то паибольше разсудивши, понеже во время нынѣшнее нѣкоторые обрѣтаются такіе на Украйнѣ, которые усматриваютъ себѣ право отъ державцевъ нашихъ, а не отъ насъ самихъ данные, непристойно въ земли казаковъ рѣченныхъ, а намъ и рѣчи посполитой вельми заслуженныхъ, вдираются напрасно.“ Итакъ, опять и въ самомъ королевскомъ привиліи говорится о томъ, что спокойное владѣніе казаковъ ихъ землями было затронуто потому, что на Украйнѣ „многіе обрѣтаются“, которые съ разрѣшенія тамошнихъ

державцевъ-старостъ непристойно въ земли даже „вельми заслуженныхъ казаковъ вдираются напрасно“. Но дѣйствительно-ли это было только одно своеволіе? Мы здѣсь прежде всего замѣтимъ, что такой тонъ привилія, можетъ быть, явился отъ самого Богдана Хмельницкаго. Въ жалованной грамотѣ, какъ это часто встрѣчается, могла быть перефразирована челобитная о выдачѣ привилія. Богданъ Хмельницкій всю свою злобу на пановъ-урядниковъ вѣроятно вылилъ вполнѣ въ этомъ прошеніи; а оно послужило, умышленно или неумышленно, основаніемъ для составленія самаго привилія. Этотъ тонъ привилія весьма замѣчателенъ. Въ жалованной королевской грамотѣ обвиняется не какой нибудь панъ Чаплинскій, а многіе ему подобные. Кромѣ того покровителями такихъ насильниковъ обозваны чуть не всѣ украинскіе старосты! Но такое употребленіе множественнаго числа, такое огульное обвиненіе, невольно можетъ навести на противуположную всему этому мысль, именно: все это со стороны пановъ-державцевъ и исполнителей ихъ воли было не насиліе, а простое приведеніе въ исполненіе какой нибудь законной мѣры. Единственную уступку тону привилія здѣсь можно сдѣлать только въ одномъ, какъ мы это и сдѣлали въ подобномъ же случаѣ при разборѣ казацкой жалобы: приведеніе въ исполненіе законныхъ мѣръ шло усиленно и, можетъ быть, сопровождалось, со стороны исполнителей, нѣкоторыми крутыми и даже беззаконными частными дѣйствіями. Но обратимся далѣе къ привилію; окончаніе его слѣдующее: „тогда

мы, имѣючи милостивое разсмотрѣнье на вѣрныя услуги шляхетнаго Богдана Хмельницкаго, сотника полку чигиринскаго, который памъ и рѣчи посполитой въ разныхъ воинскихъ службахъ, ни мало не будучи въ измѣнѣ казаками вѣрность отдавали, оного, жену и дѣтей его тѣмъ прямымъ нашимъ привиліемъ тѣмъ же загородным дворомъ и землею въ старостве чигиринскомъ, подъ городомъ Чигириномъ, надъ рѣкою Субботовкою будучими, которыми предокъ его Михаилъ Хмельницкій и онъ самъ, безъ всякихъ людскихъ помѣшекъ, держали, сохраняемъ. И чтобы тѣхъ земель и двора своего прямого, онъ и жена его непремѣнно наслѣдники сынъ, съ материмъ лѣсомъ и съ боромъ, съ сѣнокосы, съ прудами и съ мельницы и со всѣми въ лицахъ описаннымъ съ принадлежностями и окольными отъ вѣка належачими содержати имѣетъ; а по отшествіи его наслѣдники, его остальые держати имѣти вѣчными времяны, тѣмъ привиліемъ нашимъ позволяемъ и на то для лучшей вѣры рукою нашею подписавшися печать коронную приложити повелѣли есмя“...

Теперь при помощи этого привилія намъ слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія перваго пункта жалобы Богдана Хмельницкаго. Жалованная грамота выдана въ іюлѣ мѣсяцѣ 1646 года, а за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, какъ уже сказано, умеръ коронный гетманъ Станиславъ Конец-

польскій. Слѣдовательно притязаніе Чаплинскаго на Субботово относится по времени не позднѣе начала 1646 года, а если принять, что оскорбленія Богдану Хмельницкому начались указаннымъ взысканіемъ поволовщины, то и не ранѣе этого года: то есть приговоръ о лишеніи чигиринскаго сотника его маетности Конецпольскій произнесъ наканунѣ своей смерти. Также должно указать и на фактическую неточность перваго пункта жалобы Богдана Хмельницкаго. Когда Чаплинскій добился рѣшенія объ отобраніи у Богдана Хмельницкаго его маетности, то у послѣдняго совсѣмъ не было никакой жалованной грамоты не только себѣ, но и его предкамъ. Побудило его добыть себѣ королевскій привилій на Субботово только рѣшеніе короннаго гетмана Приведенный же нами привилій, какъ ясно изъ его содержанія, можно назвать „подтвержденіемъ“ развѣ только въ такомъ смыслѣ, что это есть частное подтвержденіе для Хмельницкаго общихъ старинныхъ королевскихъ пожалованій земель казакамъ.

Для таковаго же разъясненія дѣла по Субботову обратимся еще къ другимъ источникамъ. Можетъ быть они помогутъ намъ понять яснѣе не только то, что мы знаемъ о немъ изъ жалобы Богдана Хмельницкаго, но даже и самый привилій на Субботово. О Субботовскомъ дѣлѣ, послужившемъ началомъ удивительнѣйшихъ событій, много толковали какъ современники Богдана Хмельницкаго, такъ и потомки. Обращаясь къ источникамъ, въ которыхъ записаны подобные толки, слухи, мы, чтобы не запутаться въ ихъ многочисленности, све-

демъ ихъ по происхожденію къ двумъ основнымъ, именно къ извѣстіямъ малороссійскимъ и польскимъ. Начнемъ съ послѣднихъ.

Польскіе слухи о началѣ исторической дѣятельсти Богдана Хмельницкаго собраны довольно подробно въ одномъ московскомъ документѣ, въ упомянутой уже нами запискѣ Кунакова *), которая прямо и начинается Субботовскимъ дѣломъ: „съ Богданомъ Хмельницкимъ и съ запорожскими черкасы у поляковъ война и междуусобье учинилось за то: служилъ Богданъ Хмельницкій въ Запорожскомъ Войскѣ и былъ писаремъ войсковымъ, а Станиславу Конецпольскому, гетману корунному, прислуживалъ и многую службу въ Войскѣ и къ Станиславу Конецпольскому доброхотѣные показалъ. И за то-де гетманъ Станиславъ Конецпольскій упросилъ ему у Владислава короля маетность изъ переяславскихъ волостей село-футоръ. И по смерть-де Станислава Конецпольскаго Богданъ Хмельницкій былъ у него Станислава въ

*) Московскій дьякъ Григорій Кунаковъ, ѣздившій въ Польшу (въ началѣ 1649 года) по порученію правительства, между прочими своими дѣлами, «по государеву указу довѣдывался въ Краковѣ, въ Варшавѣ и въ дорогѣ о черкасской войнѣ всякихъ вѣстей, которыя московскому государству годны». Изъ этихъ вѣстей онъ составилъ записку, которая для насъ особенно интересна потому, что большая часть событій изложена въ ней такъ, какъ мы это встрѣчаемъ во всѣхъ польскихъ исторіяхъ, современныхъ Богдану Хмельницкому и позднѣйшихъ. Попадающіеся здѣсь пропуски фактовъ и нѣкоторыя противорѣчія въ сравненіи съ послѣдними ничтожны; но за то самыя извѣстія Кунаковской записки отличаются особенно свѣжестію происхожденія. Всѣ факты, сообщенные Кунаковымъ, остаются таковыми же какъ онъ ихъ слышалъ; ошибки же принадлежатъ по преимуществу его источникамъ.

любви и маетностью своею владѣлъ безъ обидъ и безъ налоги.“ Мы въ теперешнихъ нашихъ источникахъ не намѣрены всюду поправлять явныя ошибки въ именахъ, должностяхъ и т. п.; онѣ отчасти могутъ характеризовать самую достовѣрность этихъ источниковъ. Такъ, для примѣра, по Кунакову, разсказывавшіе ему называли Богдана Хмельницкаго вмѣсто сотника писаремъ войсковымъ, а вмѣсто Чигирина здѣсь является Переяславль. Но важнѣйшее въ извѣстіяхъ Кунакова то, что происхожденіе владѣнія Богдана Хмельницкаго его села-футора приписывается въ противуположность тому, что мы знаемъ изъ королевскаго привилія, милости къ нему высокопоставленнаго государственнаго сановника. Это извѣстіе, какъ ошибку, мы бы могли оставить безъ дальнѣйшихъ объясненій; но оно встрѣчается и въ другихъ источникахъ, заслуживающихъ вниманія. Поэтому извѣстіе Кунакова можно соединить съ словами королевскаго привилія слѣдующимъ образомъ: распредѣленіе пустыхъ земель между казаками зависѣло отъ чигиринскаго старосты; казакъ (положимъ, не самъ Богданъ Хмельницкій, а его отецъ Михаилъ), находившійся въ милости у послѣдняго, имѣлъ возможность получить лучшій участокъ и т. п. Такой частный случай происхожденія владѣнія Богдана Хмельницкаго могъ быть многимъ извѣстенъ. Далѣе у Кунакова говорится: „и по смерти-де гетмана Станислава Конецпольскаго учалъ Богдана Хмельницкаго тѣснить того Станислава Конецпольскаго урядникъ Чаплинскій и Станиславова сына Конецпольскаго Александра, хорунжего ко-

руннаго, наговорилъ просить у Богдана Хмельницкаго тое маетности села-футора, чтобъ Богданъ тое-бъ свою маетность ему Александру уступилъ, а въ тое мѣсто маетности взялъ у него отмѣнъ. И Богданъ-де Хмельницкій тое маетности ему не уступилъ, а сказалъ ему Александру, что отецъ ево Александровъ упросилъ ему тое маетность у короля за многіе его Богдановы войсковые и къ нему Станиславу кровные службы, и ему-де Богдану тое маетности никакими мѣрами никому уступить немочно. И отказалъ ему въ томъ впрямь.“ Ни въ какихъ достовѣрныхъ источникахъ не отыщемъ и намека на то, чтобы кто либо предлагалъ Богдану Хмельницкому обмѣнять его маетность. По Кунакову предполагается, что Богданово владѣніе Субботовымъ было законно и твердо, а притязанія Чаплинскаго своевольны. Но этого никакъ нельзя утверждать, зная, что у владѣльца не было никакихъ актовъ на владѣніе.

Вообще вѣсти Кунакова и источники одинаковаго съ ними происхожденія мало даютъ матеріала для разъясненія дѣла по Субботову. Поэтому обратимся къ малороссійскимъ извѣстіямъ.

Наибольшее число фактическихъ подробностей о началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго, особенно лично касающихся его, собрано въ лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ. Значительная часть этихъ извѣстій составлена лѣтописцемъ изъ дошедшихъ до него разсказовъ самого Богдана Хмельницкаго казакамъ о своихъ похожденіяхъ. Вотъ что читаемъ у это-

го лѣтописца о дѣлѣ по Субботову: „имѣлъ Зѣновій Хмельницкій землю Субботовъ, отцу его Михайлѣ отъ Ивана Данловича старосты чигиринскаго наданную и за поворотомъ отъ короля, въ надѣю службы отческой, въ которой на войнѣ отъ Турокъ и убитъ (на Цецорѣ), также и для своихъ услугъ, на означенной землѣ поселилъ людей, чему подстаростій Чаплинскій позавидѣвши, обнесъ старостѣ чигиринскому: „недостоитъ-де простому казаку въ слободѣ селитися (населять слободы);“ и потому староста оную слободу отнялъ у Хмельницкаго и далъ Чаплинскому во владѣніе 1647 року.“

Если подобнымъ образомъ разсказывалъ Богданъ Хмельницкій казакамъ свое дѣло съ Чаплинскимъ, то приведенное извѣстіе лѣтописца получаетъ особенную важность. Сравнивая это извѣстіе съ другими источниками, встрѣчаемся въ немъ съ слѣдующимъ. У лѣтописца происхожденіе владѣнія Субботовымъ объяснено, хотя съ меньшими фактическими ошибками, одинаково съ Кунаковымъ. Затѣмъ, маетность Богдана Хмельницкаго была именно такова, какъ о ней говоритъ лѣтописецъ: она была заселена. Такъ во второмъ пунктѣ жалобы Богдана Хмельницкаго Субботово названо „заселенныя слободы.“ Это главное въ лѣтописцѣ. Что же касается частностей разбираемаго извѣстія, то ихъ не всегда можно назвать ошибками лѣтописца. Такъ самъ Богданъ Хмельницкій могъ нарочно говорить, что заселилъ слободы по поворотѣ отъ короля, то есть получивши привилій. 1647 годъ, когда будто бы со-

стоялся приговоръ о лишеніи Богдана Хмельницкаго имущества, можетъ быть лѣтописецъ поставилъ отъ себя, потому что все дѣло Богдана Хмельницкаго разыгралось главнымъ образомъ въ этомъ году.

Для насъ прямое разъясненіе лѣтописцемъ дѣла по Субботову заключается въ слѣдующемъ. Онъ, не упоминая о другихъ причинахъ, почему Конецпольскій рѣшилъ лишить Богдана Хмельницкаго имущества, указываетъ только на одну. Чаплинскій доказывалъ чигиринскому старостѣ, что сотникъ Хмельницкій вообще не имѣетъ права владѣть подобною маетностію какъ Субботовская: не слѣдуетъ простому казаку владѣть населенными слободами, то есть пользоваться дворянскими преимуществами. Вслѣдствіе такого указанія состоялся приговоръ объ отобраніи у Богдана Хмельницкаго заселенныхъ слободъ.

Однако же найдемъ-ли мы подтвержденіе лѣтописному извѣстію въ главномъ документѣ по этому предмету, въ жалованной королевской грамотѣ на Субботово? Тамъ, какъ мы видѣли, указывается на то, что спокойное владѣніе Богдана Хмельницкаго его Субботовымъ нарушено главнымъ образомъ отъ своеволія пановъ-державцевъ. Но съ другой стороны по какой нибудь причинѣ Богданъ Хмельницкій не разъ названъ въ привиліи „шляхетнымъ.“ Да и вообще весь привилій составленъ такъ, какъ будто бы онъ данъ не простому казаку, а настоящему шляхтичу. При томъ съ удареніемъ говорится о службѣ самого Богдана

Хмельницкаго и напоминается служба его отца, бывшаго нѣкогда подстаростой чигиринскимъ и убитаго на королевской службѣ. Такіе намеки не только лѣтописца, но и оффиціальнаго документа прямо наводятъ на мысль, что дѣйствительно Чаплинскій уговорилъ Конецпольскаго провѣрить не только вообще право владѣнія Богдана Хмальницкаго на Субботово, но и въ частности право пользоваться дворянскими преимуществами. Какъ видно, при этой провѣркѣ оказалось, что у Богдана Хмельницкаго не было ни на то ни на другое никакихъ документовъ.

Былъ-ли отецъ Богдана Хмельницкаго шляхтичемъ? По привилію на Субботово онъ прежде всего заслуженный казакъ, о шляхетствѣ же его не говорится ни слова. Титулъ „шляхетнаго“ присвоивается только его сыну Богдану. Однако же, хотя Богданъ Хмельницкій и названъ шляхетнымъ, но все таки и по привилію можно замѣтить, что онъ остается простымъ казакомъ и ему, такъ сказать, только разрѣшается владѣть дворянскими имѣніями. Въ этомъ отношеніи и лѣтописецъ указываетъ, что и самъ Богданъ Хмельницкій признавалъ себя казакомъ, но только „въ надеждѣ на службу отцовскую, который на той службѣ и на войнѣ убитъ,“ считалъ себя въ правѣ воспользоваться для своихъ удобствъ нѣкоторыми шляхетскими преимуществами. Вотъ единственное право Багдана Хмельницкаго владѣть заселенными слободами.

Вчитываясь въ королевскій привилій, мы не можемъ признать его жалованною грамотою на дворянство Богдану Хмельницкому. Но съ другой сто-

роны замѣчаемъ, что этотъ документъ сочиненъ съ многочисленными натяжками съ цѣлію доказать, что Богданъ Хмельницкій съ потомками, за службу отцовскую и за свою, можетъ пользоваться нѣкоторыми особыми правами.

По поводу этихъ замѣтныхъ натяжекъ должно указать въ привиліи еще на нѣкоторыя его стороны. Не знаемъ, какую особенную связь съ доказательствами на дворянство Хмельницкихъ имѣетъ то, что Михаилъ Хмельницкій былъ „нѣкогда подстаростой“ чигиринскимъ. Но употребленіе при этомъ слова „нѣкогда“ невольно подаетъ поводъ къ догадкѣ, что составители привилія, не зная сами хорошенько этого дѣла, назвали Михаила Хмельницкаго подстаростой только потому, что объ этомъ было сказано въ челобитной о выдачѣ привилія. Если Богданъ Хмельницкій постоянно говоритъ о своемъ отцѣ какъ о подстаростѣ, то таковымъ его не называютъ другіе источники. Тотъ же нашъ лѣтописецъ сообщаетъ о Михаилѣ Хмельницкомъ такія извѣстія: первое—„будучи сотникомъ чигиринскимъ убитъ при Цецорѣ,“ второе—„при старостѣ чигиринскомъ Иванѣ Даниловичѣ былъ писаремъ при сборѣ податей.“ И такъ по лѣтописцу Михаилъ Хмельницкій былъ между прочимъ однимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, но не подстаростой, или лучше сказать словами Кунакова, „прислуживалъ“ старостѣ чигиринскому и за свои кровныя службы получилъ въ подарокъ Субботовскій хуторъ.

Мы указываемъ на неточности выраженій привилія на Субботово потому, что ихъ тамъ доволь-

но часто можно встрѣтить. Вѣроятно всякій замѣтитъ, что этотъ докумснтъ дошелъ до насъ не въ подлинникѣ, а въ московскомъ оффиціальномъ переводѣ: „списокъ съ списка съ бѣлорусскаго письма... выпись съ книгъ градскихъ воеводства кіевскаго лѣта 1650 г., мѣсяца марта 11 дня... (на выписи обозначено: у того привилія его королевской милости печать корунная большой канцеляріи есть приложена, а подпись руки его королевской милости тѣми словами: Владиславъ король; Томасъ Цескій, секретарь его королевской милости).“ Но все таки нельзя же всѣ неточности выраженій привилія приписывать дурному переводу списка съ подлинника.

Вопросъ о томъ, что у Богдана Хмельницкаго рѣшено было отобрать Субботовскія слободы и за то, что онъ не имѣлъ права владѣть ими, не будучи шляхтичемъ, никакъ нельзя оставить безъ вниманія. Для рѣшенія же этого дѣла вполнѣ мы въ розысканіе, напримѣръ, казацкой родословной Хмельницкихъ никакъ не рѣшаемся пускаться. Ею многіе и даже почти современники знаменитаго гетмана интересовались и ничего не отыскали. „Пишучи лѣтописецъ польскій Веспесіанъ Коховскій“ говоритъ Грабянка „Хмельницкаго начало, воспоминаетъ отъ Жмудскія страни родомъ его быти, а по инихъ свидѣтельству отъ Лисянки, украинскаго града. Аще убо отсюду или оттуду, обаче первіе изъ Жолковскаго дому приложися.“ Послѣ такихъ весьма старыхъ изслѣдованій намъ ничего не остается дѣлать, какъ опять обратиться къ тому же королевскому привилію на Субботово. Но все, что съумѣ-

ли извлечь изъ него для рѣшенія интересовавшаго насъ вопроса, мы извлекли. Поэтому теперь скажемъ только вообще о самомъ документѣ. Кажется, ясно видно, что онъ составленъ подъ руководствомъ человѣка, въ дѣлахъ писарскихъ свѣдущаго. Содержаніе его можно толковать весьма разнообразнымъ способомъ и для весьма различныхъ цѣлей.

Что разбогатѣвшій казакъ Богданъ Хмельницкій хотѣлъ жить такъ, какъ жили всѣ шляхтичи, окруженный подданными, „для своихъ услугъ,“ этому нельзя нисколько удивляться. Въ виду же непрочности въ этомъ отношеніи своего положенія, онъ долженъ былъ искать себѣ настоящаго шляхетства. Здѣсь, помимо частнаго случая, бывшаго съ Богданомъ Хмельницкимъ, не должно забывать и общаго стремленія богатыхъ казаковъ и войсковой старшины стать во что бы то ни стало въ ряды польскаго, а потомъ московскаго дворянства.

ГЛАВА III.

ОБИДЫ ОТЪ ПОЛЯКОВЪ.

Разсказъ о другихъ обидахъ Богдану Хмельницкому начнемъ съ отвѣта на вопросъ, относящійся къ предмеду предшествующей главы. Послѣ того какъ было рѣшено отобрать у Богдана Хмельницкаго заселенныя слободы, Чаплинскій вступилъ-ли во владѣніе этою маетностію? По жалобѣ Богдана Хмельницкаго есть полное основаніе утверждать, что приговоръ Конецпольскаго никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Такъ въ приведенномъ уже нами первомъ пунктѣ жалобы видимъ, что Чаплинскій только упросилъ себѣ у короннаго гетмана Субботовскую маетность; но это не значитъ, что онъ вступилъ во владѣніе подареннымъ. Этому должна была воспрепятствовать сначала потеря Чаплинскимъ своего могущественнаго покровителя; а затѣмъ мѣшалъ немедленно выправленный Богданомъ Хмельницкимъ привилій

на Субботово. Если бы Чаплинскій владѣлъ Субботовскими слободами, ему не для чего было бы дѣлать наѣздъ на эту маетность, о которомъ говорится во второмъ пунктѣ жалобы Богдана Хмельницкаго.

Несмотря на все это, мы должны, по поводу поставленнаго нами вопроса, сдѣлать нѣсколько поясненій. Въ нѣкоторыхъ источникахъ, заслуживающихъ вниманія, напримѣръ въ приведенныхъ словахъ старѣйшихъ малороссійскихъ лѣтописцевъ постоянно читаемъ: у Богдана Хмельницкаго отняли пасѣку и отдали во владѣніе Чаплинскому. Такъ какъ подобныя извѣстія, кажется, появились въ источникахъ со словъ самого Богдана Хмельницкаго, то и обратимся къ извѣстнымъ намъ его разсказамъ, гдѣ упоминается объ этомъ предметѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ *): „Конецпольскій отнялъ у меня старую мою маетность неправдою и отдалъ будучему при себѣ Чаплинскому. Я королю и рѣчи посполитой билъ челомъ и мнѣ не поворочено“. Здѣсь скажемъ только о послѣдней фразѣ этого разсказа: она совершенно несогласна съ истиною. Мы знаемъ, что результатомъ челюбитья Богдана Хмельницкаго къ королю была жалованная грамота на Субботово; въ просьбѣ о выдачѣ этого привилія только и могло состоять его челобитье. Для поясненія такихъ неточностей должно сказать нѣчто и въ оправданіе ихъ. Въ дѣйствительности у Богдана Хмельницкаго не отняли

*) Московскому посланнику Унковскому въ 1649 году; этотъ разсказъ будетъ приведенъ ниже вполнѣ.

маетности; но съ тѣхъ поръ какъ у него началось дѣло съ Чаплинскимъ, онъ владѣлъ ею крайне неспокойно, подъ страхомъ всяческихъ насилій, что и случилось въ самомъ дѣлѣ.

Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Какъ должно понимать слова жалобы Богдана Хмельницкаго: Чаплинскій выпросилъ себѣ у Конецпольскаго родовой Хмельницкаго хуторъ? Мы не отвергаемъ, что Чаплинскій можетъ быть хотѣлъ для себя завладѣть этою маетностію; но въ разбираемомъ нами дѣлѣ захватъ могъ быть облеченъ въ законную форму. Чаплинскій совсѣмъ не просилъ у Конецпольскаго, чтобы тотъ подарилъ ему чужую собственность. Это было бы неблаговидно; самъ же Богданъ Хмельницкій говоритъ, что Конецпольскій не сочувствовалъ подобнымъ беззаконіямъ. Чаплинскій только добивался того, чтобы Богданъ Хмельницкій былъ лишенъ владѣнія Субботовымъ; за симъ онъ, какъ подстароста, дѣлался полнымъ распорядителемъ этой маетности. Конфискованная маетность сама собою поворачивалась къ старостству. Богданъ Хмельницкій очень хорошо зналъ, для чего Чаплинскій хлопоталъ лишить его Субботова; а поэтому въ своей жалобѣ указывалъ на прямую его цѣль, то есть, что онъ просилъ себѣ чужую собственность.

Теперь обратимся къ разбору дальнѣйшихъ пунктовъ жалобы Богдана Хмельницкаго. Онъ, выправляя себѣ королевскій привилій на Субботово, во многомъ ошибался въ своихъ расчетахъ. Точно, что высшее начальство надъ казаками перемѣни-

лось, новымъ коронным гетманомъ назначенъ былъ Николай Потоцкій; но старостою чигиринскимъ сдѣлался сынъ покойнаго старосты, коронный хорунжій Александръ Конецпольскій; да и вообще все пошло по старому. У новаго чигиринскаго старосты подстаростою остался прежній панъ Чаплинскій, и онъ опять началъ дѣйствовать враждебно относительно Богдана Хмельницкаго. Шляхетный подстароста конечно теперь не могъ воспользоваться рѣшеніемъ умершаго своего благодѣтеля, но за то имѣлъ возможность другими средствами отмстить шляхетному врагу. Богданъ Хмельницкій, доставши себѣ королевскій привилій, вышелъ на первый разъ побѣдителемъ; но затѣмъ Чаплинскій началъ съ нимъ поступать такъ, какъ значится во второмъ пунктѣ его жалобы:

„Панъ Чаплинскій, наѣхавши на заселенныя слободы (принадлежащія Хмельницкому) съ шайкою голодныхъ людей, завладѣлъ гумномъ, въ которомъ находилось 400 копенъ хлѣба, а всѣхъ домашнихъ Хмельницкаго заковалъ въ цѣпи.“

Обратимся къ другимъ источникамъ, но не столько для подтвержденія самаго факта, изложеннаго во второмъ пунктѣ жалобы Богдана Хмельницкаго, сколько для разъясненія его обстановки. Не сообщатъ ли они намъ хотя какихъ нибудь подробностей этого событія?

Вѣсти Кунакова положительно ничего не даютъ намъ для этого предмета. Весь его разсказъ объ обидахъ Богдану Хмельницкому состоитъ изъ об-

щихъ фразъ о томъ, какъ враги хотѣли его „устрашать и стѣснить съ маетности.“ Къ тому же основная ошибка вѣстей Кунакова заключается въ томъ, что въ нихъ къ дѣлу по Субботову непосредственно привлечены всѣ тѣ, которые только въ послѣдствіи завѣдомо сдѣлались врагами Богдана Хмельницкаго: Александръ Конецпольскій, князь Іеремія Вишневецкій, Николай Потоцкій, Осторогъ. Поэтому оставивъ польскіе слухи въ сторонѣ, обратимся къ малороссійскимъ лѣтописцамъ.

Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ не говоритъ о наѣздѣ Чаплинскаго на Субботово, но упоминаетъ о событіи, подходящемъ къ фактамъ, описаннымъ во второй половинѣ приведеннаго пункта жалобы Богдана Хмельницкаго. При этомъ лѣтописецъ указываетъ на новую и весьма важную сторону всего дѣла: оказывается, что въ ссорѣ Богдана Хмельницкаго съ Чаплинскимъ принимала какое-то участіе женщина. Она съ своею самостоятельною ролью въ дѣлѣ появляется только теперь. Лѣтописецъ излагаетъ все это событіе въ такой формѣ: Чаплинскій, узнавши о дерзкихъ словахъ Богдана Хмельницкаго (они будутъ приведены ниже), „велѣлъ его въ тюрьму вкинуть.... и заледво (едва только) по прошенію жены Чаплинскаго изъ тюрьмы Хмельницкаго выпущено.“ Если принять все это извѣстіе во вниманіе, то приходится признать, что въ словахъ жалобы Богдана Хмельницкаго есть какой-то пропускъ, недомолвка. Не слѣдуетъ ли понимать второй ея пунктъ такъ: во время наѣзда Чаплин-

скаго на Субботово въ числѣ закованныхъ имъ былъ и самъ владѣлецъ маетности? Молчаніе жалобы объ этомъ фактѣ можно объяснить какими-нибудь посторонними причинами.

Въ приведенномъ лѣтописномъ извѣстіи совсѣмъ неясна роль, какую играетъ женщина въ ссорѣ Богдана Хмельницкаго съ Чаплинскимъ. Эту роль при первомъ взглядѣ можно объяснить просто: жена подстаросты сжалилась надъ несчастнымъ казакомъ, гонимымъ отъ ея мужа, и упросила послѣдняго быть помилостивѣе. Но дѣло кажется было не совсѣмъ такъ.—Когда началось у Богдана Хмельницкаго дѣло по Субботову, въ это время ему было далеко за сорокъ лѣтъ (онъ постоянно говоритъ объ участіи вмѣстѣ съ отцемъ въ цецорскомъ сраженіи 1620 года и о своихъ сѣдыхъ волосахъ). Онъ былъ тогда вдовъ и имѣлъ отъ первой жены (родной сестры впослѣдствіи извѣстнаго наказнаго гетмана Іоакима Самко) не менѣе пяти человѣкъ дѣтей, троихъ сыновей и двухъ дочерей. У Чаплинскаго была любовница, которую нашъ лѣтописецъ называетъ его женою; а извѣстный малороссійскій романистъ XVIII вѣка Самуилъ Величко прославляетъ ее такъ: „Чаплинская, благоразумная и дармо погибающихъ людей жалѣющая Есѳирь.“ Состоялъ-ли Богданъ Хмельницкій прежде въ какихъ-либо отношеніяхъ къ этой женщинѣ не знаемъ. Поэтому романическихъ разсказовъ о томъ, что Чаплинскій, сдѣлавши наѣздъ на Субботово и заковавши домашнихъ Богдана Хмельницкаго въ цѣпи, а самого его посадивши въ тюрьму, увезъ любовницу врага съ собою, эта же по-

слѣдняя, перейдя въ объятія Чаплинскаго, упросила его выпустить своего прежняго обладателя изъ тюрьмы и т. п.,—всѣхъ этихъ романовъ мы не отвергаемъ, но и не принимаемъ. Знаемъ только, что послѣ первыхъ побѣдъ надъ поляками новая Есѳирь находится уже въ казацкомъ таборѣ; она теперь гетманская любовница. Тотчасъ же заговорили о свадьбѣ Богдана Хмельницкаго съ этой особой; тогда вообще „жоны шляхетскіе зостали (сдѣлались) жонами казацкими.“ Но вслѣдствіе ли церковнаго препятствія, такъ какъ по словамъ лѣтописца Хмельницкаго „кума Чаплинскаго имѣла мужа живаго“, или чего другаго, только вѣнчаніе состоялось при такихъ обстоятельствахъ. Поляки сообщаютъ, что одинъ изъ восточныхъ патріарховъ, въ проѣздъ черезъ Кіевъ, во время совершенія литургіи въ день гетманскаго ангела, во первыхъ простилъ Богдану Хмельницкому грѣхи настоящіе и будущіе; во вторыхъ, безъ исповѣди (вѣроятно на основаніи предъидущаго), пьянаго пріобщилъ его Св. Таинъ (гетманъ при этомъ отказывался отъ пѳслѣдняго сколько могъ); и наконецъ, въ третьихъ, тутъ же обвѣнчалъ Богдана Хмельницкаго съ этой, не присутствовавшей лично, его наложницей. Патріархъ кромѣ того послалъ къ новой гетманшѣ съ своимъ монахомъ разрѣшеніе отъ грѣховъ, три свѣчи, которыя сами зажигаются, млеко пресвятыя Богородицы и блюдо лимоновъ. Тѣ же поляки далѣе разсказываютъ, что гетманскій сынъ Тимошка, сущій разбойникъ, напоилъ патріаршаго посланца водкой и обрилъ ему голову. Объ отношеніяхъ Тимоѳея Хмельницкаго

къ этой женѣ своего отца кажется ходило преданіе, сообщаемое намъ Величкомъ въ такой формѣ: онъ „толь былъ своевольный, же по смерти отеческой (любо то есть правда) Чаплинскую мачиху свою на воротахъ обвѣсилъ.“ Эта вторая супруга Богдана Хмельницкаго скончалась въ 1651 году; при полученіи о томъ вѣсти (10 Мая) гетманъ „зѣло былъ кручиненъ.“ *).

По поводу ли этой женщины навлекъ на себя гнѣвъ пана подстаросты Богданъ Хмельницкій или, какъ нѣкоторые объясняютъ, все дѣло произошло отъ зависти шляхтича къ богатству казака, разрѣшать эти вопросы мы не беремся. Событія, впослѣдствіи всѣмъ въявь совершившіяся, во многомъ запутали это дѣло для историка. Свадьба Богдана Хмельницкаго нѣкоторыми опоэтизирована, а въ тоже время современники поляки, которые главнымъ образомъ сообщаютъ намъ объ этомъ дѣлѣ болѣе достовѣрныя извѣстія, постарались придать всѣмъ событіямъ самый грязный оттѣнокъ.

Замѣчательно, что въ лѣтописцѣ Хмельницкаго всѣ извѣстія по дѣлу о Субботовѣ ограничиваются почти только слѣдующимъ: „а подъ тотъ часъ у вышъ меновaнного Хмельницкаго постаростій чигиринскій Чаплинскій, зостаючій отъ Конецпольскаго, отнялъ хуторъ съ пасѣкою и млиномъ на урочищѣ Субботовѣ, полторы милѣ отъ Чигирина, и за той хуторъ посваръ (ссора) сталъ съ поста-

*) Памятн. Кіевск. Комм. т. 1, стр. 73, 337 и слѣд.; Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 3, стр. 452.

ростимъ Хмельницкому. И Хмельницкій видячи, же оного вѣчистіе добра оному кгвалтомъ (насиліемъ) выдрано“...

Послѣ наѣзда Чаплинскаго на Субботово Богданъ Хмельницкій не хотѣлъ успокоиться. Въ третьемъ пунктѣ его жалобы читаемъ:

„Тотъ же панъ Чаплинскій, гнѣваясь, что Хмельницкій жаловался на него въ судѣ, за причиненныя насильства“...

Подлинное судебное разбирательство этого дѣла намъ совершенно неизвѣстно; самъ же Богданъ Хмельницкій почему-то не нашелъ нужнымъ упомянуть о результатѣ своего иска на Чаплинскаго. Онъ только сообщаетъ то, чѣмъ отплатилъ ему Чаплинскій за искательство на него законной управы. Именно:

„Приказалъ своей дворнѣ высѣчь канчуками среди базара сына Хмельницкаго, дѣсятилѣтняго мальчика, такъ жестоко, что онъ чуть живымъ принесенъ былъ домой и вскорѣ потомъ умеръ.“

Изъ всѣхъ пунктовъ жалобы Богдана Хмельницкаго положительно не видно, чтобы онъ снова жаловался въ судъ на это новое насиліе Чаплинскаго.

Исторія съ сыномъ Богдана Хмельницкаго заинтересовала современниковъ и о ней до насъ дошло нѣсколько разнообразныхъ извѣстій. Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ разсказываетъ это дѣло слѣдующимъ образомъ: Чаплинскій приказалъ Хмельницкаго посадить въ тюрь-

му, „сына же его Тимоша велѣлъ въ два кія посреди города бити.“ Соединеніе двухъ разновременныхъ событій, какъ одновременныхъ, для лѣтописца дѣло возможное и естественное. Но его молчаніе о томъ, что отъ побоевъ сыну Богдана Хмельницкаго послѣдовала смерть, имѣетъ свое значеніе тѣмъ болѣе, что названный лѣтописецемъ по имени, Тимоѳей, какъ извѣстно, скончался въ 1653 году. Кромѣ того, въ жалобѣ сказано, что былъ наказанъ дѣсятилѣтній мальчикъ, а Тимоѳею Хмельницкому въ 1647 году было около шестнадцати лѣтъ. — Если такія ошибки встрѣчаемъ въ источникѣ, такъ близко стоящемъ къ личности самого Богдана Хмельницкаго, то чего же мы должны ждать отъ тѣхъ, которые получали свои извѣстія чрезъ сотыя руки. Для примѣра извращенія современниками фактической стороны всего дѣла Богдана Хмельницкаго, здѣсь приведемъ то, что слышалъ Кунаковъ еще по дорогѣ въ Краковъ, въ Смоленскѣ *): „начало къ большой ссорѣ была черкасскаго гетмана Богдана Хмельницкаго маетность, смежная съ маетностью коронаго гетмана Николая Потоцкаго. Николай-де Потоцкій гетману Хмельницкому дѣлалъ насильства многія и съ маетности его стѣснилъ. Да Николаевъ же де сынъ Потоцкаго большой да Богдановъ сынъ Хмельницкаго были въ Кіевѣ въ ученьи въ одной школѣ; и побранясь-де Богдановъ сынъ Хмельницкаго съ Николаевымъ сыномъ Потоцкаго, погрозилъ ему, что Потоцкій отца его съ маетности сбилъ и на-

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 3, № 238.

сильство дѣлаетъ многое, и только-де дастъ Богъ возмужаетъ онъ Хмельницкаго сынъ, и онъ ему Потоцкаго сыну то отомститъ. И Потоцкій-де сынъ то сказалъ отцу своему; и Николай-де Потоцкій велѣлъ Богданова сына Хмельницкаго, какъ онъ ѣхалъ изъ Кіева къ отцу своему, на дорогѣ изымать и его у себя на дворѣ убилъ, обсѣкъ руки и ноги на веснѣ 156 года, а жену Богдана Хмельницкаго съ дочерью взялъ Потоцкій къ себѣ“... А потомъ, когда впослѣдствіи Потоцкіе попались въ плѣнъ казакамъ, то „Николаева сына Потоцкаго Петра гетманъ Хмельницкій казнилъ въ полѣ передъ отцомъ за своего сына.“

Сообщивъ о погибели своего сына, Богданъ Хмельницкій въ жалобѣ переходитъ прямо къ изложенію причинъ, заставившихъ его бѣжать изъ Украйны. При этомъ онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ другихъ личныхъ обидахъ, нанесенныхъ ему врагами. Пункты, описывающіе эти обиды, главнымъ образомъ характеризуютъ положеніе Богдана Хмельницкаго во время его борьбы съ Чаплинскимъ. Четвертый пунктъ жалобы гласитъ:

„Панъ Комаровскій, зять Чаплинскаго, нѣсколько разъ клялся въ присутствіи разныхъ казаковъ, асауловъ, что ежели имъ не удастся сладить съ Хмельницкимъ, то они непремѣнно убьютъ или прикажутъ убить его“.

Вѣроятно, въ связи съ этимъ Богданъ Хмельницкій въ девятомъ пунктѣ своей жалобы описываетъ случай, бывшій съ нимъ, какъ низкій поступокъ его враговъ:

„Въ прошедшемъ году, когда Хмельницкій ѣхалъ подлѣ своего полковника на встрѣчу татарамъ, которые сдѣлали было набѣгъ на Чигиринъ, нѣкто Дашевскій (ляхъ, какъ они называютъ), подговоренный какимъ то старшиною, подъѣхавши къ Хмельницкому сзади, такъ ударилъ его по головѣ, что размозжилъ бы ему черепъ, еслибъ не защитилъ его желѣзный шлемъ. Когда Хмельницкій спросилъ о причинѣ, то Дашевскій отвѣчалъ: а я думалъ, братецъ, что ты татаринъ".

Мы вполнѣ расположены вѣрить, что самъ Богданъ Хмельницкій былъ во всемъ, въ обоихъ этихъ пунктахъ его жалобы описанномъ, несомнѣнно убѣжденъ и ничего тутъ не прибавилъ отъ себя. Но онъ могъ ошибаться во многомъ. Такъ панъ Комаровскій могъ не говорить указанныхъ фразъ или говорилъ что нибудь другое, а Богдану Хмельницкому передали его слова невѣрно. Дашевскій тоже могъ нанести ударъ Богдану Хмельницкому по ошибкѣ; во всякомъ случаѣ подозрѣніе, что тотъ былъ подговоренъ какимъ-то старшиною, остается, какъ видно, и для самого челобитчика только подозрѣніемъ. Хотя Богданъ Хмельницкій описываетъ всѣ эти событія съ нѣкоторой обстоятельностію, указываетъ свидѣтелей и тому подобное, все таки, кажется, остается право сомнѣваться въ точности и полной достовѣрности частностей его разсказа.

ГЛАВА IV.

ОБВИНЕНІЕ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМѢНѢ.

Обвинять казаковъ въ измѣнѣ было для пановъ старой привычкой. Такъ даже въ привиліи на Субботово мы встрѣчаемъ выраженія, которыя не попали бы туда, если бы казаковъ не попрекали измѣной или если бы послѣдніе не находили нужнымъ защищать себя отъ обвиненія въ такомъ преступленіи. Тамъ по поводу утвержденія за Богданомъ Хмельницкимъ его родовой маетности говорится, что „намъ королю и рѣчи посполитой казаки, вельми заслуженные, въ разныхъ воинскихъ службахъ, нимало не будучи въ измѣнѣ, вѣрность отдавали.“

На этомъ то основаніи мы сдѣлали выше предположеніе, что Чаплинскій указывалъ Конецпольскому на Богдана Хмельницкаго какъ на измѣнника, на опаснаго человѣка. Но фактовъ, доказывающихъ это, Чаплинскій кажется не могъ тогда

представить и рѣшеніе объ отобраніи у Богдана Хмельницкаго его маетности было произнесено на основаніи не этой, а должно быть другихъ причинъ. Это мы говоримъ потому, что и ниже приводимое обвиненіе въ измѣнѣ принадлежитъ къ разряду простыхъ предположеній обвинителей о томъ, что Богданъ Хмельницкій вообще должно быть опасный человѣкъ. Основаніемъ же для такого предположенія, по всему видно, служило то, что Богданъ Хмельницкій человѣкъ независимый, популярный между казаками. По поводу этого мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о положеніи Богдана Хмельницкаго между казаками, какъ одного изъ старшинъ Войска Запорожскаго.

Надо полагать, что Богданъ Хмельницкій занималъ свою должность чигиринскаго сотника по-прежнему порядку, то есть какъ выбранный казаками, а не по новому, какъ назначенный полковниками. Въ то время, какъ вся старшина довольно сытно кормилась отъ Войска, онъ, какъ человѣкъ относительно богатый, совершенно не нуждался въ этомъ. Естественно, такая независимость положенія Богдана Хмельницкаго давала ему съ одной стороны средства къ независимымъ ни отъ кого поступкамъ, а съ другой почетъ, своего рода популярность между казаками. Но въ такой независимости были для пользовавшагося ею и непріятныя стороны. Въ то время, когда движеніе вверхъ зависѣло отъ благоволенія высшаго начальства, мы видимъ, что Богданъ Хмельницкій при его познаніяхъ, умѣ и заслугахъ, о которыхъ говоритъ и королевскій привилій, остается только простымъ

сотникомъ. Кромѣ того, такое независимое положеніе должно было возбуждать зависть и ненависть тѣхъ, которые занимали высшіе посты въ Войскѣ. Здѣсь замѣтимъ, что хотя среди войсковой старшины были многіе изъ шляхтичей, настоящими же хозяевами всѣхъ войсковыхъ дѣлъ были тогда старые казаки Иванъ Барабашъ (полковникъ черкасскій) и Илляшъ Кривуля (войсковой асаулъ). Эти прежніе товарищи Богдана Хмельницкаго, за право безконтрольно управлять Войскомъ, совершенно предались на сторону пановъ. Не полковники изъ шляхты, а эти двое были предметомъ ненависти казаковъ. Какъ эта войсковая старшина относилась къ Богдану Хмельницкому, точно мы не знаемъ. Видимъ только то, что во всемъ его дѣлѣ съ Чаплинскимъ они ни въ чемъ его не поддержали. Кромѣ того, на какомъ нибудь основаніи Богданъ Хмельницкій говоритъ, что Дашевскій подученъ былъ къ убійству его не Чаплинскимъ, а какимъ-то старшиною. Наконецъ всѣ разсказы Богдана Хмельницкаго казакамъ о своихъ похожденіяхъ (они будутъ приведены ниже) дышатъ ненавистью главнымъ образомъ къ Барабашу и Кривулѣ. Богданъ Хмельницкій придумалъ противъ нихъ самое злое: онъ ихъ осмѣялъ.

Но все, что мы сказали о положеніи Богдана Хмельницкаго въ Войскѣ Запорожскомъ, не есть еще доказательство обширной его популярности между казаками, по крайней мѣрѣ такой, чтобы онъ могъ двинуть эту массу по своему произволу. Для разъясненія всего этого предмета обратимся теперь къ доносу, къ которому, по словамъ

Богдана Хмельницкаго, прибѣгли враги въ заключеніе своей борьбы съ нимъ. Въ десятомъ пунктѣ его жалобы читаемъ:

„Важнѣйшею для себя обидою Хмельницкій почитаетъ то, что его коварно оклеветалъ какой-то Песта Хамъ, казакъ, предъ его милостію паномъ хорунжимъ коронным, будто бы онъ замышлялъ отправить на море вооруженныя суда“.

Такъ разсказываетъ самъ Богданъ Хмельницкій; а впослѣдствіи, въ глазахъ его современниковъ, это дѣло получило несравненно большее развитіе. Напримѣръ, поляки постоянно говорятъ на одну тему, что Богданъ Хмельницкій затѣвалъ уже настоящій бунтъ и составлялъ для этого громадный организованный заговоръ. Вотъ основныя польскія извѣстія объ этомъ: „Богданъ Хмельницкій, не перетерпя многихъ своихъ обидъ и раззоренья, учалъ сговариваться съ черкасы, какъ бы ему Богдану и имъ черкасамъ тѣмъ своимъ обидникамъ и раззорителямъ обиды и раззоренья отомстить;“ или: „когда Богдану стали обиды нестерпимы, то началъ онъ тотчасъ же сноситься съ другими сильнѣйшими казаками, которые также терпѣли обиды и оскорбленія отъ нѣкоторыхъ польскихъ пановъ, исподоволь затягивать въ свое предпріятіе народъ, составлять скопища и открыто бунтовать.“ Замѣтимъ между прочимъ объ этихъ польскихъ извѣстіяхъ, что они въ сущности состоятъ только изъ однихъ общихъ фразъ.

Было ли что нибудь изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь извѣстій въ дѣйствительности? Въ отвѣтъ на

это разберемъ то, что самъ Богданъ Хмельницкій говорилъ о своемъ дѣлѣ.

Поводъ къ доносу, о которомъ сказано въ жалобѣ Богдана Хмельницкаго, можетъ быть, хотя и невиннымъ образомъ, подалъ онъ самъ. Богданъ Хмельницкій принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые въ минуту раздраженія забываются и при этомъ могутъ наговорить на себя, что угодно. Кромѣ того, хвастовство было одною изъ особенностей характера знаменитаго героя. Мечталъ же онъ впослѣдствіи завоевать Константинополь подъ ноги великаго государя и т. п. И теперь защищая свою собственность королевскимъ привиліемъ, такъ странно составленнымъ, Богданъ Хмельницкій могъ имъ хвастаться. При этомъ онъ могъ указывать, что управу на обидчиковъ можно всегда сыскать, можно съ челобитной дойти и до самого короля и т. п. Но къ чему вели такія угрозы, на это указано въ письмѣ Богдана Хмельницкаго на имя короля: „мы постоянно слышимъ: вотъ вамъ король; а поможетъ вамъ король, такія-сякія дѣти“. Подобныя слова пановъ, судя и по поступкамъ Чаплинскаго, сопровождались соотвѣтственными имъ дѣйствіями. Но и самъ Богданъ Хмельницкій вѣроятно не уступалъ врагамъ въ дерзкихъ выраженіяхъ. Разсказываетъ же лѣтописецъ, что Богданъ Хмельницкій, оскорбившись зѣло, что его маетность отдана Чаплинскому, сказалъ: „еще-де казацкая мати не умерла, не все и Чаплинскій забралъ, когда еще есть шабля въ рукахъ“. Можетъ быть, не эта именно фраза повела къ тому, что Богдана Хмельницкаго посадили въ тюрьму и т. п.; для насъ важно то, что

подобную фразу Чаплинскому очень легко было растолковать въ томъ смыслѣ, что въ ней старый казакъ проговорился о своихъ измѣнническихъ замыслахъ. Теперь прежнихъ средствъ мести у Чаплинскаго не было и ему оставалось одно средство подъ видомъ закона погубить врага: это—ухватившись за такія фразы, объяснять ихъ въ извѣстную сторону.

Это одна сторона дѣла, а съ другой мы позволяемъ себѣ утверждать, что Чаплинскій вѣрилъ въ дѣйствительность измѣнническихъ замысловъ Богдана Хмельницкаго. Паны, унизивши казаковъ и затѣмъ постоянно оскорбляя ихъ всячески, въ тоже время боялись вражды ихъ къ себѣ. Они предрасположены были каждое слово казака толковать только въ извѣстную сторону. И все ничтожнѣйшее въ началѣ дѣло Богдана Хмельницкаго выросло до своихъ необъятныхъ размѣровъ только изъ подобнаго подозрительнаго отношенія пановъ къ поступкамъ казаковъ.

Богдана Хмельницкаго обвиняли въ томъ, что онъ хочетъ въ сущности бунтовать, намѣренъ, безъ разрѣшенія властей, отправить въ море вооруженныя суда, ясное дѣло—для грабежа, и тѣмъ самымъ поссорить польское правительство съ турецкимъ. Это челновое дѣло, съигравшее такую видную роль въ судьбѣ Богдана Хмельницкаго, въ дѣйствительности заключалось въ слѣдующемъ. Между польскими властями былъ поднятъ вопросъ о построеніи челновъ на Днѣпрѣ, чтобы потомъ отправить на нихъ запорожскихъ казаковъ въ мор-

ской походъ: мечтали о войнѣ съ невѣрными. Одни изъ вельможъ сопротивлялись этой мѣрѣ, боясь ли необходимости, въ такомъ случаѣ, усилить королевскую власть или вообще не желая навязать Польшѣ турецкую войну; другіе же сочувствовали. Вопросъ далеко не былъ рѣшенъ, а въ тоже время были попытки привести челновое дѣло въ исполненіе; приступали къ построенію судовъ. Этимъ послѣднимъ завѣдывалъ коронный гетманъ; но онъ же самъ говоритъ, что къ веснѣ 1648 года, „одни лодки были совсѣмъ не изготовлены а другія хотя и готовы, но не въ такомъ устройствѣ и порядкѣ, чтобы были годны для морской войны". Это челновое дѣло было всѣмъ извѣстно; въ немъ было чрезвычайно много заинтересованныхъ лицъ, казаки вполнѣ сочувствовали такому предпріятію, надѣясь при помощи его улучшить свое тяжелое положеніе. За услуги отечеству можно было получить льготы; не весьма давній примѣръ Сагайдачнаго былъ у всѣхъ на памяти. Но поляки не хотѣли слышать о Сагайдачномъ и за это получили Хмельницкаго.

Однакоже не только замышлялъ ли что нибудь Богданъ Хмельницкій изъ того, что на него взводили и что ему впослѣдствіи приписывали, но даже говорилъ ли между казаками о челновомъ дѣлѣ, мы для рѣшенія этого вопроса не имѣемъ почти никакихъ данныхъ. Впослѣдствіи довольно много толковали о челновомъ дѣлѣ; но это произошло отъ того, что обвинивъ Богдана Хмельницкаго такимъ образомъ, враги конечно не предполагали, что это же самое орудіе обратится противъ нихъ. Кажется,

и самъ Богданъ Хмельницкій воспользовался этимъ доносомъ на него съ выгодой для себя. Онъ уже могъ впослѣдствіи говорить казакамъ, что дѣйствительно замышлялъ отправить въ море вооруженныя суда, даже имѣлъ на это королевское разрѣшеніе, но только паны и старшина, враги казацкихъ вольностей, помѣшали ему въ такомъ предпріятіи. Тогда панамъ было уже поздно объявлять, что ихъ доносъ на него былъ нелѣпость. Мало того: успѣхи Богдана Хмельницкаго такъ озадачили пановъ, что они тогда сами всему этому прежде всѣхъ повѣрили. Что же касается того, какъ могъ говорить Богданъ Хмельницкій о челновомъ дѣлѣ, когда еще не предполагалъ, что ему придется бѣжать изъ Украйны, — это объяснить чрезвычайно трудно. Для этой цѣли мы можемъ перефразировать пунктъ разобранной уже нами казацкой жалобы о челновомъ дѣлѣ. Всѣ козаки могли говорить: „вотъ-де есть челновое дѣло, которому въ Варшавѣ сочувствуютъ и особенно король; намъ выданы деньги на построеніе судовъ и предполагается увеличить число Войска; но наши старшіе ничего этого не хотятъ, а мы желаемъ служить его королевской милости и республикѣ, оказывать имъ дѣйствительныя услуги“ и пр. и пр. Наконецъ казаки могли говорить подобное въ рѣзкихъ формахъ, бранить старшихъ. Но все это наши предположенія и для подтвержденія ихъ можно сказать только одно: должно быть Богданъ Хмельницкій что нибудь говорилъ о челновомъ дѣлѣ: не возможно же было положительно изъ ничего сочинить на него вышеуказанный доносъ. Съ другой же стороны мы не имѣ-

емъ права не вѣрить вовсе обвиняемому, который прямо объявляетъ, что все взведенное на него клевета.

Для того, чтобы помимо воли непосредственнаго начальства отправить въ море цѣлый флотъ съ казаками, Богдану Хмельницкому нужно было имѣть громадныя нравственныя и матеріальныя средства; дѣйствительно, какъ впослѣдствіи говорили, необходимо было заранѣе составить обширный заговоръ. О томъ, что у Богдана Хмельницкаго имѣлись нравственныя средства, вліяніе на казаковъ, объ этомъ говоритъ пожалуй и доносъ. Но доносъ, какъ доносъ, не есть еще полное доказательство. Дальнѣйшія же наши извѣстія объ его матеріальныхъ средствахъ для такого предпріятія только позднѣйшія, совершенно недостовѣрныя (они будутъ приведены ниже). Удивительно, что при такихъ средствахъ, о которыхъ говорится въ этихъ извѣтіяхъ, Богдану Хмельницкому не только ничего не удалось, но даже не видно, чтобы онъ приступалъ къ исполненію чего либо изъ приписываемыхъ ему предпріятій.

Для лучшаго доказательства противуположнаго тому, что приписывается Богдану Хмельницкому, разберемъ извѣстія о томъ, какъ смотрѣли власти на все его дѣло тогда, когда онъ находился еще на Украйнѣ. Посмотримъ, какъ отнесся Конецпольскій къ представленному ему доносу на Богдана Хмельницкаго. Объ этомъ мы читаемъ далѣе въ десятомъ же пунктѣ жалобы послѣдняго:

„Эта клевета, вмѣстѣ съ претензіями со стороны пана Чаплинскаго, повела къ то-

му, что разгнѣванный его милость панъ хорунжій велѣлъ искать случая умертвить Хмельницкаго“.

Приведя эти слова Богдана Хмельницкаго, мы должны тотчасъ же признаться, что они не совсѣмъ разъясняютъ дѣло, потому что въ пятомъ пунктѣ его жалобы читаемъ какъ будто о томъ же самомъ событіи, но съ замѣтнымъ противорѣчіемъ:

„Его милость панъ хорунжій коронный, возвращаясь изъ Запорожья, куда ходилъ бить татаръ, велѣлъ взять Хмельницкаго подъ стражу и отрубить ему голову“.

Такъ описываетъ участіе въ своемъ дѣлѣ Конецпольскаго Богданъ Хмельницкій, а впослѣдствіи объ этомъ же разсказывали, совсѣмъ иначе. Въ вѣстяхъ Кунакова читаемъ: „и свѣдавъ вскорѣ про челновое дѣло, хорунжій Александръ Станиславовъ сынъ Конецпольскій умыслилъ по прежней причинѣ (какъ претендентъ на обладаніе Субботовымъ) и по ненависти Богдана Хмельницкаго убить, посылалъ звать его къ себѣ на банкетъ. И Богданъ Хмельницкій, вѣдая умыселъ его, на банкетъ не поѣхалъ“. Окончаніе этого разсказа мы приведемъ ниже, о томъ же, что изъ него выписали, скажемъ только, что эти вѣсти Кунакова болѣе чѣмъ странны. По нимъ выходитъ, что одинъ изъ первыхъ магнатовъ республики стоялъ на одной доскѣ съ презрѣннымъ казацкимъ сотникомъ. Поэтому, оставивъ всѣ подобные источники въ сторонѣ, обратимся къ той же жалобѣ Богдана Хмельницкаго.

Прежде всего полагаемъ, что въ обоихъ сейчасъ приведенныхъ и нѣсколько противорѣчащихъ другъ другу мѣстахъ жалобы Богдана Хмельницкаго говорится объ одномъ и томъ же фактѣ. Сущность же его такова: коронный хорунжій Александръ Конецпольскій изволилъ разгнѣваться на чигиринскаго сотника и этотъ его гнѣвъ начался, можетъ быть, съ того времени, когда послѣдній жаловался въ судъ на его подстаросту. Только этимъ дѣло и ограничивалось.

Участіе Конецпольскаго въ дѣлѣ Богдана Хмельницкаго не могло быть таково, какъ описываетъ это послѣдній. По закону староста чигиринскій не могъ отдать приказъ не только казнить человѣка не совсѣмъ ему подвѣдомственнаго, но даже и арестовать его. Къ тому же, Богданъ Хмельницкій былъ человѣкъ не только заслуженный, но въ нѣкоторой степени извѣстный многимъ высшимъ властямъ. Всетаки хотя бы для формы потребовался судъ, а объ этомъ послѣднемъ Богданъ Хмельницкій и не намекаетъ въ своей жалобѣ. Онъ только говоритъ, что Конецпольскій, разгнѣвавшись на казацкаго сотника, прямо приказалъ (однако, кому же?) „наступать на здоровье Хмельницкаго“, при случаѣ покончить съ нимъ. Все это довольно странно. Затѣмъ, что касается словъ пятаго пункта жалобы Богдана Хмельницкаго, то конечно коронный хорунжій во время похода, имѣя на то основательныя причины, могъ не только погрозить казацкому сотнику арестомъ, но и казнію, а пожалуй и казнить. Но и по словамъ жалобы Богдана Хмельницкаго, кажется, выходитъ, что все дѣло ограни-

чивалось одною угрозою. Притомъ и объ этомъ послѣднемъ онъ узналъ не непосредственно отъ короннаго хорунжаго, а изъ какихъ нибудь другихъ, можетъ быть, не совсѣмъ чистыхъ источниковъ.

Если Чаплинскій могъ вѣрить или подозрѣвать Богдана Хмельницкаго въ замыслахъ на измѣну, то Конецпольскій вѣроятно очень хорошо понималъ сущность всего дѣла. Онъ не могъ придать значенія доносу какого-то казака. Но ему въ тоже время должно было надоѣсть дѣло Хмельницкаго, постоянное сутяжничество послѣдняго, и онъ разсердился на него. Этого и было достаточно для Чаплинскаго. Ему, надо полагать, нужно было, чтобы староста чигиринскій зналъ, что за человѣкъ Богданъ Хмельницкій. Теперь эта цѣль была достигнута и старый заслуженный козакъ находился на дурномъ счету у вліятельнаго вельможи.

Таково должно быть участіе Конецпольскаго въ дѣлѣ Богдана Хмельницкаго. Однакоже отъ всего этого послѣднему нисколько не было легче. Обвиненіе въ измѣнѣ уже высказано, а гнѣвъ такого лица, какъ Конецпольскій, равнялся для Богдана Хмельницкаго приказу о казни. Замѣтимъ, что это послѣднее,—ужасъ отъ беззащитности предъ угрожающей отъ сильнаго человѣка бѣдою,—является одною изъ причинъ, почему Богданъ Хмельницкій не совсѣмъ правильно описалъ разбираемое теперь нами дѣло. Оно ему представлялось въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ было въ дѣйствительности.

Если Чаплинскій, зная казаковъ, побаивался Богдана Хмельницкаго, то и казаки, напуганные панами, ждали отъ нихъ себѣ всякихъ бѣдъ. Однакоже, судя по словамъ жалобы Богдана Хмельницкаго, онъ какъ будто еще не отчаявался: если на Чаплинскаго нельзя отыскать управы въ украинскихъ судахъ, то можно было обратиться за нею и въ другое мѣсто. Съѣздилъ же онъ прежде въ Варшаву и добылъ себѣ привилій на Субботово; оставалось повторить прежнее. Разница противъ прежняго была только та, что теперь могущественный покровитель Чаплинскаго здравствовалъ и поэтому Богдану Хмельницкому нужно было дѣйствовать поосторожнѣе. Богданъ Хмельницкій, какъ видно, сознавалъ эту необходимость осторожности, но въ жалобѣ вмѣсто этого онъ указываетъ на другое: враги, доведя дѣло до послѣдней крайности, будто бы не хотѣли повторить своей прежней ошибки и рѣшились не выпускать его изъ Украйны. Объ этомъ мы читаемъ въ пятомъ пунктѣ жалобы Богдана Хмельницкаго, который заканчивается такими словами:

„И когда по этому случаю Хмельницкій хотѣлъ бѣжать къ пану кастеляну краковскому, то по большимъ дорогамъ расположена была засада“.

Изъ словъ пятаго пункта жалобы видно, что Богданъ Хмельницкій хотѣлъ обратиться къ коронному гетману за защитой противъ приказа короннаго хорунжаго взять подъ стражу и отрубить ему голову. Но такъ какъ мы сомнѣваемся въ существо-

ваніи самаго приказа, то и должны сказать вообще, зачѣмъ могъ ѣхать Богданъ Хмельницкій къ коронному гетману. Прежде онъ жаловался въ судъ на Чаплинскаго за его наѣздъ на Субботово и тому подобныя насильства. Выше мы замѣтили, что Богданъ Хмельницкій не сказалъ, гдѣ слѣдуетъ, о результатѣ этого своего искательства управы на Чаплинскаго. Изъ словъ же десятаго пункта жалобы (доносъ „вмѣстѣ съ претензіями пана Чаплинскаго разсердилъ“ Конецпольскаго) можно заключить, что судбище съ подстаростой чигиринскимъ было если не у старосты, то во всякомъ случаѣ хорошо было извѣстно послѣднему. Рѣшеніе же на самую жалобу, каково бы оно ни было, какъ видно неудовлетворило челобитчика. Послѣ же этого высѣкли его сына канчуками и проч. И такъ съ аппелляціей ли на рѣшенніе суда хотѣлъ ѣхать Богданъ Хмельницкій въ Варшаву или съ жалобою на новыя оскорбленія и въ особенности съ оправданіемъ отъ обвиненія въ измѣнѣ думалъ онъ предстать предъ лицо самого коронаго гетмана? По жалобѣ скорѣй можно утверждать послѣднее. Выше же мы предположили, что когда прежде начали обвинять Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ предъ покойнымъ короннымъ гетманомъ, то обвиняемый повезъ къ этому военачальнику плѣненныхъ имъ татаръ. Имѣлъ ли теперь Богданъ Хмельницкій, какъ прежде, подобныя же доказательства своей вѣрной службы, не знаемъ; но во-всякомъ случаѣ предшествующіе примѣры должны были наводить его на мысль о безполезности защиты. Вѣроятно на этомъ же основаніи Богданъ

Хмельницкій совсѣмъ не жаловался въ судъ на то, что отъ побоевъ челяди Чаплинскаго приключилась смерть его сыну. Точно также сомнѣваемся и въ томъ, чтобы дѣйствительно и теперь, по поводу обвиненія его въ измѣнѣ, Богданъ Хмельницкій хотѣлъ „искать спасенія у пана кастеляна краковскаго“. Скорѣй всего онъ написалъ это въ жалобѣ для доказательства силы своей правоты и большаго обвиненія враговъ, которые будто бы были наклонны даже лишать его возможности отыскивать законную управу на нихъ.

Поводъ къ нашимъ сомнѣніямъ подаетъ тотъ же самый пунктъ жалобы, который говоритъ обо всемъ этомъ. Даже если и признать, какъ достовѣрный фактъ, приказы Конецпольскаго, то всетаки дѣло, какъ его описалъ Богданъ Хмельницкій, остается покрайней мѣрѣ неяснымъ. Такъ намъ было бы интересно знать, гдѣ отданъ былъ приказъ Конецпольскаго взять Богдана Хмельницкаго подъ стражу и отрубить ,ему голову, то есть, въ степи ли, на возвратномъ пути изъ Запорожья, или когда коронный хорунжій вступилъ въ Чигиринъ. Содержаніе пункта скорѣй соотвѣтствуетъ тому, что приказъ былъ отданъ въ Чигиринѣ и засада была расположена по проѣзжимъ дорогамъ, идущимъ изъ него. Затѣмъ, какъ слѣдуетъ понимать слова жалобы: „по большимъ дорогамъ расположена была засада“? То есть, начальство ли приказало разставить стражу, чтобы изловить, положимъ, убѣжавшаго отъ исполненія смертнаго приговора преступника, на дорогахъ, по которымъ онъ долженъ ѣхать? Или, что намъ кажется естественнѣе, Чаплинскій,

узнавши, что Богданъ Хмельницкій думаетъ ѣхать къ коронному гетману, рѣшился, расположившись гдѣ нибудь на степной дорогѣ, расправиться съ врагомъ? Не къ этому ли послѣднему положенію слѣдуетъ пріурочить слова десятаго пункта жалобы, что Конецпольскій велѣлъ кому-то искать случая умертвить Хмельницкаго?

Если принять первое предположеніе, что начальство приказало разставить по дорогамъ стражу, чтобы изловить Богдана Хмельницкаго, то какой же вышелъ изъ этого результатъ? Неужели оно ограничилось только лишеніемъ приговореннаго возможности аппелировать къ высшимъ властямъ? Зачѣмъ послѣ этого не былъ приведенъ въ исполненіе произнесенный уже приговоръ? — Если Богданъ Хмельницкій въ пятомъ и десятомъ пунктѣ своей жалобы говоритъ не объ одномъ и томъ же приговорѣ Конецпольскаго, а о двухъ разновременныхъ, то опять возникаетъ еще вопросъ, почему коронный хорунжій, произнеся первый приказъ, потомъ дожидался новаго обвиненія Богдана Хмельницкаго въ измѣнѣ и тогда отдавши новый приказъ искать случая его убить, опять оставилъ дважды приговореннаго къ смерти на свободѣ? Однимъ словомъ по этому поводу приходится дѣлать цѣлый рядъ предположеній. Такъ напримѣръ, по одному приговору Конецпольскаго Богданъ Хмельницкій былъ взятъ подъ стражу и потомъ, можетъ быть, оправдавшись, былъ выпущенъ на свободу; а за тѣмъ уже на него сдѣланъ былъ еще доносъ въ измѣнѣ и Конецпольскій повторилъ свой прежній приказъ. Или: когда былъ произнесенъ первый приговоръ, то Богданъ Хмель-

ницкій скрылся, а потомъ, услышавши о новомъ приговорѣ убить его, рѣшился бѣжать. Но по той же жалобѣ Богдана Хмельницкаго можно привести рядъ доказательствъ, что онъ совсѣмъ не скрывался, а жилъ на такой свободѣ, что не было ни малѣйшаго препятствія его арестовать.

Всѣ эти вопросы, вытекающіе изъ неясности жалобы Богдана Хмельницкаго, остаются въ большей части не разрѣшенными, но не потому, что мы для этого не имѣемъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Полагаемъ, что для этого предмета не можетъ быть открыто никакихъ источниковъ. Эти же вопросы возникаютъ вслѣдствіе того, что или самъ Богданъ Хмельницкій точно такъ понималъ свое дѣло, какъ описалъ его въ жалобѣ, или только изложилъ его извѣстнымъ образомъ, чтобы другіе такъ его поняли.

Для разъясненія послѣднихъ приведенныхъ нами словъ пятаго пункта жалобы Богдана Хмельницкаго мы еще сказали, что естественнѣе предполагать, что не начальство разставило стражу по дорогамъ, а скорѣе Чаплинскій хотѣлъ расправиться въ степи съ своимъ врагомъ. Хотя это естественнѣе, но и въ дѣйствительности подобнаго факта имѣемъ право сомнѣваться. Не проще ли будетъ сказать, что только напуганное воображеніе челобитчика представляло ему всѣ такія опасности? Очень можетъ быть, что враги Богдана Хмельницкаго пугали его. Съ этою цѣлію панъ Комаровскій, зять Чаплинскаго, могъ нарочно говорить вышеприведенныя угрозы въ присутствіи такихъ лицъ, ка-

заковъ и асауловъ, чрезъ которыхъ навѣрно всѣ его рѣчи должны были дойти по назначенію. Но если и понимать слова жалобы Богдана Хмельницкаго такъ, что онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Чаплинскій хотѣлъ убить его на дорогѣ, то мы при этомъ должны допустить и другое. Если за Богданомъ Хмельницкимъ присматривали, подслушивали его слова и обо всемъ доносили Чаплинскому, то и послѣдній конечно не долженъ былъ разчитывать, что всѣ его затѣи останутся тайною для врага. А при этомъ можно предположить, какъ переносчики вѣстей передавали ихъ тому и другому. Для примѣра возьмемъ одну сторону Богдана Хмельницкаго. Пріятели сначала извѣстили его, что коронный хорунжій разгнѣвался на него. Это первое было можетъ быть и правда; а затѣмъ Богдану Хмельницкому сказали, что отданъ приказъ арестовать и казнить его; это послѣднее было уже развитое воображеніемъ переносчиковъ слѣдствіе гнѣва Конецпольскаго. Когда же въ отвѣтъ на подобныя вѣсти Богданъ Хмѣльницкій заявилъ друзьямъ, что онъ намѣренъ искать спасенія у пана кастеляна краковскаго, то ему посовѣтовали или передали еще новое: если онъ хочетъ ѣхать къ высшему начальству, то ѣхалъ бы осторожно, потому что наврядъ ли ему добраться туда благополучно и т. д. и т. д. Вотъ и еще причина,—неполная достовѣрность источника, изъ котораго Богданъ Хмельницкій получалъ свѣдѣнія о грозящихъ ему несчастіяхъ, — почему онъ не могъ правильно описать свое дѣло въ разбираемыхъ нами пунктахъ его жалобы.

Подтвержденіемъ сейчасъ сказанному кажется могутъ служить и нѣкоторые выраженія, встрѣчаемыя въ разсмотрѣнныхъ уже нами пунктахъ жалобы Богдана Хмельницкаго. По нимъ можно заключить, что, описывая свои обиды, онъ самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не зналъ хорошенько своихъ враговъ. О Дашевскомъ, сдѣлавшемъ будто бы покушеніе на его жизнь, Богданъ Хмельницкій выражается: нѣкто Дашевскій. Положимъ, онъ прежде могъ не знать Дашевскаго; но на какомъ же основаніи въ его жалобѣ говорится, что тотъ былъ подговоренъ какимъ-то старшиною? Если бы Богданъ Хмельницкій зналъ этого подстрекателя, а не имѣлъ въ виду только извѣстной вражды къ себѣ старшины, то полагаемъ не стѣснился бы назвать лицо прямо полнымъ именемъ. Все это невольно заставляетъ думать, что разъясненіе произшествія съ Дашевскимъ получено Богданомъ Хмельницкимъ изъ такого источника, которому онъ и самъ не вполнѣ довѣрялъ. Точно такъ же Песта Хамъ, сдѣлавшій доносъ на Богдана Хмельницкаго, названъ въ жалобѣ какой-то. Конечно такія выраженія можно объяснить и тѣмъ, что они употреблены съ цѣлію унизить поступки враговъ, которые дѣлали своими соучастниками подобныхъ людей. Но не будетъ ли это, такъ сказать, натяжкой? Подобныя слова употреблены Богданомъ Хмельницкимъ именно тамъ, гдѣ онъ, по всему видно, и самъ не могъ уяснить себѣ точно сущность дѣла.

Богданъ Хмельницкій говоритъ, что онъ хотѣлъ ѣхать къ пану кастеляну краковскому; но ука-

зываемое имъ препятствіе къ исполненію этого, засады по дорогамъ, положительно нельзя принимать во вниманіе. Если даже и были засады на дорогахъ, то онъ все таки могъ проѣхать; вѣдь могъ же онъ безпрепятственно уѣхать на Запорожье.

Мы вполнѣ убѣждены въ томъ, что Богдану Хмельницкому становилось не только трудно, но пожалуй и невозможно жить на Украйнѣ, но при всемъ томъ какое бы онъ могъ найти спасеніе у пана кастеляна краковскаго? Если на такого шляхтича, какъ Чаплинскій, не было ни суда ни управы, то одно упоминаніе предъ короннымъ гетманомъ въ жалобѣ имени Конецпольскаго,—а обойти его кажется было нельзя,—окончательно погубило бы челобитчика. Въ отвѣтъ на жалобу враги свели бы все дѣло на то, къ чему какъ видно они постоянно и стремились, что чигиринскій сотникъ безпокойный человѣкъ, способный клеветать даже на такую особу, какъ Конецпольскій, что онъ своими сплетнями готовъ безпокоить не только коронаго гетмана, но даже не прочь дойти и до короля! Тутъ Богданъ Хмельницкій, не только очутился бы на дурномъ счету у высшаго начальства, но ему могли грозить и настоящія опасности. Все это Богданъ Хмельницкій хорошо зналъ и понималъ. И вотъ, въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ, какъ говоритъ далѣе въ десятомъ пунктѣ своей жалобы, „не зная къ кому обратиться“, рѣшился на новое дѣло.

Чаплинскій съ товарищи, указывая высшимъ властямъ, что Богданъ Хмельницкій популяренъ между

казаками, дѣлали относительно своей цѣли грубѣйшую ошибку. Обвиняемый не цѣнилъ своей популярности, хотѣлъ сдѣлаться паномъ, слѣдовательно врагомъ казачества. Но этимъ доносомъ враги сами указали Богдану Хмельницкому, что не слѣдуетъ отчаяваться: „еще казацкая мати не умерла, покуда сабля въ рукахъ!“ И Богданъ Хмельницкій остался казакомъ. Когда ему стало трудно жить, когда враги черезъ-чуръ ужъ устрашали его, онъ тогда и поступилъ, какъ дѣлали другіе при подобныхъ обстоятельствахъ, показацки,— то есть „бѣжалъ“.

Мы кончили разсказъ о причинахъ бѣгства Богдана Хмельницкаго изъ Украйны. Уже изъ приведенныхъ пунктовъ его жалобы можно ясно видѣть, что коронный гетманъ Николай Потоцкій не принималъ ни малѣйшаго участія въ дѣлѣ Богдана Хмельницкаго. Предположеніе, что эта жалоба, предназначавшаяся для прочтенія Потоцкому, намѣренно умолчала объ его участіи въ дѣлѣ челобитчика, не даетъ основанія утверждать противное. Во первыхъ, не стѣснялся же Богданъ Хмельницкій описывать въ ней, не въ очень красивомъ цвѣтѣ, другую важную особу, Конецпольскаго. Во вторыхъ, что самое главное, намъ извѣстно много позднѣйшихъ бумагъ Богдана Хмельницкаго; въ нихъ онъ называетъ короннаго гетмана Николая Потоцкаго своимъ врагомъ, но уже сдѣлавшимся таковымъ послѣ его бѣгства изъ Украйны.

Мы заговорили объ этомъ предметѣ только потому, что почти во всѣхъ другихъ менѣе достовѣрныхъ источникахъ, чѣмъ жалоба Богдана Хмельницкаго, объ участіи въ его дѣлѣ Конецпольскаго или совсѣмъ умалчивается и его роль приписывается Потоцкому или тотъ и другой являются каждый съ своею особою ролью гонителя. Подобныя ошибки попреимуществу принадлежатъ польскимъ извѣстіямъ и они повторяются всѣми, кто придавалъ значеніе этимъ источникамъ. Вотъ это основное польское извѣстіе: „когда Богданъ Хмельницкій началъ составлять скопища и открыто бунтовать, то гетманъ польскій Потоцкій, узнавъ объ этомъ, написалъ письмо къ Кречовскому, полковнику переяславскому, чтобы онъ Хмельницкаго схватилъ. Кречовскій, который по предписанію долженъ былъ Хмельницкого схватить, вмѣсто того еще предостерегъ его и письмо гетманское ему показалъ, совѣтуя быть на сторожѣ. Предувѣдомленный такимъ образомъ Хмельницкій уѣхалъ на Запорожье“ *). Въ менѣе достовѣрныхъ источникахъ, чѣмъ и эти современныя извѣстія, событія, въ нихъ описываемыя, развиты еще болѣе и по поводу ихъ рисуются цѣлыя сцены. Если и признать дѣйствительнымъ, что либо изъ этой исторіи Кречовскаго (отнеся событія, въ ней описанныя, ко времени еще до бѣгства Богдана Хмельницкаго изъ Украйны), то на основаніи вышеизложеннаго приказъ ему данный слѣдуетъ отнести къ Конецпольскому, а не къ Потоцкому. Но если самъ Богданъ Хмельницкій не го-

*) Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго.

воритъ объ участіи Потоцкаго въ своемъ дѣлѣ съ Чаплинскимъ, то и мы не имѣемъ права навязывать первому ни какой роли въ этомъ дѣлѣ, кромѣ развѣ упоминанія боровшимися его имени. Когда же впослѣдствіи Потоцкій сталъ играть главную и непосредственную роль въ борьбѣ съ казаками, при чемъ Конецпольскій отошелъ на второй планъ, то вѣроятно вслѣдствіе этого все, что въ началѣ принадлежало послѣднему, современники Богдана Хмельницкаго, поляки, смѣшавши событія и лица, приписали первому.

Замѣтимъ, что въ старѣйшихъ малороссійскихъ лѣтописцахъ (лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и лѣтописцѣ Хмельницкаго) не только объ участіи Потоцкаго въ дѣлѣ Богдана Хмельницкаго ничего не говорится, но даже имя самого Конецпольскаго очень рѣдко упоминается. По этимъ лѣтописцамъ гонителемъ Богдана Хмельницкаго естественно является одинъ Чаплинскій.

ГЛАВА V.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ВЪ НИЗОВЬЯХЪ ДНѢПРА.

Результатомъ всѣхъ вышеизложенныхъ событій было то, что Богданъ Хмельницкій, какъ сказано въ его жалобѣ, не зная, къ кому обратиться за спасеніемъ, бѣжалъ. Тамъ же далѣе указывается, что онъ бѣжалъ „на Низъ“.

Здѣсь подъ словами „бѣжалъ на Низъ“ необходимо понимать все пространство бассейна Днѣпра, начиная съ того мѣста, гдѣ кончались на немъ поселенія, вплоть до моря а не какой-нибудь опредѣленный пунктъ днѣпровскаго понизовья.

Конечно трудно ожидать, чтобы въ жалобѣ Богдана Хмельницкаго находились какія либо подробности объ его бѣгствѣ; справку обо всемъ этомъ должно навести въ другихъ источникахъ *). Изъ

*) Объ источникахъ, которыми намъ теперь приходится руководствоваться, выскажемъ нѣсколько замѣчаній. Если за предыдущее, описанное уже нами время исторіи Богдана Хмель-

нихъ старѣйшіе малороссійскіе лѣтописцы разсказываютъ событія бѣгства безъ особенныхъ подробностей, но въ томъ же смыслѣ какъ и въ жа-

---

ницкаго мы имѣемъ дѣло съ довольно ничтожнымъ числомъ источниковъ, заслуживающихъ вниманія, то теперь наше положеніе становится несравненно затруднительнѣе. Изъ жалобы Богдана Хмельницкаго осталось не разобранныхъ нами только нѣсколько фразъ; источниковъ же, подобныхъ этому документу, для исторіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ пребыванія Богдана Хмельницкаго въ Понизовьи положительно не имѣется. Поэтому мы беремъ теперь себѣ руководящими источниками старѣйшихъ малороссійскихъ лѣтописцевъ и даже должны придавать большее значеніе, чѣмъ придавали прежде, вѣстямъ, собраннымъ Кунаковымъ. Но уже изъ предыдущаго можно видѣть, что къ извѣстіямъ всѣхъ этихъ источниковъ, по самому ихъ характеру, необходимо относиться съ особенною осторожностію. По отношенію къ предмету настоящей главы въ каждомъ изъ этихъ источниковъ встрѣчаются пропуски довольно важныхъ фактовъ, и только взятые всѣ вмѣстѣ они даютъ отчасти возможность составить болѣе или менѣе цѣльное изложеніе событій и даже въ нѣкоторой степени опредѣлить характеръ послѣднихъ. Впрочемъ, для дополненія и поясненія, для повѣрки достовѣрности извѣстій нашихъ источниковъ, намъ иногда даютъ довольно важное пособіе указанія, случайно попадающіяся въ источникахъ первостепенной важности.

Но если такъ скудны содержаніемъ теперешніе наши руководящіе источники, то здѣсь же должно указать и на то, что о времени, которое только по нимъ приходится описывать, есть много разнообразныхъ извѣстій въ позднѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ. Тамъ, въ противуположность нашимъ источникамъ, все описано ясно и съ подробностями. До сихъ поръ баснословные и полубаснословные источники мы игнорировали, теперь же и на нихъ, хотя отчасти, необходимо обратить вниманіе. Это должно сдѣлать для того, чтобы показать, во что и безъ того сомнительныя извѣствія нашихъ источниковъ могли превратиться подъ вліяніемъ фантазіи; при томъ же этимъ позднѣйшимъ историческимъ сочиненіямъ иногда придается въ исторіографіи значеніе первыхъ источниковъ и даже довольно важныхъ.

лобѣ, что Богданъ Хмельницкій уѣхалъ изъ Украйны безпрепятственно, никѣмъ не преслѣдуемый; при этомъ лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ сообщаетъ, что „Богданъ Хмельницкій рушилъ (выѣхалъ, двинулся) на Запорожье Декабря 7-го дня 1647 года“.—Кромѣ извѣстій лѣтописцевъ знаемъ еще, что Богданъ Хмельницкій въ одномъ изъ своихъ разсказовъ о прошломъ *) упомянулъ: прежде чѣмъ мнѣ бѣжать изъ Украйны, „я отдалъ своихъ дѣтей въ добрые люди, кто меня жаловалъ, и пошелъ въ Запороги“. На осно-

*) Вотъ содержаніе разсказа Богдана Хмельницкаго Унковскому (Арх. Мин. Юст., Дѣла малор., столб. № 5818). Объясняя состояніе дѣлъ въ Малороссіи, гетманъ между прочимъ говорилъ: «а былъ-то у насъ миръ подъ Збаражемъ, какъ я надъ королемъ польскимъ умилосердился, далъ имъ животъ; а всѣ они за помощію Божіею были у меня въ рукахъ. А какъ я мирился съ королемъ, лише я съ нимъ видѣлся; и говорилъ мнѣ король, прошечи со слезами, чтобъ помириться; и я его не ослушался, помирились, помня ихъ королевское жалованье. Намъ Войску Запорожскому отъ прежнихъ королей и отъ нынѣшняго короля обидъ не бывало; война у насъ сталась отъ панства, что паны всякими обидами и насильемъ и всякою неправдою нападали и изобижали, земли отнимали и королевское денежное жалованье у насъ отняли. И намъ отъ великихъ пановъ всякія обиды стало не въ мочь терпѣть; а у меня старую мою маетность неправдоюжъ Конецпольскій отнялъ и отдалъ будучему при себѣ Чаплинскому. И я королю и рѣчи посполитой билъ челомъ и мнѣ не поворочено; и я дѣти свои отдалъ въ добрые люди, кто меня жаловалъ, и пошелъ въ Запороги. И всего насъ въ зборѣ войска было съ полтретьяста человѣкъ, какъ на насъ послалъ Потоцкій сына своего и комиссара. И только бъ я не сгодился съ царемъ крымскимъ и неперешло-бы ко мнѣ отъ Потоцкаго нашихъ лейестровыхъ казаковъ 6000, и намъ было что дѣлать? А потомъ уже Богъ учинилъ много Войска и мзду ляхамъ за ихъ къ намъ обиды воздалъ и опять воздастъ, видя нашу правду и терпѣнье».

ваніи этихъ словъ мы уже вполнѣ утвердительно можемъ говорить, что Богданъ Хмельницкій передъ бѣгствомъ имѣлъ довольно свободы, могъ обдумать свое рѣшеніе и позаботился о безопасности своего семейства въ виду могущихъ произойти случайностей.

Изложеніе извѣстій о пребываніи Богдана Хмельницкаго въ Понизовьи мы начнемъ съ разсказа объ этомъ предметѣ, составленнаго въ первой четверти XVIII столѣтія Самуиломъ Величко. Онъ пишетъ:

„Богданъ Хмельницкій былъ на кошу сѣчевомъ отъ всего Войска низоваго Запорожскаго не яко товарищъ или братъ, но яко добрый и чадолюбивый отецъ пріятъ радостно и благодарно, съ прирѣченьемъ щирымъ отъ всего Войска всякой себѣ зичливости и повольности и до того начинанія готовности, гдѣ отъ нѣкоихъ товарищовъ запорожскихъ и гетманомъ онъ Хмельницкій уже нарѣченъ былъ... Тѣмъ часомъ Хмельницкій писалъ съ Сѣчи Запорожской до Потоцкаго короннаго гетмана и до иныхъ свои листы, о своихъ нуждахъ и безчестіяхъ, отъ Чаплинскаго понесенныхъ. Писалъ онъ тѣ листы не такимъ умысломъ, чтобы что Чаплинскому учинити и повредити (бо то была рѣчь неподобная), а тѣмъ хотя на короткое время поляковъ обмануть и отъ приготовленія съ войсками на отпоръ противъ себя удержать; что и случилось по мысли Хмельницкаго. Тѣ всѣ листы Хмельницкій отправилъ съ Сѣчи Запорожской до Барабаша полковника черкаскаго съ тѣмъ желаніемъ, чтобы онъ переслалъ ихъ кому слѣдуетъ. Самъ же Хмельницкій, промѣшкавъ въ Сѣчи два мѣсяца генварь и февраль, и съ атаманьею куренной и кошевымъ тайно совѣтывался о предстоящей войнѣ на поляковъ, а между Вой-

скомъ разглашалъ, что имѣетъ быть выправлено посольство до короля и сенату польскаго съ прошеніемъ отъ Войска Запорожскаго и народа малороссійскаго о подтвержденіи древнихъ правъ и вольностей и о поскромленіи пановъ польскихъ и ихъ дозорцевъ, на Украйнѣ пребывающихъ (объ отправленіи таковаго посольства говорилось и въ сообщаемомъ Величкомъ письмѣ Богдана Хмельницкаго къ Потоцкому; обо всѣхъ этихъ письмахъ будемъ говорить ниже). Такая поголоска на Сѣчи и между Войскомъ была пущена не для чего иного, только для того, чтобы поляки чрезъ своихъ шпіоновъ, отъ которыхъ отнюдь невозможно было устеречись, не догадались бы о иномъ противъ себя военномъ замыслѣ Хмельницкаго. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, въ первыхъ числахъ марта, за совѣтомъ кошеваго и атаманьи куренной выѣхалъ Хмельницкій съ товариществомъ своимъ съ Сѣчи, будто бы для лучшаго конскаго корму на островъ Томаковскій, ниже Сѣчи на нѣсколько миль находящійся, а въ самомъ дѣлѣ выѣхалъ до Крыму.“

Считаемъ покуда достаточнымъ и этой выписки изъ Величка. По поводу ея, на основаніи нижеслѣдующихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстій (можетъ быть даже служившихъ Величку матеріаломъ для созданія его разсказа), позволяемъ себѣ замѣтить только одно: Богданъ Хмельницкій, направляясь на Запорожье, вѣроятно не ожидалъ, чѣмъ тамъ встрѣтятъ его обстоятельства. Они сложились такъ, что естественнѣе будетъ сказать, въ противуположность Величку, что хотя Богданъ Хмельницкій и во своя пріиде, но свои его не пріяша.

Вотъ извѣстія нашихъ источниковъ:

Богданъ Хмельницкій рушилъ изъ Украйны „первѣе въ островъ Бучный“ (на Буцкахъ была тогда Сѣчь Запорожская), говоритъ одинъ лѣтописецъ; а другой поясняетъ, „аже (но такъ какъ) на Запороже зоставати не могъ“, то и принужденъ былъ оттуда удалиться.

Кунаковъ указываетъ на слѣдующую причину удаленія Богдана Хмельницкаго изъ Запорожья; когда онъ бѣжалъ изъ Украйны, то „Александръ Конецпольскій того же часу послалъ къ Николаю Потоцкому, гетману коронному великому, что Богданъ Хмельницкій съ черкасы заводитъ на короля рокошъ и для того поѣхалъ въ Запорожское Войско. И Николай Потоцкій послалъ въ Запорожское Войско къ старшинамъ нарочно и писалъ къ нимъ, чтобы Богдана Хмельницкаго по той причинѣ (что онъ заводитъ на короля рокошъ) взяли и до королевскаго розсказанья отдали за варту (подъ стражу), а онъ де Николай Потоцкій о томъ королю писалъ. И черкасскаго Войска старшины по тому гетманскому Николаеву письму Богдана Хмельницкаго взяли и отдали за варту“. Лѣтописецъ Хмельницкаго это же самое событіе описываетъ такъ: Богданъ Хмельницкій не могъ оставаться на Запорожьи „задля (по причинѣ) налоги (должно быть „залоги“—отряда), которая на тотъ часъ съ полковниками лядскими посполу (вмѣстѣ) съ жолнѣрами зоставала“.

Такъ или иначе, но если кошевая старшина забыла основной принципъ всѣхъ казацкихъ общинъ,

право убѣжища для гонимыхъ, и не вступилась за Богдана Хмельницкаго, то другіе это хорошо помнили; нашлись между запорожцами и такіе, которые новаго къ себѣ пришлеца старика пріяли. — О заявленіи сочувствія запорожской черни къ Богдану Хмельницкому лѣтописецъ говоритъ такъ. Какъ только тотъ явился на Запорожье, то и началъ агитировать между казаками, вслѣдствіе чего „до Хмельницкаго много войска казацкаго почалось горнути (собираться)“. А это кажется и заставило власти обратить вниманіе на агитатора. Кунаковъ же пишетъ: когда старшина посадила Богдана Хмельницкаго подъ стражу, то онъ, „будучи за вартою, приговорилъ себѣ черкасъ 300 человѣкъ и излуча время съ тѣми черкасами и съ вартою побѣжалъ“ изъ Запорожья.

Здѣсь замѣтимъ объ основномъ противорѣчіи кунаковскихъ вѣстей съ лѣтописцемъ. У одного роль гонителей Богдана Хмельницкаго на Запорожьи приписывается начальникамъ польскаго отряда, пребывавшаго (должно быть зазимовавшаго) тогда на Низу, а у другаго коронному гетману Потоцкому. Но это противорѣчіе, кажется, теперь не должно имѣть особаго значенія. Во всякомъ случаѣ, въ дальнѣйшихъ преслѣдованіяхъ Богдана Хмельницкаго въ Понизовьи участіе самого Потоцкаго мы не можемъ уже отвергать.

На основаніи совокупности разсмотрѣнныхъ извѣстій, кажется, можно говорить, что гоненіемъ Богдана Хмельницкаго на Запорожьи, приданіемъ ему въ глазахъ тамошнихъ казаковъ значенія му-

ченика, паны во многомъ содѣйствовали ему составить тамъ свою карьеру. Но и о дальнѣйшемъ въ ней паны же озаботились. Когда Богданъ удалился изъ Запорожья, „то Войско къ оному рушилось, утѣкаючи отъ полковниковъ лядскихъ,“ говоритъ лѣтописецъ. Это, какъ видно, было причиною того, что „Хмельницкаго полковникове посылали на тіе поля имати и разгромити; але оный тихъ посланныхъ лядскихъ погромилъ, а казацтво до оного пристало.“ У Кунакова въ описаніи этого событія встрѣчаемъ поясненіе, какъ совершился погромъ погонщиковъ со стороны преслѣдуемыхъ, именно: Николай Потоцкій послалъ за бѣжавшими изъ Запорожья „въ погоню черкасъ запорожскихъ 500 человѣкъ, да ляховъ для вѣрности 300 человѣкъ... И какъ де ляхи и черкасы погонщики Богдана Хмельницкаго въ полѣ съѣхали, и Богданъ Хмельницкій послалъ къ нимъ отъ себя черкасъ двухъ человѣкъ и велѣлъ говорить: для чего де они на товарищей своихъ единокровныхъ, паче же единовѣрныхъ вооружились? А у нихъ де идетъ не о себѣ, но о благочестивой христіанской вѣрѣ; и они де погонщики если на благочестивую христіанскую вѣру возстали съ ляхи сопча, и они де Богу отвѣтъ дадутъ; а Богданъ де съ товарищи ихъ противъ ихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ товарищей, сабель не поднимаютъ.“ И черкасы погонщики, отлучась отъ ляховъ и переговоря межъ себя, ляховъ, которые были посланы за Богданомъ Хмельницкимъ въ погоню съ ними вмѣстѣ, всѣхъ переимали, и которые противились, и тѣхъ побили, а живыхъ всѣхъ привели и

сами пристали къ Богдану Хмельницкому. И Богданъ Хмельницкій принялъ ихъ всѣхъ съ радостію и многія у нихъ рѣчи были со слезами о вѣрѣ христіанской. И велѣлъ Богданъ Хмельницкій ляховъ остальцовъ постинать (перебить): нечего де враговъ Божіихъ и христіанскихъ гонителей живить!“

Такъ произошла первая измѣна казаковъ полякамъ; по образцу ея совершались и всѣ послѣдующія. Много потерпѣлъ прежде обидъ Богданъ Хмельницкій; много потомъ и одержалъ побѣдъ надъ врагами. Но особенно залегли въ его памяти тѣ событія изъ его жизни, которыя совершились въ Низовьи. Постоянно припоминалъ онъ полякамъ о томъ, какъ „панъ кастелянъ краковскій преслѣдовалъ его, когда онъ принужденъ былъ спасать жизнь свою въ днѣпровскихъ пещерахъ.“

Распорядившись указаннымъ образомъ съ погонщиками, Богданъ Хмельницкій пошелъ внизъ по Днѣпру на поля къ лиману и пришелъ въ Лукоморье. Что же намѣревался теперь дѣлать Богданъ Хмельницкій съ толпою казаковъ, которая собралась около него? Ясно видно, что Богданъ Хмельницкій хотѣлъ, если понадобится, подороже продать свою голову врагамъ: „и такъ Хмельницкій, видячи, же уже учинилъ задоръ зъ ляхами и своего набытку (имѣнія), албо и грунтовъ жалуючи, выслалъ своихъ посланцовъ до хана крымскаго помочи просить“ противъ враговъ. Но кромѣ этого лѣтописнаго извѣстія имѣемъ основаніе предполагать, что тогда Богданъ Хмельницкій подумывалъ

еще о Донѣ. Такъ, даже сдѣлавшись уже побѣдителемъ надъ поляками, онъ и тогда говаривалъ въ Войскѣ: „если мнѣ будетъ слишкомъ трудно, то я пойду на Донъ.“ *)

Но такъ какъ теперь такой конечной нужды не наступило, а счастіе повернулось лицомъ къ Богдану Хмельницкому, то онъ и нашелъ необходи-

---

*) Здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько фактическихъ поясненій о событіяхъ уже нами изложенныхъ:

1) Лѣтописцы не говорятъ, долгое ли время пробылъ въ первый разъ Богданъ Хмельницкій на Сѣчи Запорожской, и вообще не сообщаютъ намъ здѣсь никакихъ датъ. Но для разъясненія этого важнаго вопроса имѣемъ одну основную дату. Сейчасъ упомянутое событіе, посылка въ Крымъ пословъ (на основаніи ниже приводимыхъ крымскихъ вѣстей), случилось не позднѣе второй половины февраля мѣсяца.

2) Извѣстія нашихъ источниковъ о томъ, куда бѣжалъ Богданъ Хмельницкій съ товарищи изъ Запорожья, слѣдующія. Мы видѣли, у Величка говорится, что Богданъ Хмельницкій выѣзжалъ изъ Запорожья на островъ Томаковскій. Имя этого острова упоминается и у Боплана: «на Томаковкѣ укрывался Хмельницкій, когда поляки грозили его схватить». Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ указываетъ на другое урочище, куда удалились бѣглые изъ Запорожья,—«въ Рогъ Микитинъ». Лѣтописецъ Хмельницкаго и Кунаковъ не говорятъ объ отдѣльныхъ мѣстахъ и описываютъ все бѣгство такъ: Богданъ Хмельницкій «пошолъ на Низъ къ морю, на поля къ лиману»; или «побѣжалъ въ поле, внизъ по Днѣпру въ Лукоморье».

3) Вотъ болѣе или менѣе достовѣрныя цифры о числѣ тогдашнихъ сообщниковъ Богдана Хмельницкаго. Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ говоритъ, что уйдя въ Рогъ Микитинъ, Богданъ Хмельницкій «найшолъ тамъ казаковъ съ 300 человѣкъ»; въ вышеприведенномъ разсказѣ самого Богдана Хмельницкаго Унковскому сказано тоже самое: «и всего насъ было въ сборѣ съ полтретьяста человѣкъ». Коронный гетманъ, какъ увидимъ ниже, за это же время считаетъ шайку Богдана Хмельницкаго только въ 500 человѣкъ.

мымъ вторично появиться на Сѣчи Запорожской. Когда къ нему пришла орда Тугай-бея, то съ этою „ордою (правильнѣе,—когда вступилъ въ союзъ съ татарами) Хмельницкій на Запорожже наступилъ“, говоритъ одинъ лѣтописецъ, а другой, какъ бы объясняя это наступленіе, пишетъ, что Богданъ Хмельницкій „въ Сѣчи жолнеровъ польскихъ всѣхъ выкололъ“.

Результатомъ всего этого было то, что „все Войско, зостаючое на Запорожу, пристало и Хмельницкого себѣ за старшого приняли“. Извѣстіемъ объ этомъ важномъ событіи оканчивается и жалоба Богдана Хмельницкаго. Въ ней все предшествующее время пребыванія Богдана Хмельницкаго въ Понизовьи описано въ слѣдующихъ словахъ: Хмельницкій изъ Украйны „бѣжалъ въ низовья Днѣпра къ тѣмъ, которые подобно ему были обижены, а такихъ было не малое число и въ низовыхъ краяхъ и на морскихъ островахъ. Они избрали себѣ вождемъ (ducem) Хмельницкаго“.

Занявши Сѣчь Запорожскую, Богданъ Хмельницкій началъ на ней укрѣпляться и готовиться дать отпоръ въ случаѣ нападенія. Въ это же время и число казаковъ, собравшихся около него, стало значительно увеличиваться и, кажется, тогда даже и изъ Украйны приходили на Сѣчь люди, сочувствовавшіе казацкому движенію. Въ письмахъ нѣкоторыхъ польскихъ военачальниковъ (отъ конца марта мѣсяца, по старому календарю) читаемъ обо всемъ этомъ слѣдующее. Въ письмѣ короннаго гетмана къ

королю сказано: „на Буцкахъ въ Понизовьи Хмельницкій строитъ и укрѣпляетъ для себя городъ, въ которомъ онъ рѣшился сильно защищаться... Въ настоящее время онъ послалъ въ Понизовье, требуя помощи отъ Татаръ, стоящихъ у Днѣпра наготовѣ, и осмѣлился нѣсколько сотъ изъ нихъ перевесть на эту сторону (на правый берегъ), чтобы они разгоняли нашу стражу, которая для того по разнымъ дорогамъ разставлена, чтобы мятежники не соединялись съ Хмельницкимъ“. Другіе товарищи Потоцкаго пишутъ: „Хмельницкій сидитъ на неприступномъ островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ; онъ сильно укрѣпляется палисадомъ и рвами; провіанту въ изобиліи, есть и пороховой заводъ. Всякаго сброду на островѣ по крайней мѣрѣ 1.500 человѣкъ; это оттого, что всѣ проходы заняты, для воспрепятствованія имъ собираться вмѣстѣ. Этотъ островъ отъ берега, на которомъ мы стоимъ, двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки, которой однакоже на этотъ разъ у насъ не имѣется“.

И такъ дѣло пришло къ тому, что могло разрѣшиться настоящею войною, потому что въ это же время и съ враждебной Богдану Хмельницкому стороны были собраны войска на Украйну. Но прежде чѣмъ начать враждебныя дѣйствія противъ казаковъ, коронный гетманъ нашелъ необходимымъ вступить въ сношенія съ ихъ предводителемъ. Онъ обѣщалъ Богдану Хмельницкому полное прощеніе въ случаѣ безусловной покорности. Объ этихъ сношеніяхъ будетъ сказано ниже.

Вотъ все, что мы знаемъ болѣе или менѣе достовѣрнаго о пребываніи Богдана Хмельницкаго въ низовьяхъ Днѣпра. Теперь же обратимся къ тому, съ чего начали изложеніе этихъ событій, къ разсказу Величка. Окончаніе его разсказа состоитъ въ описаніи, какъ Богданъ Хмельницкій былъ выбранъ запорожцами, но не за старшаго, а прямо въ гетманы:

„Когда кошевой узналъ о выѣздѣ Хмельницкаго изъ Крыму, то стянулъ съ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все Войско низовое Запорожское, конное и пѣшее, объявивши, что есть необходимость для пребыванія ихъ въ Сѣчи, а для чего, того не сказалъ до возвращенія Хмельницкаго на кошъ. Когда предъ заходомъ солнца, 18 апрѣля, прибылъ Хмельницкій изъ Крыму до Сѣчи Запорожской, имѣя съ собою четырехъ татаръ значныхъ, отъ Тугай-бея приданныхъ, тогда атаманъ кошевой со всею атаманьею куренною радостно его привѣтствовали. Когда же увѣдомились отъ него о склонности ханской помогать казакамъ, тогда старшина рѣшила, чтобы на завтрашній день Войско конное, — а пѣшее было все уже въ Сѣчи, — по полю и лугамъ близко Сѣчи пребывавшее, собрать. Для этого по заходѣ солнца изъ трехъ небольшихъ пушекъ, по давнему обычаю запоржскому, было ударено, а по разсвѣтѣ изъ тѣхъже трехъ пушекъ снова выстрѣлено. Когда разсвѣло, то Войска казацкаго коннаго значительная часть собралась до Сѣчи; всѣ же не могли собраться, потому что тогда коннаго и пѣшаго Войска низоваго Запорожскаго до 30.000 слишкомъ считалось.“

Пусть будетъ такъ, что когда раздались вѣстовые выстрѣлы съ Сѣчи, то дрогнули сердца запорожцевъ; но только громадная величковская циф-

ра низовыхъ казаковъ положительно невѣроятна. Ни у кого и приблизительно такой цифры не упоминается. По извѣстнымъ намъ современнымъ Богдану Хмельницкому документамъ, составленнымъ на основаніи вѣстей и слуховъ, иногда попадаются цифры низовыхъ казаковъ въ пять (крымскія вѣсти) и даже въ девять (польскія) тысячъ; въ другихъ же источникахъ, какъ мы видѣли, число единомышленниковъ Богдана Хмельницкаго всюду показано несравненно меньше. Но во всякомъ случаѣ между пятью, девятью и тридцатью тысячами громадная разница.—Далѣе читаемъ у Величка:

„Когда было ударено въ котлы на Раду и усмотрѣно, что для такого великаго числа Войска тѣсенъ майданъ сѣчевой, то кошевой рѣшилъ выйти изъ сѣчеваго укрѣпленія на майданъ пространнѣйшій. Здѣсь было объявлено Войску начинаемое противъ поляковъ военное дѣло за обиды и тяжести казацкія и всея Малыя Россіи, и когда также было объявлено о союзѣ съ Крымомъ, заключенномъ чрезъ Хмельницкаго, то едиными усты и единымъ сердцемъ все Войско Хмельницкаго гетманомъ себѣ назвало и постановило, апрѣля 19, а въ замыслахъ его военныхъ противъ поляковъ стоять всегда до кончины живота своего обѣщалося. По таковой элекціи посланъ былъ отъ кошеваго до скарбницы войсковой писарь сѣчевой съ нѣсколькими атаманами куренными и инымъ знатнымъ товариществомъ взять тамъ и принести на Раду клейноты войсковые. Когда клейноты были принесены, то тотчасъ же и вручили ихъ Хмельницкому. Клейноты были слѣдующіе: хоругвь королевская златописанная, барзо красная; бунчукъ тоже вельце модній, съ позлащенною галкою и древцемъ; булава сребренная позлащенная, зѣло майстерно сдѣланная и каменьемъ чест-

нымъ украшенная; печать сребренная войсковая и котлы новые мѣдніи великіе съ довбышомъ; къ тому также и три штуки арматъ легкихъ съ достаткомъ пороху и для нихъ пуль, съ арматами и пушкарями. По учиненіи Хмельницкаго гетманомъ и по вручении ему помянутыхъ клейнотовъ войсковыхъ Войско, поздравивши его на новомъ гетманствѣ, съ такою отозвалося къ нему охотою, что всѣ готовы были съ нимъ идти на предстоящую войну; но рѣшеніе объ этомъ было отложено до дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Въ ожиданіи этого Войско разошлось, одни по куренямъ, а другіе съ Хмельницкимъ и кошевымъ пошли въ церковь на службу Божію, къ которой тогда зазвонили, когда вышеписанное дѣло кончилось на Радѣ. По выслушаніи святой литургіи и благодарственнаго молебствія опять по приказу кошеваго ударено въ котлы, отдаючи хвалу Богу, вся благая сотворившему, потомъ изо всѣхъ арматъ, какихъ было до пятидесяти, выпалено, а послѣ арматъ всѣ пѣхотинцы, въ шикахъ посредѣ майдану и за Сѣчею стоявшіе, которыхъ было болѣе десяти тысячь, выпалили изъ мушкетовъ своихъ, и трекратно то паленіе изъ арматъ и мушкетовъ учинивши, разошлись по куренямъ на обѣды свои. А Хмельницкій, новый гетманъ, съ атаманьею куренною сѣчевою, позванъ былъ на обѣдъ до атамана кошеваго, у котораго по обѣдавши и мало погулявши, разошлися по куренямъ для отдыху; не гуляли для того долго, что всякой, а особливо Хмельницкій, имѣлъ свое на мысли. Отдохнувши мало, Хмельницкій и атаманья куренная снова сошлися до атамана кошеваго, гдѣ, о многихъ дѣлахъ разговаривая и совѣтуясь, постановили: чтобы Войска Запорожскаго коннаго не больше какъ отъ осьми до десяти тысячь при Хмельницкомъ шло на Украйну, а остальные бы разошлися на свои мѣста и промыслы, однако чтобы пребывали въ готовности до военной компаніи, если бы явился

ординансъ гетманскій или кошеваго. По таковомъ приватномъ совѣтѣ велѣно было ударить въ котлы и изъ двухъ пушекъ большихъ, взываючи Войско снова въ собранье до Сѣчи, которое передъ пѣніемъ вечернимъ скоро собралося и выслушало декларацію Хмельницкаго и кошеваго, сколько при Хмельницкомъ идти на Украйну. То узнавши и за тотъ ординансъ подяковавши, разъѣхалось Войско и разошлись всякъ до своихъ промысловъ и добычь рыбныхъ и звѣриныхъ, а только осталось охотниковъ конныхъ военныхъ мушкетеровъ и сайдакеровъ на восемь тысячь слишкомъ. Хмельницкій съ кошевымъ были увѣрены, что какъ скоро прибудутъ на Украйну, то тотчасъ и Войска казацкаго городоваго къ нему примножится, что и сталось".

Въ заключеніе всего этого разсказа Величко сообщаетъ распоряженія и приготовленія Богдана Хмельницкаго къ походу на Украйну.

Въ этой и выше приведенной части разсказа Величка прежде всего видимъ пропускъ цѣлаго ряда событій изъ времени пребыванія Богдана Хмельницкаго въ низовьяхъ Днѣпра. Затѣмъ о томъ, что у него имѣется, мы должны бы начать свои замѣчанія съ датъ. Но такъ какъ о фальшивости величковской хронологіи будетъ говорено въ концѣ нашего изслѣдованія, то здѣсь замѣтимъ только: даже на основаніи всего предыдущаго можно видѣть, что Богданъ Хмельницкій обранъ въ Сѣчи за старшаго гораздо ранѣе 19 апрѣля; избраніе же его въ гетманы, какъ извѣстно, совершилось гораздо позднѣе.

Въ приведенныхъ разсказахъ Величко рисуетъ картину тогдашняго состоянія Запорожья. Онъ, можетъ быть, былъ знакомъ непосредственно съ За-

порожьемъ передъ 1709 годомъ, но говоря о Запорожьи половины XVII столѣтія, опоэтизировалъ его, преувеличивъ при томъ размѣры всѣхъ частностей до невозможности. Все это Величко, какъ видно, сдѣлалъ съ цѣлію изобразить по возможности торжественнѣе элекцію своего героя. Хотя изъ выше приведенныхъ источниковъ мы и не знаемъ, какъ произошло избраніе Богдана Хмельницкаго на Сѣчи за старшаго, но все таки въ достовѣрности разсказа Величка позволяемъ себѣ вполнѣ сомнѣваться.

Кромѣ поэтической стороны разсказъ Величка имѣетъ еще и другія. На него нельзя смотрѣть только какъ на главу изъ историческаго романа. Значительная часть сочиненія Величка, съ которою мы имѣемъ дѣло, состоитъ изъ трактатовъ о правахъ Войска Запорожскаго и всего малоросійскаго народа; къ числу такихъ трактатовъ принадлежитъ и приведенный нами разсказъ. Здѣсь авторъ желаетъ выяснить законныя формы и обычаи войсковые по поводу избранія въ гетманы представителя казачества. Самое описаніе элекціи не можемъ иначе признать какъ за актъ избранія (впрочемъ составленный семьдесять лѣтъ спустя послѣ событія). Высказывая подобный взглядъ на разсказъ Величка, мы не говоримъ никакихъ новостей. Обращаемъ же на него особенное вниманіе потому, что онъ по сіе время служитъ для малороссійскихъ историковъ источникомъ почти единственнымъ и неопровержимымъ.

Возьмемъ для примѣра то, что объ этомъ повѣствуется у г. Костомарова въ его „Богданѣ Хмель-

ницкомъ *)". Онъ, разсказавши по Величку объ избраніи Богдада Хмельницкаго на сѣчевой Радѣ въ гетманы, по этому же источнику выясняетъ и обычаи войсковые. Мало того, онъ даже говоритъ, что точно также, какъ это запорожское вѣче, совершались и всѣ общеславянскія народныя правительствующія собранія. Мы же, не углубляясь въ такую даль, замѣтимъ только, что величковское описаніе запорожскаго вѣча несогласно и съ тѣми обычаями, которые были въ Войскѣ Запорожскомъ. Какъ собирались Рады и какъ рѣшались на нихъ всякія дѣла (а это все происходило въ основѣ своей довольно однообразно), мы можемъ знать по многочисленнымъ подлиннымъ документамъ объ этихъ Радахъ. Величко, описывая избраніе Богдана Хмельницкаго въ гетманы, не зналъ или можетъ быть забылъ одну основную принадлежность всѣхъ такихъ Радъ. Самъ же онъ говоритъ, какъ увидимъ ниже, что Богданъ Хмельницкій явился на Запорожье съ королевскими привиліями о правахъ и объявилъ ихъ казакамъ. А при описаніи Рады у него пропущено, что всегда бывало, чтеніе подобныхъ привиліевъ. Это сдѣлать теперь тѣмъ болѣе было необходимо, что въ числѣ этихъ привиліевъ, по Величку, былъ и привилій о правѣ избранія гетмана. Г. Костомаровъ, описавши избраніе Богдана Хмельницкаго въ гетманы на Сѣчи, въ заключеніе говоритъ: „однако онъ назывался еще не гетманомъ, а только старшимъ; онъ говорилъ, что для полнаго освященія его достоинства нужно было

*) Изд. 3, т. 1, стр. 90—91.

признаніе городовыми казаками“. Не знаемъ, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ г. Костомаровъ то, что говорилъ Богданъ Хмельницкій о необходимости признанія его за гетмана и отъ городовыхъ казаковъ. У Величка же, на котораго г. Костомаровъ здѣсь только и ссылается, какъ мы видѣли, совсѣмъ не имѣется такого извѣстія. Мы знаемъ еще одинъ обычай войсковой, на который здѣсь и укажемъ. „Для полнаго освященія“ за кѣмъ либо гетманскаго сана требовалось не одно всеобщее единогласное казацкое избраніе, но еще признаніе отъ верховной власти, отъ его милости короля, а впослѣдствіи отъ великаго государя царя. Только такія лица, которыя получили всѣ эти освященія, и признавались „совершенными“ гетманами. Какъ извѣстно, все это случилось и съ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ.

Здѣсь мы можемъ остановиться въ нашихъ замѣчаніяхъ о приведенномъ разсказѣ Величка. Послѣдній, сообщивши всѣ указанныя подробности, при этомъ довольно ясно сознался, что и самъ сомнѣвается въ ихъ достовѣрности. Какъ бы предчувствуя, что его разсказамъ, по самому ихъ содержанію, никто не повѣритъ, Величко спѣшитъ увѣрить читателя, что сообщаемое имъ не принадлежитъ собственной его фантазіи. Онъ въ заключеніе говоритъ, что все имъ здѣсь описанное основано на діаріушѣ Зорки, участника событій, секретаря Богдана Хмельницкаго. Объ этомъ миѳическомъ Зоркѣ будемъ говорить въ концѣ нашего изслѣдованія.

ГЛАВА VI.

РАЗСКАЗЫ БОГДАНА О СВОИХЪ ПОХОЖДЕНІЯХЪ.

Если не бѣгство Богдана Хмельницкаго изъ Запорожья, то многое изъ изложеннаго въ предшествующей главѣ будетъ не совсѣмъ понятно безъ объясненія, чѣмъ онъ самъ привлекалъ на свою сторону казаковъ. Поэтому намъ теперь необходимо сказать о томъ, что разсказывалъ Богданъ Хмельницкій казакамъ о своихъ замыслахъ, — однимъ словомъ, какія были цѣли его агитаціи.

Старѣйшіе малороссійскіе лѣтописцы говорятъ почти какъ о дѣйствительномъ фактѣ, что Богданъ Хмельницкій, рѣшившись бѣжать изъ Украйны, похитилъ какіе-то королевскіе привиліи и потомъ объявилъ о нихъ казакамъ. Позднѣйшія толкованія этихъ извѣстій таковы, что разъясненіе смысла королевскихъ привиліевъ было поводомъ къ тому, что казаки собрались около Богдана Хмельницкаго

и возстали противъ пановъ. Содержаніе похищенныхъ привиліевъ почти каждый источникъ сообщаетъ посвоему; сущность же всѣхъ ихъ извѣстій та, что Богданъ Хмельницкій съ казаками имѣли, на основаніи привиліевъ, какое то законное право на возстаніе.

Приведемъ рядъ основныхъ извѣстій объ этихъ привиліяхъ.

Лѣтописецъ Хмельницкаго, по поводу бѣгства Богдана Хмельницкаго изъ Украйны, вдругъ начинаетъ разсказывать довольно подробно событія весьма сомнительной достовѣрности. Мало того, у него тутъ начинаютъ попадаться повидимому противорѣчія его собственнымъ словамъ. Вотъ что онъ пишетъ: „Богданъ Хмельницкій... часто у двора королевскаго въ поселствѣ будучій, и подъ часъ бытности своей съ казакомъ значнымъ переяславскимъ зъ Иваномъ Илляшемъ,—а тотъ Илляшъ барзо зычливый королевѣ его милости,—и упросили письмо, албо привилей, на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши (получивши), тое скрыто держали отъ полковниковъ въ Переяславлѣ“... Когда же пришлось бѣжать, то доставши его, „зъ онымъ привилеемъ Хмельницкій за пороги пойшолъ и казакамъ ознаймилъ, же на волности казацкіе мѣетъ привилей короля его милости“. Что такое значитъ: Богданъ Хмельницкій повезъ на Запорожье привилій на челновое дѣло, а тамъ объявилъ, что имѣетъ привилій на вольности казацкія? Или лѣтописецъ въ различныхъ мѣстахъ одинъ и тотъ же документъ называетъ различно, или въ разсказѣ

его чего нибудь недостаетъ, пропущено, или наконецъ дѣйствительно самъ Богданъ Хмельницкій, имѣя въ рукахъ совсѣмъ другой документъ, нарочно объявилъ, что у него есть привилій на вольности казацкія? Но посмотримъ другія извѣстія.

Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ говоритъ: „Того жъ року (1647-го) король Владиславъ, по плачевному казацкому челобитю въ обѣдахъ несказанныхъ, написалъ листъ за своею королевскою печатю до Барабаша, асаула войскового, въ тѣ слова: „ежели де жолнѣры есте добрые, шаблю и силу имѣете, и что вамъ за себе стать воспящаетъ?“ Какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ Хмельницкій досталъ... и вычитавъ предъ казаками усовѣтовалъ ступать на Запорожже“. И такъ по этому лѣтописцу содержаніе королевскаго привилія состояло въ разрѣшеніи казакамъ на бунтъ. При этомъ привилій данъ не тайно Ивану Илляшу съ Богданомъ Хмельницкимъ, а явно присланъ въ Войско къ Барабашу.

Такія крупныя противорѣчія между лѣтописцами, полагаемъ, нельзя приписать, какъ нѣкоторые думаютъ, опискѣ или ошибкѣ котораго нибудь изъ нихъ. Ихъ противорѣчія и значеніе этихъ противорѣчій необходимо объяснить чѣмъ нибудь другимъ и прежде всего источникомъ, откуда черпали лѣтописцы свои извѣстія.*) Но сначала посмотримъ, не говорили

---

*) Г. Максимовичъ предлагаетъ (Письма о Богданѣ Хмельницкомъ, Основа, 1861 года) возстановить подлинность текста лѣтописца Хмельницкаго, предполагая у него ошибку. Сущ-

ли чего нибудь объ этихъ привиліяхъ поляки. Въ вѣстяхъ Кунакова записано: „въ прошломъ 155 году зимою посовѣтовавъ Богданъ Хмельницкій съ запорожскими черкасы, ѣздилъ въ Варшаву, а съ нимъ черкасъ 10 человѣкъ, въ челобитчикахъ отъ всего Войска Запорожскаго, и били челомъ Владиславу королю на обидниковъ своихъ и на жидовъ въ ихъ налогахъ и въ раззореньи, чтобы король учинилъ имъ съ тѣми ихъ обидники и раззорители справедливость. А Владиславъ король въ тѣ поры гнѣвъ держалъ на сенаторей и на всю рѣчь посполитую за то, что ему не дали воли на турскаго войну весть и собранное для той войны нѣмецкое войско приговорили на сеймѣ роспустить; а тѣмъ нѣмцамъ давалъ онъ гроши изъ приданаго своей жены. И призвалъ-де Владиславъ король Богдана Хмельницкаго и черкасъ челобитчиковъ въ покоевые хоромы и говорилъ имъ, что сенаторы его вдались въ свою волю, панство его пустошатъ, а его мало слушаютъ. И написалъ-де Владиславъ король саблю, далъ Богдану Хмельницкому и сказалъ: „то ему его королевскій знакъ; имѣютъ они при бокахъ саблю, и они-бъ тѣмъ своимъ обидникамъ и раззорителямъ не поддавались и кривды ихъ мстили имъ

ность поправки г. Максимовича заключается въ томъ: слѣдуетъ-де читать у лѣтописца вмѣсто Ивана Илляша—Ивана Барабаша, вмѣсто Переяславля—Черкасы. Но мы полагаемъ, что лѣтописецъ въ этихъ мѣстахъ, совсѣмъ не нуждается въ подобныхъ поправкахъ. Мало того, кажется можно предположить, что и самъ авторъ лѣтописца не совсѣмъ вѣритъ тому, что приходится ему сообщать. Онъ только по своей добросовѣстности предлагаетъ читателю извѣстія въ той формѣ, въ какой онѣ до него дошли.

саблями; и какъ время дойдетъ, и они-бъ на поганцовъ и на его королевскихъ непослушниковъ были во всей его королевской волѣ". И пожаловалъ-де Владиславъ король Богдана Хмельницкаго атаманствомъ и всѣхъ челобитчиковъ пожаловалъ суконами и адамашками. И въ 156 году съ осени замыслилъ Владиславъ король войну вести на турскаго салтана и пожаловалъ Богдана Хмельницкаго гетманствомъ и послалъ свое жалованье, а впредь обѣщалъ король прислать на жалованье черкасамъ и на челновое дѣло 170.000 золотыхъ польскихъ и велѣлъ челны готовить къ лѣту того же 156 года. И Богданъ Хмельницкій за тѣ гроши обѣщалъ Владиславу королю для войны на турскаго изготовить на полгода Запорожскаго Войска и съ вольными 12.000 человѣкъ да къ морскому ходу 300 чолновъ". Провѣдавъ же объ этомъ, Конецпольскій сдѣлалъ то, что Богдалъ Хмельницкій принужденъ былъ бѣжать изъ Украйны.

Изъ вѣстей Кунакова видимъ, что челновое дѣло изъ извѣстнаго всѣмъ государственнаго предпріятія превратилось въ тайную затѣю короля съ Богданомъ Хмельницкимъ. Но въ такомъ же почти смыслѣ говоритъ о немъ и малороссійскій лѣтописецъ Хмельницкаго. Впрочемъ, важность всего разсказа Кунакова заключается не въ этомъ, а во всей его сущности. Въ Польшѣ вѣрили тому, что покойный король разрѣшилъ казакамъ бунтъ. Съ этой стороны вѣсти Кунакова совершенно схожи съ тѣмъ, что находимъ у лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ. Только все, что по Кунакову сказано королемъ тайно и устно, у лѣ-

тописца является содержаніемъ королевскаго листа, присланнаго въ Войско.

Теперь обратимся къ источникамъ, изъ которыхъ въ Малороссіи и Польшѣ появились подобные разсказы о привиліяхъ. Послѣ первыхъ побѣдъ надъ поляками, желая завести сношенія съ московскимъ правительствомъ, Богданъ Хмельницкій говорилъ (въ началѣ іюня мѣсяца 1648 года) попавшему въ его таборъ московскому служилому человѣку Григорію Климову *): „буде тебя станутъ роспрашивать государевы приказные люди, и ты-де тайнымъ дѣломъ скажи, что королю смерть учинилась отъ ляховъ, свѣдали то ляхи, что у короля съ казаками ссылка, послалъ-де отъ себя король грамоту въ Запороги къ прежнему гетману, чтобы сами за вѣру христіанскую греческаго закона стояли, а онъ-де король будетъ имъ на ляховъ помощникъ. И тотъ-де королевскій листъ отъ прежняго гетмана достался ему, Хмельницкому, и онъ-де, надѣяся на то, Войско собралъ и на ляховъ стоитъ“. Этотъ разсказъ самого Богдана Хмельницкаго говоритъ тоже о привиліи, разрѣшающемъ бунтъ, но только за православную вѣру.

Разберемъ составныя части всѣхъ приведенныхъ нами извѣстій о королевскихъ привиліяхъ.—Здѣсь необходимо начать съ того, что хотя прямо и не относится къ вопросу о содержаніи привилія, но чего никакъ обойти нельзя,—именно объ отношеніяхъ Богдана Хмельницкаго къ королю Владиславу. Всѣ

*) Акт. Южн. и Зап. Росс., т. 3, № 205.

пзвѣстія указываютъ на то, что чигиринскій сотникъ былъ извѣстенъ королю; но мѣра этой извѣстности объясняется источниками различно.

Польскія извѣстія говорятъ о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ о человѣкѣ близкомъ къ королю Владиславу. Но если принять это за достовѣрное, то все, нами изложенное выше объ общественномъ положеніи Богдана Хмельницкаго, придется оставить въ сторонѣ безъ всякаго вниманія, потому что онъ оказывается не только заслуженнымъ казакомъ, но даже важнымъ политическимъ дѣятелемъ. Причиною его бѣгства изъ Украйны было не субботовское дѣло, а нѣчто такое, что и безъ того привело бы къ подобному результату. Замѣтимъ, что не одни тѣ поляки, которые сообщали вѣсти Кунакову, придавали такое важное значеніе Богдану Хмельницкому, но, какъ видно, вообще въ Польшѣ о немъ думали подобнымъ образомъ. Въ польскихъ исторіяхъ мы постоянно читаемъ: „Хмельницкій, природный казакъ, человѣкъ ученый и хорошій воинъ, котораго король Владиславъ употреблялъ въ разныхъ военныхъ походахъ, а особенно противъ турокъ, довѣряя ему въ дѣйствіяхъ съ ними начальство надъ войскомъ и пушками“ и т. п. Но въ польскихъ извѣстіяхъ одно странно. Мы не можемъ себѣ представить какого бы то ни было законнаго государя, даже польскаго, который въ здравомъ умѣ, среди мира и повидимому полнаго могущества и даже благосостоянія государства, вдругъ, изъ-за какой-то ссоры съ вельможами, сталъ бы подбивать одну часть своихъ подданныхъ къ междуусобію противъ другой. Если въ Польшѣ

было за обычай подозрѣвать и обвинять своихъ королей въ государственной измѣнѣ и тому подобныхъ дѣйствіяхъ, то это еще не значитъ, что обвиненіе Владислава было основано на достовѣрномъ фактѣ и особенно по отношенію къ дѣлу Богдана Хмельницкаго. Что въ другихъ государствахъ съ перваго же разу стало бы почитаться нелѣпостію, которую даже и опровергать не стоитъ, то въ Польшѣ являлось для всѣхъ пановъ дѣломъ постоянно ожидаемымъ и вполнѣ естественнымъ. Ниже увидимъ, что паны обвиняли короля Владислава въ сочувствіи къ казацкому бунту даже еще въ то время, когда Богданъ Хмельницкій находился въ степяхъ. Король заявилъ мнѣніе, что не слѣдуетъ придавать никакого значенія бѣглому казаку и должно оказывать полное презрѣніе ко всѣмъ его затѣямъ; въ отвѣтъ же на это коронный гетманъ сталъ доказывать, что не только король ошибается, но что онъ хочетъ умышленно вручить бунтовщику государственныя средства для его предпріятія и т. п. По этому, если и Богданъ Хмельницкій пустилъ слухъ, что шляхетскій король велѣлъ казакамъ перерѣзать пановъ, то въ такомъ случаѣ старый казакъ воспользовался тѣмъ орудіемъ противъ враговъ, которое они сами употребляли противъ своихъ королей. Богданъ Хмельницкій пустилъ слухъ, а развили его до крайнихъ размѣровъ сами же поляки.

У малороссійскихъ лѣтописцевъ и въ собственномъ разсказѣ Богдана Хмельницкаго мы можемъ видѣть нѣчто другое, чѣмъ въ польскихъ извѣстіяхъ. Богданъ Хмельницкій здѣсь является совсѣмъ не такимъ близкимъ человѣкомъ къ королю Влади-

славу, какъ говорятъполяки. Лѣтописецъ Хмельницкаго разсказываетъ только, что Богданъ Хмельницкій бывалъ часто въ посольствахъ у двора королевскаго; однако же въ этихъ сношеніяхъ съ королемъ ему отводится второстепенное мѣсто. Не Богданъ Хмельницкій, а Иванъ Илляшъ оказывается „барзо зычливымъ королевѣ его милости“. Тоже мы видимъ и у лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ. Хотя онъ и говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что „Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій... имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и полатынѣ обученъ“; однакоже и у него видимъ, что королевскій привилій на бунтъ присланъ въ Войско не къ Богдану Хмельницкому, а къ Барабашу. Наконецъ, и самъ Богданъ Хмельницкій въ своемъ разсказѣ Климову говоритъ, что королевскій листъ былъ присланъ въ Запороги къ прежнему гетману. Подъ послѣднимъ разскащикъ, должно быть, подразумѣвалъ или Илляша Кривулю или Барабаша.—Это одна сторона малороссійскихъ извѣстій о Богданѣ Хмельницкомъ по поводу королевскихъ привиліевъ; но въ нихъ есть еще и другая. По нимъ, цѣль разсказовъ Богдана Хмельницкаго о королевскихъ привиліяхъ была не такая широкая, какъ можно заключить по польскимъ извѣстіямъ. Часто ее можно свести къ тому, что Богданъ Хмельницкій имѣлъ въ виду главнымъ образомъ очернить предъ казаками указанныхъ двухъ старшинъ.

Могъ ли какой нибудь изъ перечисленныхъ выше привиліевъ находиться въ рукахъ у Богдана Хмельницкаго?

Привилій на челновое дѣло.—Какъ самостоятельный, этотъ привилій мы, кажется, имѣемъ полное право оставить въ сторонѣ. Сущность самаго дѣла намъ извѣстна, а разсказы о привиліи очевидно создались изъ изложеннаго выше обвиненія Богдана Хмельницкаго предъ Конецпольскимъ въ государственной измѣнѣ. Если и могъ Богданъ Хмельницкій говорить казакамъ, что у него есть привилій на челновое дѣло, то вѣроятно содержаніе этого привилія было соединяемо съ другими вопросами: по поводу челноваго дѣла былъ разрѣшенъ королемъ бунтъ за вольности казацкія, за православную вѣру и т. п.

Привилій разрѣшающій казакамъ бунтъ.—По тому, какъ разсказывалъ о немъ Богданъ Хмельницій Климову, можно видѣть, что тутъ дѣло шло совсѣмъ не о православной вѣрѣ, а о томъ, что разскащикъ связывалъ казацкое дѣло съ дѣломъ короля. Послѣ Желтой Воды и Корсуня какъ Богданъ Хмельницкій, такъ за нимъ и всѣ казаки мало по малу не только перестали говорить, но даже и забыли о королевскомъ разрѣшеніи на бунтъ. Это послѣднее объясняется довольно просто. Никакого подобнаго особаго королевскаго привилія у казаковъ не было и никто его у нихъ не видалъ. Явившись на Украйну, казаки поняли, что прикрываться именемъ короля, какъ знаменемъ, нѣтъ никакой нужды. Обстоятельства тогда выручили Богдана Хмельницкаго съ товарищи и не дали имъ испортить своего дѣла чѣмъ нибудь въ родѣ самозванца. Была возможность и помимо обмана получить въ свои руки вполнѣ чистое знамя. На-

родъ принималъ побѣдителя съ распростертыми объятіями, „называя его своимъ избавителемъ и спасителемъ своей религіи.“ Уже послѣ многихъ побѣдъ надъ поляками Богданъ Хмельницкій откровенно сознавался предъ побѣжденными: „прежде я воевалъ за причиненный мнѣ вредъ и за свою обиду, а теперь буду сражаться за нашу православную вѣру и выбью русскій народъ изъ ляцской неволи.“

Привилій на вольности казацкія.—Если казаки и перестали говорить о королевскомъ разрѣшеніи на бунтъ, то о своихъ вольностяхъ и о привиліяхъ, на которыхъ онѣ основаны, никогда не забывали. Похитить грамоту, содержаніемъ которой были бы только вольности казацкія, для Богдана Хмельницкаго было естественнѣе, чѣмъ похитить какой нибудь изъ вышеупомянутыхъ документовъ. Но опять, не только не знаемъ такого привилія, но и никто изъ современниковъ не заявилъ намъ, что онъ видѣлъ и читалъ у Богдана Хмельницкаго подобную грамоту. Привилій на вольности казацкія слѣдовало часто показывать и тщательно сохранять. При этомъ стоитъ обратить вниманіе и на то, что хотя сами казаки постоянно говорятъ о своихъ правахъ, но въ тоже время даже не указали ясно, въ чемъ они заключаются. Когда Богданъ Хмельницкій, уже какъ глава казаковъ, въ первый разъ заговорилъ съ польскимъ правительствомъ, то отправилъ съ войсковыми посланниками на сеймъ статьи. Въ этомъ документѣ (служившемъ руководящимъ источникомъ въ первой главѣ нашего изслѣдованія), послѣ перечисленія обидъ, которыя прежде терпѣли казаки, въ заключеніе сказано:

„Обо всемъ этомъ послы наши, припавши къ милостивымъ стопамъ его королевской милости, униженнѣйше и покорнѣйше должны просить, чтобы намъ позволено было вполнѣ и ненарушимо пользоваться всѣми войсковыми правами, которыя дарованы намъ какъ прежними блаженной памяти королями нашими, такъ и нынѣ благополучно царствующимъ королемъ его милостію и утверждены привиліями.“

Однако же Богдану Хмельницкому, кромѣ этихъ общихъ фразъ, хотя бы для справки слѣдовало указать, въ чемъ заключается содержаніе такихъ привиліевъ, а также пожалуй, и гдѣ они находятся. Но онъ этого ничего не сдѣлалъ и вѣроятно поэтому услышалъ отъ правительства такой отвѣтъ:

„Извѣщаемъ васъ также и о томъ, что послы ваши не представили никакихъ грамотъ и привиліевъ, о которыхъ было упомянуто въ инструкціи къ республикѣ.“

Но и къ такому заявленію Богданъ Хмельницкій остался глухъ и никогда не представлялъ польскому правительству старыхъ привиліевъ на вольности казацкія. А было время, когда такой документъ, если только онъ имѣлся у Богдана Хмельницкаго, слѣдовало бы представить—именно во время переговоровъ о правахъ въ Москвѣ въ 1654 году. Но тогда Войско представило въ доказательство своихъ правъ вытребованный съ оружіемъ въ рукахъ у польскаго правительства Збо-

ровскій привилій 1649 года. Въ немъ о прежнихъ казацкихъ правахъ было сказано, что

„подтверждаются королемъ всѣ старины, которыя гдѣ ни есть въ книгахъ записи.“

Но какого рода должны были быть эти записи, намъ опять остается неизвѣстнымъ.

Однако же мы ошибемся, если будемъ утверждать, что Богданъ Хмельницкій не могъ привезти на Запорожье никакого королевскаго привилія. Намъ извѣстно, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ одинъ подлинный королевскій привилій: это знакомая уже намъ жалованная грамота на Субботово. Но здѣсь прежде всего замѣтимъ, что во всѣхъ сказаніяхъ о Богданѣ Хмельницкомъ очень мало обращается вниманія на эту жалованную грамоту. О таковомъ привиліи если что и упоминается, то только между прочимъ, мимоходомъ; подъ фактомъ же полученія Богданомъ Хмельницкимъ привилія отъ короля всегда подразумѣвается нѣчто другое.

Какую бы роль могъ сыграть такой документъ на Запорожьи? Эта жалованная грамота на Субботово конечно не была ни привиліемъ на вольности казацкія, ни королевскимъ разрѣшеніемъ на бунтъ и т. п. Но съ другой стороны этотъ документъ въ рукахъ человѣка, „въ дѣлахъ писарскихъ вѣжливаго“, для агитаціи среди невѣжественнѣйшей толпы, былъ просто драгоцѣнность. Содержаніе его было таково, что многое можно было изъ него „высвѣтчить, выразить и внушить“ казакамъ: „на Украйнѣ многіе обрѣтаются, которые отыскиваютъ себѣ права не отъ короля, а отъ тамошнихъ дер-

жавцевъ, и на основаніи этого въ земли вельми заслуженныхъ казаковъ напрасно и непристойно вдираются. Король на это дѣло смотритъ иначе, потому что казаки, ни мало не будучи въ измѣнѣ, во многихъ воинскихъ службахъ вѣрность отдавали!“ Послѣ такихъ жалкихъ словъ о бѣдствіяхъ, раззореніяхъ и налогахъ отъ пановъ, запорожскимъ казакамъ что оставалось дѣлать? Отвѣтъ на это прямой: быть во всемъ въ волѣ его королевской милости; имѣя сабли при бокахъ и самопалъ въ рукахъ, идти истреблять его королевскихъ непослушниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ собственные обидники и раззорители. Да и самого Богдана Хмельницкаго по такому документу нельзя было иначе признать какъ за уполномоченную особу. Въ привиліи говорится обо всѣхъ вельми заслуженныхъ казакахъ, объ ихъ правахъ, а данъ онъ только ему одному. Богданъ Хмельницкій хотя и казакъ, но все таки старый заслуженный сотникъ, къ тому же шляхетный, сынъ подстаросты и т. д. Но самое главное заключалось въ томъ, что привилій, который могъ показывать Богданъ Хмельницкій запорожцамъ, былъ несомнѣнно, неопровержимо подлинный королевскій привилій, за собственною его королевскою подписью и печатью („вотъ вамъ мой королевскій знакъ, онымъ себя бороните!“). Да къ тому же и безъ Богдана Хмельницкаго почва была подготовлена,—а легко тому вѣрится, чего сильно хочется!

Мы не утверждаемъ, чтобы Богданъ Хмельницкій выдавалъ предъ запорожцами свою жалованную грамоту на Субботово за тѣ привиліи, о которыхъ

говорятъ наши источники. Однакоже и не имѣемъ права пропускать этого безъ вниманія, такъ какъ никакихъ другихъ привиліевъ у него не было и не могло быть въ рукахъ. Затѣмъ, если Богданъ Хмельницкій никогда не могъ представить никому никакихъ старыхъ привиліевъ на вольности казацкія, то привилій на Субботово видѣли весьма многіе: и подъ Зборовомъ и подъ Бѣлою-Церковью, въ Варшавѣ и въ Москвѣ, вездѣ и всюду спѣшили показывать этотъ документъ и представляли его и подтвержденія его на новыя подтвержденія государей.

Единственное, что относительно привилія на Субботово было довольно трудно говорить, это—будто бы онъ данъ не самому Богдану Хмельницкому, а кому-то изъ другихъ войсковыхъ старшинъ. Но запорожцы наврядъ ли могли обращаться къ Богдану Хмельницкому съ подобными сомнительными вопросами. А потомъ, если можно было рѣшиться выдавать эту жалованную грамоту за привилій на вольности казацкія, то отъ чего нельзя было говорить, что онъ данъ или присланъ не самому Богдану Хмельницкому, а другимъ, которые его скрывали. Привлечь къ такому дѣлу войсковыхъ старшинъ было даже необходимо для большей правдоподобности. Ивана Барабаша и Илляша Кривулю, этихъ „старшинъ, извѣстныхъ своею вѣрностью къ республикѣ“, какъ о нихъ говорили паны, казаки знали за людей вполнѣ способныхъ на дѣла, приписываемыя имъ Богданомъ Хмельницкимъ.

Теперь для примѣра, во что превратились у позднѣйшихъ историковъ противорѣчащія извѣстія старѣйшихъ малороссійскихъ лѣтописцевъ и польскія басни о королевскихъ привиліяхъ, мы приведемъ только разсказы историческихъ сочиненій начала XVIII вѣка. У Грабянки два королевскихъ привилія, на бунтъ и на челновое дѣло, стоятъ каждый особо; только не упомпнается о превращепіи котораго нибудь изъ нихъ въ привилій на вольности казацкія. Грабянка разсказываетъ:

„Король, изваживши разумъ Хмельницкаго, допустилъ его себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити турчину за прешкожованную войну московскую, будучую въ року 1635 подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторей съ нимъ радился и великій региментъ морской всей армати ему вручалъ. Такой довѣренности короля къ Хмельницкому паны позавидовали и начали его обижать, и не только Хмельницкому, но и всѣмъ казакамъ творили великія обиды. Казаки о томъ плачевнымъ челобитьемъ королю возвѣщали, но тотъ казаковъ и ляховъ жалѣя долго снисходилъ къ послѣднимъ и размышлялъ. Наконецъ превозмогла бѣда цѣлой Украйны у милостиваго пана и король написалъ къ Барабашу, еще тогда казацкому асаулу енеральному будучему“.

И такъ далѣе, съ нѣкоторыми поясненіями, почти какъ у предшествующихъ лѣтописцевъ. Источники Грабянки довольно ясны; онъ по отношенію къ нимъ является добросовѣстнымъ компиляторомъ.

Совсѣмъ другое находимъ у Величка. Дошедшія до него извѣстія о королевскихъ привиліяхъ дали ему возможность создать довольно полную и стройную исторію правъ малороссійскаго народа;

„Всѣ монархи польскіе, какъ имъ слѣдовало и подобало, были къ своимъ подвластнымъ людямъ Руссамъ и казакамъ ласковыми и милостивыми панами и древнія ихъ права и вольности, одинъ по другому засѣдаючи на маестатъ королевства польскаго, новыми своими грамотами и привиліями подтверждали и умножали. Только паны державцы польскіе и ихъ дозорцы всѣ тѣ королевскіе привиліи чрезъ свою гордость уничтожали... Къ 1648 году всѣ тѣ привиліи были въ рукахъ значнаго казака Барабаша, полковника черкасскаго. Тотъ Барабашъ еще предъ полковничествомъ своимъ будучи значнымъ на Украинѣ товарищемъ Войска Запорожскаго, въ 1636 году, когда сталъ королемъ Владиславъ IV, съ Богданомъ Хмельницкимъ и съ иными значнѣйшими товарищами ѣздилъ до короля и по изложеніи предъ нимъ обидъ и притѣсненій, творимыхъ на Украинѣ отъ поляковъ, просили подтвержденія королевскаго давныхъ украинскихъ и казацкихъ правъ и вольностей. Именно: чтобъ вольно было имъ межъ себя выбирать и поставлять гетмана на услуги и защиту отъ непріятелей коронѣ польской потребнаго. Что и получилъ. Но не только былъ данъ Барабашу со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ украино-малороссійскимъ такой королевскій привилій, но еще при отправѣ ихъ, приватне бывшей, было такое королевское ему Барабашу съ товариществомъ устное слово: „помятуемъ мы, панове казаци, кромѣ давнихъ вашихъ заслугъ предкамъ нашимъ и недавную хотинскую службу Войска Запорожскаго, за которую какъ мы, такъ и отецъ нашъ декляровали вамъ, Войску Запорожскому и всему народу украинскому, и теперь то ей нашей деклярацiи не кассуемъ и не премѣняемъ. А если бы поляки, на Украинѣ господствующіе, не слушали нашего королевскаго указу и покушались на чиненіе малороссіанамъ и вамъ казакамъ притѣсненій, то вы, такъ какъ

люди военные, саблю при боку своемъ и самопалъ въ рукахъ имѣете, можете своихъ древнихъ вольностей тѣмъ оружіемъ у поляковъ добывать“.

Здѣсь замѣчательно по Величку или его источнику, что король тотчасъ послѣ своей коронаціи враждебно отнесся къ части своихъ подданныхъ, избравшихъ его на престолъ, и подалъ другой части такой страшный совѣтъ. Далѣе:

„Такія королевскія устныя слова, дозволяющія казакамъ вольности свои оружіемъ защищать, были потомъ, послѣ многократныхъ жалобъ на поляковъ, и приватнымъ королевскимъ листомъ, до Барабаша съ товариществомъ писаннымъ, повторены и подтверждены. Барабашъ, укрѣпившись на полковничествѣ черкасскомъ, держалъ у себя королевскіе привиліи... но отъ многихъ обижаемыхъ и въ особенности отъ Хмельницкаго былъ побуждаемъ твердо стоять при тѣхъ правахъ и чтобъ поставивши новаго гетмана просить короля и рѣчь посполиту всѣ тѣ привиліи новыми подтвердить и чтобъ малороссіане отъ притѣсненій поляковъ были защищены. Однакоже Барабашъ для своихъ приватъ и властолюбія никого не слушалъ“.

За симъ послѣ ряда предположеній, почему Барабашъ такъ поступалъ, Величко разсказываетъ, что Богданъ Хмельницкій, видя людей украинскихъ притѣсняемыхъ, думалъ, какъ бы достать изъ рукъ Барабаша тѣ привиліи.

„А такъ какъ въ тоже время и Чаплинскій его обидѣлъ, то все это побудило Богдана Хмельницкаго привести свой замыслъ въ исполненіе. Онъ, доставши тѣ королевскіе привиліи, явился съ ними на Сѣчь Запорожскую и заключающіяся въ нихъ казакамъ и всему на-

роду малороссійскому полезныя права и вольности ихъ давнія утверждающія, освѣдчивши и добре внушивши“ Запорожцамъ и т. д.

Изъ этого разсказа Величко обратимъ вниманіе только на одно. Онъ сообщаетъ намъ сущность содержанія привилія на вольности казацкія: право выбора казаками межъ себя гетмана. Но если бы такой привилій дѣйствительно когда либо существовалъ, а также еслибы казаки знали, что въ этомъ заключается сущность ихъ правъ, то это не дозволило бы Богдану Хмельницкому съ товарищи выражаться о выборѣ гетмана нижеслѣдующимъ образомъ. Въ статьяхъ о правахъ, поданныхъ войсковыми посланниками въ Москвѣ, читаемъ: „чтобы Войско Запорожское сами межъ себя гетмана выбирали... Понеже тотъ давній обычай войсковой“. Полагаемъ, что представители Войска, на основаніи указываемаго Величкомъ привилія, должны бы были выразиться такъ: „то давнее право войсковое.“ По поводу этого замѣтимъ, что подобныя выраженія въ статьяхъ нельзя считать за случайность. Представители Войска Запорожскаго очень хорошо понимали различіе въ смыслѣ такихъ терминовъ, какъ обычай и право.

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ БОГДАНОВЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

Изъ собственнаго разсказа Богдана Хмельницкаго Климову не видно, какимъ образомъ достался ему королевскій листъ отъ прежняго гетмана; но лѣтописцы подробно разъясняютъ это дѣло съ королевскими привиліями. Въ этихъ лѣтописныхъ разсказахъ есть одна общая черта: Богданъ Хмельницкій похитилъ привиліи фортельно, хитростію, одурачивъ при этомъ враговъ. За тѣмъ въ разсказахъ о похищеніи мы очень часто встрѣчаемся съ банкетами: это такъ называемый никольскій пиръ (6 декабря) Богдана Хмельницкаго.

Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ Хмельницкаго о похищеніи привиліевъ: когда у Богдана Хмельницкаго началась ссора съ Чаплинскимъ, то онъ „старался фортелемъ, жебы тотъ привелей, данный отъ короля его милости на робленіе чел-

повное волное казакамъ достати; що и доказалъ, бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того Иллюша Ормянчина и у оного вывѣдавшися о схованю (о томъ, гдѣ спрятанъ) того привилея, упоивши оного, ключь у пьяного взявши, послалъ посланця по тотъ привилей, данный отъ короля его милости Владислава IV, который оному и привезъ его посланець. И такъ зъ онымъ привилеемъ Хмельницкій за пороги пойшолъ.“ Въ выпискѣ, приведенной въ предшествующей главѣ, лѣтописецъ говоритъ, что Илляшъ и Богданъ вмѣстѣ выпросили у короля привилій и скрыто его держали отъ полковниковъ въ Переяславлѣ; по теперешней же выпискѣ оказывается другое: привилій хранился такъ, что Богданъ Хмельницкій не зналъ, гдѣ онъ находится. Онъ долженъ былъ для вывѣдыванія этого прибѣгнуть къ хитрости и въ заключеніе обманомъ достать привилій. Слѣдовательно и здѣсь у лѣтописца встрѣчаемся съ неяснымъ изложеніемъ фактовъ, съ опиской или съ чѣмъ нибудь подобнымъ.

Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ разсказываетъ о похищеніи привиліевъ слѣдующее: „какій королевскій листъ Богданъ Хмельницкій досталъ фортелно у Барабаша, во время дытыны его воспріемникомъ бывшаго, и вычитавъ предъ казаками и усовѣтовалъ ступать на Запорожже и рушилъ декабря 7 дня 1647 года.“ Этотъ лѣтописецъ не говоритъ, въ чемъ собственно заключался фортель Богдана Хмельницкаго.

Если Богданъ Хмельницкій дѣйствительно разсказывалъ казакамъ что либо подобное о томъ,

какъ онъ одурачилъ кого-то изъ старшинъ, то можно заключить, что онъ въ своихъ разсказахъ не стѣснялся. Такъ, будучи вдовъ, онъ говорилъ, что фортель учинилъ во время крестинъ у себя.

Посмотримъ опять для примѣра, что сдѣлали позднѣйшіе историки изъ извѣстій сейчасъ приведенныхъ лѣтописцевъ. У Грабянки читаемъ:

„Сію эпистолію Барабашъ не яви никому о ней, ово яко ляхомъ прихиленъ (преданъ) бяше, ово яко своей користи токмо пскій, изволяше самъ во благихъ жити, а о Войску не радяше ниже обидѣ людской. Хмельницкій же, о томъ королевскомъ писаніи увѣдавъ, мисляше якъ би у Барабаша сію эпистолію взяти и Войску казацкому явити. Тогда же жена Хмельницкаго отроча роди, моли Хмельницкій Барабаша, да отрочати его воспріемникомъ отъ крещенія будетъ, на что изволи Барабашъ, и по крещеніи отрочати въ Субботовѣ (уже и мѣсто дѣйствія обозначено) у Хмельницкаго, егда вси подвеселиша, Барабашъ, уже за друга Хмельницкаго себѣ имѣяй, сказалъ о томъ Хмельницкому о предпомянутомъ писаніи королевскомъ и гдѣ сокровенно бяше. Той же все то слагаше въ сердци своемъ и егда Барабашъ на крестинахъ уппвся, уснулъ крѣпко, Хмельницкій взялъ шапку, поясъ и перстень (здѣсь ключь превратился въ три вещи), вѣрнаго своего послалъ въ Черкасы до жены Барабашевой (еще новое мѣсто и новое лицо начинаютъ играть роль въ событіи), о той хитрости не вѣдущей. Она же даде посланному оное королевское писаніе. Съ тимъ писаніемъ съ Черкасъ до Субботова егда посланный возвратился и писанію королевскому прочтену бышу и другому на робленіе суденъ водныхъ, данному королевскому зичливцу, казаку знатному Илляшу переяславскому“ и т. д.

Здѣсь Грабянка не сказалъ, какимъ образомъ очутился послѣдній привилій въ рукахъ у Богдана

Хмельницкаго. Но помимо явныхъ ухищреній составителя лѣтописнаго свода создать нѣчто стройное изъ отрывочныхъ несхожихъ по содержанію извѣстій его источниковъ, замѣтно еще то, что на Грабянкины толкованія лѣтописцевъ повліяли поэтическія преданія. Принадлежатъ ли эти прикрасы самому Грабянкѣ или народной поэзіи, въ розысканіе этого мы не будемъ пускаться. Впрочемъ извѣстно, что не только лѣтописцы и современники записали нѣкоторые разсказы Богдана Хмельницкаго (вслѣдствіе чего они сдѣлались предметомъ политической исторіи), но многое изъ нихъ прочно залегло въ головахъ казаковъ и сдѣлалось потомъ достояніемъ народныхъ поэтическихъ сказаній.

Въ разсказѣ Величка о похищеніи Богданомъ Хмельницкимъ королевскихъ привиліевъ мы опять встрѣчаемся съ болѣе самостоятельнымъ произведеніемъ, чѣмъ у Грабянки: Богданъ Хмельницкій о хранившихся у Барабаша королевскихъ привиліяхъ зналъ и зналъ, гдѣ они у него спрятаны.

„Въ день св. Николая, скораго всѣмъ бѣдствующимъ помощника, учинилъ въ Чигиринѣ заволанный обѣдъ и на оный призвавши изъ Черкасъ Барабаша со всею старшиною, также нищихъ и калекъ учредити и милостынею обдѣлити. Когда то учинилъ и Барабашъ со всею старшиною прибылъ въ его домъ, то онъ самъ въ трезвости пребывая, постарался старшину всю и въ особенности Барабаша всѣмъ уконтентовати и якъ наилучше напоити. Когда пьяная старшина разошлася по господамъ и Барабашъ, какъ отъ всѣхъ начальнѣйшій, въ дому Хмельницкаго опочинокъ получилъ, тогда Хмельницкій отъ спящаго Барабаша взялъ для знаку и вѣро-

ятія шапку его и платокъ, послалъ съ тѣмъ знакомъ о двуконь добраго и исправнаго человѣка въ Черкасы до Барабашихи, научивши его, чтобы при показаніи посылаемыхъ знаковъ неотступно добивался у Барабашихи о выдачѣ королевскихъ привиліевъ, Барабашу крайне необходимыхъ, у нея Барабашихи схороненныхъ. Тому всему Барабашиха вполнѣ повѣривши, тотчасъ же тѣ королевскіе привиліи посланному Хмельницкаго вручила; онъ же, желаемое получивши, силъ своихъ и конскихъ не пощадивши, явился изъ Черкасъ въ Чигиринъ еще за нѣсколько часовъ до разсвѣта. Хмельницкій, того ожидаючи, не спалъ, но бодрствовалъ болѣе чѣмъ съ десяткомъ своихъ друзей, добрыхъ молодцовъ, шляхетноурожонныхъ казаковъ, на его мысли преклонившихся и всему хотѣнію его помогати подъ клятвою обѣщавшихся. Какъ скоро Хмельницкій съ радостію получилъ отъ посланца своего королевскій листъ (у Величка сказано здѣсь о привиліи въ единственномъ числѣ), то онъ тотчасъ же знаки Барабашевы, шапку и платокъ, положивши на прежнихъ мѣстахъ около Барабаша, а самъ съ упомянутымъ товариществомъ и челядью своею на готовые кони всѣвши и свѣта не дожидаючись, рушили съ Чигирина до Субботова. Прибывши сюда еще передъ свѣтомъ, потребныя вещи въ путь предлежащій на коней навьючивши, также и старшаго сына своего Тимоѳея взявши, спѣшно двинулись на разсвѣтѣ со всею компаніею изъ Субботова въ предлежащій путь, на Низъ къ Сѣчи Запорожской, куда благополучно и безпрепятственно прибыли декабря 11 дня. Барабашъ же въ Чигиринѣ проснувшись похмѣльный и отъ управляющаго домоваго увѣдомившись объ отъѣздѣ Хмельницкаго до Субботова, но не ожидая отъ него никакого коварства, отъѣхалъ и самъ изъ Чигирина въ домъ свой до Черкасъ. Прибывши сюда и отъ жены своей

о выдачѣ королевскихъ привилѣевъ посланцу Хмельницкаго увѣдомившись, заскорбѣлъ вельми. Когда же потомъ изъ Субботова и изъ Чигирина получилъ вѣдомость, о безвѣстномъ и нечаянномъ куда-то отъѣздѣ Хмельницкаго съ товариществомъ, началъ додумываться до того, что Хмельницкій при королевскихъ привиліяхъ, какъ человѣкъ разумный и ловкій, можетъ что новое, ему Барабашу несмачное затѣять и привести въ дѣйствіе. Вслѣдствіе того Барабашъ поспѣшилъ извѣстить о томъ бѣгствѣ Хмельницкаго коммиссара казацкаго".

Величко этимъ описаніемъ не ограничился; рисуя, картины на основаніи дошедшаго до него интереснаго преданія, онъ въ заключеніе приводитъ письмо Богдана Хмельницкаго, будто бы присланное къ Барбашу изъ Сѣчи, слѣдующаго содержанія:

„Сколько разъ склоняли мы васъ просить короля и рѣчь посполитую, на основаніи привилѣевъ, хранившихся у васъ, подтвердить права народныя и защитить отъ обидъ... Наконецъ послѣ оскорбленій, нанесенныхъ мнѣ сквернымъ Чаплинскимъ, я рѣшился взять у васъ тѣ королевскіе привиліи, которые у вашей жены хранились между платьями и тряпками, безъ всякой осторожности трущіеся, и при оныхъ сдѣлать что полезнѣйшее для раззоряемой и погибающей Украйны.... Ваша милость не хотѣли, для своихъ корыстей, просить его королевскую милость за бѣдствующихъ людей, то за это не надъ людьми, а надъ овечками или свиньями полковничествовать Войско Запорожское чинитъ вашу милость годнымъ. А я при семъ прошу у вашей милости извиненія въ чемъ невигодномъ вамъ въ убогомъ дому моемъ въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и что отъѣхалъ сюда на Запорожье безъ вѣдома и позволенія вашего".

На основаніи этого разсказа Величка или какихъ нибудь другихъ поэтическихъ произведеній, дѣйствительно всякій имѣетъ право, назвать преданіе о похищеніи королевскихъ привиліевъ, „никольскимъ пиромъ Богдана Хмельницкаго“. Другія же приведенныя нами извѣстія источниковъ положительно не даютъ возможности этого сдѣлать. Такъ у лѣтописца Хмельницкаго совсѣмъ не сказано, по какому поводу и когда былъ въ дому у Богдана Хмельницкаго Илляшъ, и даже точно не обозначено, тотчасъ ли по полученіи привиліевъ Богданъ Хмельницкій пошелъ за пороги. По лѣтописцу прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ также не имѣемъ права утвердительно говорить, что крестинный пиръ у Богдана Хмельницкаго былъ 6-го декабря. У этого лѣтописца 7-мъ декабря обозначено только время отъѣзда Богдана Хмельницкаго изъ Украйны. Наконецъ въ Грабянкинской компиляціи (по печатному тексту, изданному кіевскою Временною Археографическою коммиссіею) знаки препинанія разставлены такъ, что къ 7-му декабря приходится отнести не бѣгство Богдана Хмельницкаго изъ Украйны, а полученіе имъ извѣстія отъ Кречовскаго о приказаніи арестовать его. Тамъ напечатано такъ: „и по вычитанію онихъ привиліевъ отвѣтъ вси вземши казаки согласенъ, побѣгоша за пороги съ Хмельницкимъ. Року 1647, декабря 7, бысть свѣдомо Хмельницкому отъ Кречовскаго“... и т. д.

Основу извѣстій источниковъ о королевскихъ привиліяхъ и о похищеніи ихъ мы имѣемъ право относить къ разсказамъ самого Богдана Хмельницкаго казакамъ о своихъ похожденіяхъ. Но въ лѣтописцахъ встрѣчаются еще преданія о Богданѣ Хмельницкомъ, на которыя намъ необходимо здѣсь обратить вниманіе. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ своимъ предметомъ другіе фортели Богдана Хмельницкаго, близко подходящіе по характеру къ описаннымъ. Таковымъ преданіемъ въ особенности является разсказъ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ о такъ называемомъ событіи на Кодакѣ. Самое событіе по лѣтописцу случилось много ранѣе бѣгства Богдана Хмельницкаго изъ Украйны. Лѣтописецъ ли обозначилъ время событія или тотъ источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ свое извѣстіе, это для насъ почти не имѣетъ никакого значенія.

Въ слѣдъ за событіями, изложенными подъ 1638 годомъ, лѣтописецъ сообщаетъ: „гетманъ коронный Конецпольскій опасаючися, чтобы казаки не собралися на Запорожьи для помосты, устроилъ надъ порогомъ городъ Кодакъ и осадилъ нѣмцами польскими для поскромленія казаковъ. При которомъ гетманѣ Конецпольскомъ, подъ бытность его самого въ Кодаку, и Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій съ протчими казаками найдовался, и на вопросъ гетманскій: „угоденъ ли же вамъ казакамъ Кодакъ сей?“ отвѣтствовалъ полатынѣ, что ничего рукою человѣческою сотвореннаго нѣтъ, жебы не могло быть разорено“.—Сущность этого преданія, кажется, заключается въ слѣдующемъ. Въ приве-

денныхъ выше извѣстіяхъ о привиліяхъ видимъ, какую роль придаютъ они Богдану Хмельницкому въ его отношеніяхъ по поводу казацкихъ вольностей не только къ войсковой старшинѣ, но и къ самому королю. Въ исторіи же о кодакскомъ произшествіи рисуется и та роль, которую герой разсказа игралъ по отношенію къ высшимъ польскимъ властямъ на Украйнѣ. Онъ имѣлъ столкновеніе не съ однимъ Чаплинскимъ, но и съ самимъ короннымъ гетманомъ Конецпольскимъ и, что всего важнѣе, за интересы казачества. Это первое, а второе: Кодакъ, выстроенный для стѣсненія запорожцевъ, Богданъ Хмельницкій давно зналъ; при самомъ основаніи онъ уже напророчилъ ему паденіе: это совсѣмъ не страшная и не неприступная крѣпость; да къ тому же извѣстно, что все, человѣческою рукою сотворенное, ею же можетъ быть и разрушено.

Впрочемъ, все сейчасъ сказанное—только наши предположенія, вызванныя главнымъ образомъ тѣмъ, что на основаніи сейчасъ приведеннаго и безъ всякихъ толкованій сообщеннаго лѣтописцемъ преданія нѣкоторые описываютъ характеръ Богдана Хмельницкаго. Такъ въ Грабянкиномъ сводѣ встрѣчаемъ слѣдующее: Конецпольскій, услышавши отвѣтъ Хмельницкаго, „удивися, вкупѣ зло мисляше о Хмельницкомъ, вспомяну убо, яко во всѣхъ браняхъ казацкихъ противъ ляховъ и Хмельницкій бяше, обаче многіе умроша, а онъ живъ оста. Бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и розумѣнъ зѣло, вѣди мысли лядскія на казаковъ и суетную клятву, разсмотри ихъ военнія ограды

и вся сія въ сердци злѣ держаше; лице же свѣтлостію покриваше, акиби онъ на ляхи никоего зла не мыслихъ, въ сердцу же его золъ совѣтъ бяше.“ —По поводу этой характеристики г. Максимовичъ указываетъ, что значительная часть ея заимствована Грабянкой отъ поляка Каховскаго, повторяющаго анекдотъ о кодакскомъ пропзшествіп. Мы же замѣтимъ только, что подобная характеристика противорѣчитъ тому извѣстію, къ которому приставили ее историческіе писатели. По основному разсказу можно заключить, что Богданъ Хмельницкій былъ человѣкъ неосторожный на слова, а его характеризуютъ серьезнымъ, скрытнымъ, сдержаннымъ, пожалуй съ іудиными качествами. Впрочемъ тотъ, кто разсказывалъ казакамъ подобный фортель Богдана Хмельницкаго конечно не думалъ о томъ, какіе выводы будутъ дѣлать изъ его словъ потомки.

По поводу лѣтописнаго разсказа о кодакскомъ пропзшествіп мы не можемъ обойти и сочиненія Величка. Это преданіе изложено у него съ такою обстановкою, которая сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Но здѣсь прежде всего нужно указать, что Величку, для созданія его повѣсти, на основаніи этого преданія, служили источникомъ еще другіе слухи, современные самому Богдану Хмельницкому. Въ числѣ этихъ слуховъ былъ и одинъ изъ анекдотовъ, который мы находимъ у Кунакова. Послѣдній не разсказываетъ о банкетахъ у Богдана Хмельницкаго, но сообщаетъ анекдотъ о банкетѣ у Конецпольскаго сына. При томъ у него вмѣсто веселыхъ, юмористическихъ сценъ опи-

саны кровавыя: когда Богданъ Хмельницкій не поѣхалъ къ Конецпольскому на званный банкетъ, на которомъ его хотѣли убить, то Конецпольскій тотчасъ же „послалъ людей своихъ двадцать человѣкъ, а велѣлъ имъ Богдана Хмельницкаго взять неволею и привести къ себѣ. И Богданъ Хмельницкій съ тѣми Александровыми людьми Конецпольскаго у себя на дворѣ бился и убилъ тѣхъ Александровыхъ людей пять человѣкъ, а пятьнадцать человѣкъ побѣжало; а съ Богданомъ-де Хмельницкимъ было на дворѣ только четыре человѣка. И Богданъ Хмельницкій того же часу со двора своего побѣжалъ."

У Величка анекдотъ объ этомъ банкетѣ и тѣ извѣстія объ отношеніяхъ Богдана Хмельницкаго къ Станиславу Конецпольскому, которыя мы уже выше привели по Кунакову же, соединены въ одну повѣсть съ исторіею о кодакскомъ произшествіи. Разница же разсказа Величка отъ этихъ основныхъ извѣстій та, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ у него является какой-то Потоцкій, мѣсто же дѣйствія не на Кодакѣ, а въ Бродахъ. По этому послѣднему случаю г. Максимовичъ замѣчаетъ, что здѣсь у Величка слѣдуетъ предполагать смѣшеніе дѣйствующихъ лицъ: Броды принадлежали Конецпольскимъ. Наконецъ для Величка преданіе о столкновеніи Богдана Хмельницкаго съ могущественнымъ польскимъ вельможей является событіемъ, съ котораго онъ нашелъ необходимымъ начать все свое повѣствованіе, самый же фактъ столкновенія отнесенъ имъ къ молодости Богдана Хмельницкаго. Вотъ эта повѣсть:

„Не могли мы доискаться въ исторіяхъ, въ какомъ году заложенъ и докончень въ Польшѣ славный и крѣпкій замокъ Бродскій; только то мы узнали изъ повѣсти певной (достовѣрной) шляхты польской, что Зиновій Богданъ Хмельницкій, какъ вольный и значный сынъ шляхты русской, пребывалъ въ Польшѣ въ чинѣ конюшаго у пана Потоцкаго, основателя замка Бродскаго, въ то время, когда тотъ замокъ совсѣмъ докончился. И когда тотъ Потоцкій со многими высокими, себѣ равными шляхты польской персонами прибылъ до Бродъ, для осмотра того замку Бродскаго, тогда со всѣми окружающими ходячи по валамъ Бродскимъ, весьма тѣшился, что его стараніемъ и коштомъ такая знаменитая и крѣпкая фортеція Бродская сооружена. Тогда онъ слышалъ отъ окружающихъ многія похвалы той фортеціи, называли ее неприступною. При томъ же панѣ Потоцкомъ и конюшій его Богданъ Хмельницкій ходилъ тутъ же близко пановъ по валамъ Бродскимъ. Онъ вслѣдствіе своего ума, расторопности и познаній имѣлъ великую милость у пана своего, и когда теперь былъ спрошенъ таковымъ словомъ: „пане Хмельницкій! какъ думается тебѣ объ этой фортеціи? я полагаю, да и всѣ мнѣ то говорятъ, что неприступная.“ Хмельницкій на тотъ часъ запомнивши злой апле въ подпиломъ пана своего фантазіей, учинилъ такой неосторожный отвѣтъ на панскія слова: „ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаетъ, то таяжъ и запсовати можетъ!“ Що любо есть и правда, однако тѣмъ отвѣтомъ Хмельницкаго тотъ панъ Потоцкій былъ барзо ураженъ; но Хмельницкій не постерегль того. Онъ отъ другихъ братій своихъ и особливо отъ ближайшихъ боку панскаго слугъ, съ которыми имѣлъ дружбу, былъ предостереженъ, что въ тотъ же день долженъ потерять свою голову отъ меча панскаго. Тогда смертной не дожидаючи часи, когда

начали къ столу панскому готовиться, онъ Хмельницкій вышелъ изъ замку на свою квартиру въ мѣсто Броды, гдѣ лучшіе кони свои прибравши и что было на тотъ часъ при немъ субстанціи на вьюки положивши, рушилъ съ челядью своею спѣшно и безвѣстно съ квартиры въ путь намѣренный и пока прошло до полъобѣда панскаго въ замку Бродскомъ, Хмельницкій тѣмъ часомъ мили три или четыре могъ уѣхать. Въ полъобѣда, когда Потоцкій согрѣлъ уже лобъ свой сикеромъ, велѣлъ онъ покоевому своему вынести къ себѣ изъ комнаты палашъ, а другому слугѣ приказалъ позвать Хмельницкаго конюшаго своего. Тотъ слуга, по всему замку не нашедши Хмельницкаго, отправился на его квартиру и узналъ отъ домашнихъ его людей, что Хмельницкій, посѣдлавши и навьючивши своихъ коней, рушилъ спѣшно съ квартиры, не сказавши никому,—куда. Слуга тотъ, когда объ отъѣздѣ изъ Бродъ Хмельницкаго принесъ пану Потоцкому реляцію, тогда всякой понялъ, что Хмельницкій, оставивъ вѣчно службу свою, ушелъ вовсе отъ гнѣва панскаго. Панъ Потоцкій, получивши такую вѣдомость, тѣмъ барзо разъярился и тотчасъ на лучшихъ коняхъ своихъ приказалъ слугамъ своимъ гнать за Хмельницкимъ и возвратить его назадъ. Таковая погоня за Хмельницкимъ любо и была, однако же всуе, потому что недогнанный Хмельницкій безпрепятственно и счастливо прибылъ на Украйну. Здѣсь нѣкоторое время поживши и съ добрыми молодцами казацкими обознавшись, отъѣхалъ съ ними на Низъ до Сѣчи Запорожской. А тамъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ пребывая, пріобрѣлъ себѣ нужныхъ вещей чрезъ подвиги и труды военные, ходячи за промысломъ военнымъ подъ жилища бусурманскія и въ оказіяхъ военныхъ не закрываючи своего предъ непріятелемъ ока, за что отъ Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и уваженіи; а наконецъ,

стоскнувшись въ Сѣчи Запорожской, уѣхалъ въ городы украинскіе малороссійскіе, въ чигиринскомъ повѣтѣ оженившись поселился“ и т. д.

А послѣ этого, по Величку, Богданъ Хмельницкій началъ свое новое поприще защитника народа отъ утѣснителей его правъ.

Вотъ еще два лѣтописныхъ преданія о событіяхъ изъ жизни Богдана Хмельницкаго, отнесенныхъ этими источниками ко времени тоже гораздо ранѣе 1648 года:

Первое.—У лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, подъ 1629 годомъ, сказано: „Зѣновій Михайловъ сынъ Хмельницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Польскомъ, двоихъ Кантимировъ живо до короля привелъ, за что у короля имѣлъ особливую милость“... Изъ жалобы Богдана Хмельницкаго мы видѣли, что онъ въ 1646 году отвозилъ къ коронному гетману двухъ плѣненныхъ имъ татаръ.—Г. Максимовичъ утверждаетъ, главнымъ образомъ на основаніи польскихъ слуховъ (сочиненія Ерлича), что въ упомянутомъ лѣтописцемъ событіи слѣдуетъ предполагать ошибку въ имени и должно считать дѣйствующимъ лицомъ не Богдана Хмельницкаго, а Стефана Хмелецкаго. Мы же кромѣ указанія на то, что здѣсь можно предполагать у лѣтописца хронологическую ошибку и превращеніе короннаго гетмана въ короля, больше ничего не утверждаемъ. *)

---

*) Впрочемъ полемизировать съ г. Максимовичемъ о подобныхъ частностяхъ нашего источника нельзя. Г. Максимовичъ

Второе.—Въ „Богданѣ Хмельницкомъ“, сочиненіи г. Костомарова *), читаемъ: во время московской войны Владислава IV „въ числѣ рыцарей, заслужившихъ тогда похвалу отъ короля, по извѣстію одной малорусской лѣтописи, былъ Богданъ Хмельницкій, получившій отъ короля саблю за храбрость: черезъ двадцать одинъ годъ послѣ того, онъ замѣтилъ, что сабля сія порочитъ Богдана“. Г. Костомаровъ ссылается при этомъ на рукописную лѣтопись, „Сказаніе о гетманахъ казацкихъ ажъ до Богдана Хмельницкаго“. Если это сказаніе есть тотъ же нашъ лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, то у него подъ 1634 годомъ, въ разсказѣ о московской войнѣ, читаемъ: „гдѣ при войску польскомъ и казацкое, въ томъ числѣ помянутый Зѣновій Хмельницкій найдовался“,—и только. Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и лѣтописецъ Хмельницкаго изданы по многимъ и вѣроятно наилучшимъ спискамъ. Въ компиляціяхъ, гдѣ встрѣчаемъ извѣстія, заимствованныя изъ этихъ лѣтописцевъ, о саблѣ, пожалованной королемъ Богдану Хмельницкому, тоже ничего не упоминается. Если указываемый г. Костомаровымъ источникъ есть самостоятельный лѣтописецъ, то не имѣетъ-ли его извѣстіе чего нибудь общаго съ баснею о пожалованіи королемъ Богдану Хмель-

. . . . . .

не признаетъ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ не только за старѣйшаго, но даже за оригинальнаго. Онъ считаетъ его весьма позднимъ извлеченіемъ изъ сочиненія Грабянки. Поэтому въ защиту лѣтописца мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ подробно.

*) Т. 1, стр. CX.

ницкому рисованной сабли? Наконецъ, что касается вообще извѣстія объ участіи Богдана Хмельницкаго въ московской войнѣ, то не слѣдуетъ ли здѣсь принимать во вниманіе подлинныя его слова, сказанныя московскимъ великимъ посламъ (въ 1654 году) на другой день послѣ присяги: „когда я былъ еще малъ, то отецъ мнѣ говорилъ: какъ де ты учнешь служить, не могши того себѣ учинить, чтобы тебѣ ходить войною на московское государство. И вотъ нынѣ всемогущій Богъ изволилъ то, что я служу великому государю всея Россіи самодержцу“.

ГЛАВА VIII.

СОЮЗЪ СЪ ТАТАРАМИ.

По отношенію къ источникамъ для разсказа о томъ, какъ былъ заключенъ союзъ Богдана Хмельницкаго съ татарами, мы съ одной стороны находимся почти въ томъ же положеніи, какъ и при изложеніи другихъ событій изъ времени пребыванія Богдана Хмельницкаго въ низовьяхъ Днѣпра; но съ другой—есть и значительная разница. Намъ извѣстны многочисленные оффиціальные московскіе и польскіе документы, говорящіе подробно объ отношеніяхъ союзныхъ правительствъ къ степнякамъ. Извѣстія этихъ документовъ во многомъ объясняютъ и союзъ послѣднихъ съ казаками. Они подробно говорятъ о внутреннемъ состояніи крымской орды и потому даютъ возможность стать на твердую почву при обсужденіи лѣтописныхъ извѣстій о самомъ фактѣ союза.

На основаніи оффиціальныхъ извѣстій мы знаемъ, какія отношенія существовали у польскаго и московскаго правительствъ къ крымцамъ. Поляки уже въ теченіе четырехъ лѣтъ совсѣмъ перестали платить дань татарамъ. Объ этомъ Адамъ Кисель такъ хвастался въ одномъ письмѣ къ московскимъ украинскимъ воеводамъ *): „нынѣ устала ихъ поганская служба, устали и дары или казну (мы) больше имъ не давали; имя тѣмъ дарамъ была не честь,—ихъ поганскимъ словомъ *гарасъ*, а по нашему дань имѣла бы нарицатися.“ При сношеніяхъ поляковъ съ татарами послѣднимъ постоянно напоминалось, что ихъ ханъ вассалъ турецкаго султана, съ которымъ польское правительство и намѣрено главнымъ образомъ имѣть дѣло. Мало этого, паны мечтали, даже въ началѣ 1648 года, украсить королевскій вѣнецъ побѣднымъ лавромъ надъ врагами св. Креста. До этого, положимъ, было далеко; но подобныя отношенія ихъ къ Крыму вели къ тому, что было необходимо постоянно охранять Украйну войсками отъ нечаянныхъ набѣговъ ордынцевъ. Съ этой стороны польскія власти даже держались наступательныхъ дѣйствій. Реестровые казаки и другія польскія войска часто ходили въ поле для поисковъ за мелкими татарскими шайками.

Московское правительство не прекращало своихъ сношеній съ татарами; но въ тоже время съ крымскими посланниками въ Москвѣ обращались крайне невѣжливо, часто сажали въ тюрьму, а сви-

---

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 3, № 166.

ту ихъ для того же разсылали по городамъ. Плата дани въ Крымъ происходила почти ежегодно; количество же ея было сокращено до возможно меньшихъ размѣровъ. Московскіе посланники жили въ Крыму безвыѣздно; но съ ними тамъ обращались дурно за то, что они были скупы на поминки. 24-го декабря 1647 года посланники, ѣхавшіе въ Крымъ, прибыли къ Перекопи. Въ городъ ихъ не пустили, а поставили въ степи; былъ сильный морозъ и всѣ прозябли; татары же не только дровъ, но и никакой провизіи имъ не давали; когда посланники просились въ городъ, то получили отвѣтъ, что все это съ ними дѣлается за то, что они сопровождавшему ихъ Маметшѣ-князю почести не учинили. Посланники принуждены были дать ему сорокъ соболей; за это прислали къ нимъ изъ Перекопи дровъ и барановъ. Въ Крыму ихъ вымаривали голодомъ и всякою тѣснотою; подозрѣвая, что посланники не даютъ поминковъ не по приказу государеву, а по собственной волѣ, татары заставляли ихъ быть щедрыми между прочимъ и слѣдующимъ образомъ. Въ статейныхъ спискахъ часто встрѣчаемъ: такого-то числа, по приказу калги, нурадына и т. п., мучили на кобылкѣ подъячаго и толмача, сняли ихъ замертво, требуя поминковъ.

Союзныя правительства слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ ордахъ. Московскіе посланники, пріѣхавшіе въ концѣ 1647 года, оставили намъ подробный статейный списокъ *). Извѣстія его, относящіяся къ нашему предмету, таковы:

*) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Крымск., св. № 41, тетр. №13.

„18 января, сказывалъ посланникамъ полоняникъ курчанинъ Иванъ Прохоровъ Тѣстовъ: послѣ-де крещенія вскорѣ пошли было на государевы украйные города войною Темирша-мурза, а съ нимъ крымскихъ людей пять тысячь человѣкъ, безъ царева вѣдома; и царь, провѣдавъ про тотъ походъ, велѣлъ ихъ воротить...

„Того-же числа приходилъ къ посланникамъ полоняникъ астраханскій стрѣлецкій голова Иванъ Лутовиновъ, а сказывалъ: взятъ-де онъ въ плѣнъ въ прошломъ 154 году... да говорилъ: въ прошломъ де 155 году ханъ по приглашенію шавкала тарковскаго хотѣлъ послать ратныхъ людей подъ государевъ городъ Терекъ, по не послалъ за тѣмъ, что было у нихъ развратье ближнихъ людей. А развратье было за то, что царь Сеферъ-газы-агу отставилъ и учинилъ у себя ближнимъ человѣкомъ Магметъ-агу, не переговоря съ нагайскими князи. И нагайскіе мурзы Тогай-бей, князь Ширинскій съ братіею и Мансуровы съ родомъ приходили на Крымъ войною; царь, калга и нурадынъ съ ними не бились, потому что ближніе люди, которыхъ нагайскіе мурзы выдать себѣ просили, ушли въ турскій городъ Кафу, а царь на ихъ мѣсто учинилъ ближнихъ у себя людей иныхъ по хотѣнью нагайскихъ мурзъ; и стали царь съ нагайскими мурзами мирны. Нынѣ кочуютъ нагайскіе, мансуровы и урмаметевы на Молочныхъ, Овечьихъ и Конскихъ Водахъ и подъ Азовомъ; а всѣхъ ихъ съ 30,000. А выбрали тѣ нагайскіе мурзы ближними къ царю Сеферъ-газы-агу и Субъ-газы-агу для того, чтобы они царю наговаривали на государевы

земли или на Литву самому идти войною или бы ихъ нагайскихъ мурзъ послали.“

Объ этой своего рода перемѣнѣ министерства въ Крыму почти совершенно согласно съ разсказомъ Ивана Лутовинова писалъ и Адамъ Кисель къ путивльскому воеводѣ (отъ 15 января, по римскому календарю *): „вѣсть даю, что Ширинъ-мурзы съ нагайскими татары назана крымскаго воевали и между собою браню многіе пропали. Потомъ же смирилися съ собою умомъ Сеферъ-кази-акги; и за то пожаловалъ ханъ крымскій того акгу визирствомъ, спрѣчь гетманствомъ, и учинили тайную думу да поставили на томъ, чтобы однолично всѣмъ пойти въ землю паяснѣйшаго великаго господаря моего, и послали до царя турскаго, чтобъ онъ позволилъ; и будетъ имъ тое позволеніе или нѣтъ, о томъ еще вѣсти ожидаемъ. Божіею милостію, что тые поганцы думаютъ, мы въ тотъ же часъ вѣдаемо и вѣдать будемо. Ино такъ чаемъ, что царь турскій примирья крымскому ломать съ нами запретитъ; однакъ собакамъ татаромъ не первое самовольствомъ противъ емеровъ царя турскаго въ обои великія господарства ходити“. Въ заключеніе всего этого Адамъ Кисель напоминаетъ воеводамъ, что на основаніи договора слѣдуетъ дѣйствовать заодно въ случаѣ нападенія татаръ на чьи либо украйны

Окончаніе разсказа Ивана Лутовинова слѣдующее: „а безъ войны крымскимъ и нагайскимъ мурзамъ быть не умѣть: изняла ихъ скудость и большой голодъ. Да изъ Царь-града въ Крымъ и въ

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 3, № 107.

Азовъ турскіе люди ѣздятъ безпрестанно и полоняниковъ русскихъ и литовскихъ людей покупаютъ на каторги дорогою цѣною для того, что у турскаго Ибрагимъ Салтана съ французскою землею бой большой, приступаетъ турской къ французскому городу Малту. И крымскіе и нагайскіе люди и черные татарове полономъ хотятъ быть корыстны и войнѣ ради... Да онъ же Иванъ Лутовиновъ сказывалъ: въ нынѣшнемъ 156 году передъ Рождествомъ Христовымъ за недѣлю пошелъ было въ Буданскую землю войною Тогай-князь Ширинскій, а съ нимъ нагайскихъ людей 7.000, безъ царева вѣдома. И царь къ Тогай-князю посылалъ Карашъ-мурзу и велѣлъ его воротить и велѣлъ ему въ Перекопи быть перекопскимъ княземъ на князь-козыево мѣсто".

И такъ крымскій ханъ побаивался союза противъ себя своихъ сосѣдей, терпѣлъ то, что они ему или мало или даже совсѣмъ не платили дани. Онъ не рѣшался не только самъ, со всѣми ордами, но не дозволялъ и подручнымъ мурзамъ ходить для грабежа на московскія и польскія украйны. Но съ другой стороны нагайскія, мансуровы и иныхъ родовъ мурзы не всегда были въ состояніи исполнять подобныя запрещенія своего повелителя. Въ особенности же Тогай-князь Ширинскій, „въ воинствѣ зѣло храбръ и славенъ, иже не всяко повиновашеся хану, но аки самоудѣленъ съ своими татарами живяше",—какъ о немъ говоритъ Грабянка,—непремѣнно изъ Перекопи весною 1648 года пошелъ бы куда нибудь на промыселъ за живымъ товаромъ. Но вотъ благопріятный для татаръ случай:

тѣ, которые главнымъ образомъ прежде ихъ били, призываютъ къ себѣ въ союзъ противъ другихъ христіанъ.

О заключеніи союза между казаками и татарами лѣтописцы разсказываютъ такимъ образомъ. Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ сообщаетъ только: Богданъ Хмельницкій, выколовъ польскихъ жолнеровъ на Запорожьи, „послалъ до Исламъ-гирея хана помочи просить на ляховъ и выпросилъ“. У лѣтописца Хмельницкаго это дѣло изложено такъ: Богданъ Хмельницкій, разгромивъ посланныхъ его ловить, „выслалъ своихъ посланцовъ до хана крымскаго, чинячи съ онымъ згоду и пріймуючи братерство, жебы ему помогали войска лядскія зносити. Що ханъ крымскій съ солтанами и ордами зъ радостію на тое позволивъ и приславши своихъ мурзъ до Хмельницкаго, межи собою присягу съ обоихъ сторонъ выконали на Низу, и заразъ ханъ посылаетъ съ ордами великими, Тугай-бея до Хмельницкаго“. — Здѣсь мы считаемъ возможнымъ привести объ этомъ же разсказъ, принадлежащій Грабянкѣ: „ханъ имѣлъ гнѣвъ на короля, яко урочную дань удерже отъ себя ему ляхове, но не хотяше меча на ляхи понести, донележе не извѣститъ, чего ради брань быти хощетъ. Но въ то время предстояше хану мурза Тугай-бей; на того ханъ шутя указалъ рукою, повелѣ просити казакамъ въ помощь; прежде бо сего яко за едино лѣто Тугая-бея казаки зъ его ордами на нѣкоемъ мѣстѣ побѣдиша, тое вспомянувъ Тугай-бей первѣе казаковъ злословяше, яко враговъ своихъ, послѣди щастю то испоручивши, обѣщался

казакамъ въ помощь, и мѣсто урочное показавши, гдѣ имутъ брань свести казаки съ ляхами, къ Хмельницкому отидоша посли съ добрими вѣстями".

Изъ этихъ извѣстій видимъ, что союзъ устроился довольно просто: татары на приглашеніе грабить Польшу тотчасъ же откликнулись. Разсказъ Грабянки, хотя и впадаетъ въ анекдотизмъ, все таки даетъ нѣкоторыя поясненія старѣйшимъ лѣтописцамъ. Грабянка, то есть его источникъ, говоритъ согласно съ оффиціальными извѣстіями, что ханъ сердился на поляковъ за неплатежъ дани и т. п.

Лѣтописныя извѣстія по преимуществу указываютъ, что Богданъ Хмельницкій обратился въ Крымъ съ просьбою о помощи въ то время, когда, бѣжавши изъ Сѣчи, избилъ ляховъ погонщиковъ. Но болѣе точное обозначеніе этого времени встрѣчаемъ въ статейномъ спискѣ московскихъ посланниковъ, ѣздившихъ въ Крымъ. Они разсказываютъ: „5-го марта сказывалъ посланникамъ полоняникъ, воронежскій пушкарь Евѳимъ Ивановъ Прибытковъ: пріѣхали-де въ Крымъ къ царю съ Днѣпра запорожскихъ черкасъ четыре человѣка; прислали ихъ черкасы царю бить челомъ, чтобы царь принялъ ихъ въ холопство, а они-де стоятъ на Днѣпрѣ, въ сборѣ ихъ пять тысячь. И просили у крымскаго царя людей идти на ляхи за свою черкаскую обиду; а какъ-де они съ ляхи управятся, и они крымскому царю учнутъ служить вѣчнымъ холопствомъ и всегда съ нимъ на войну будутъ готовы, куды онъ ни пойдетъ. И крымской царь тѣхъ черкасъ четырехъ человѣкъ дарилъ кафтаны и держалъ ихъ у себя въ Бакчисараѣ недѣлю, и давъ имъ по ло-

шади, отпустилъ къ черкасамъ на Днѣпръ. А крымскимъ людямъ и черным татарамъ приказалъ царь кормить лошадей и готовиться на литовскую землю войною; а въ Перекопь къ Тогай-князю Ширинскому писалъ царь, чтобы нагайскіе люди на литовскую землю войною готовилися же". Объ этомъ сочувствіи татаръ къ войнѣ съ Польшею въ тѣхъ же крымскихъ вѣстяхъ еще читаемъ: „30 марта, сказывалъ посланникамъ толмачъ Тихонъ Ергамышевъ: ходилъ-де онъ въ Яшловъ купить хлѣба и сказывалъ ему яшловскій татаринъ: пригналъ-де изъ Царьграда отъ турскаго салтана съ грамотою къ Исламъ-гирею царю чеушъ, писалъ-де турскій къ крымскому, чтобъ прислалъ къ нему въ Царьгородъ людей, а посылать де ихъ войною на французскую землю подъ городъ Малты. И Исламъ-гирей думалъ съ ближними людьми по многіе дни: посылать-ли въ Царьгородъ крымскихъ людей или нѣтъ? И положили на томъ, чтобы въ Царьгородъ людей не посылать для того, что въ Крыму голодъ большой; да хотя бы царь воинскихъ людей и училъ посылать, и крымскіе люди царя бы не послушали и въ Царьгородъ не пошли. И царь-де того чеуша изъ Крыму отпустилъ, а къ турскому писалъ, что крымскихъ людей не посылаетъ для того, что прислали къ нему съ Днѣпра запорожскіе черкасы, чтобъ онъ принялъ ихъ къ себѣ въ холопство, а у нихъ-де черкасъ нынѣ бой съ ляхи (далѣе записано, какъ подъ 5 марта).. и онъ-де царь къ запорожскимъ черкасамъ идетъ на помочь самъ съ крымскими и нагайскими людьми большимъ собраньемъ черкасъ отъ ляховъ оборонить, чтобъ ему тѣ

черкасы впредки холопствомъ были крѣпки и на него-бъ были надежны. А походу царева на войну чаять послѣ Великаго дни вборзѣ“.

По полученіи такихъ извѣстій въ Москвѣ бояре написали письмо къ Адаму Киселю отъ 10 апрѣля *), что запорожскіе черкасы присылали въ Крымъ бить челомъ царю въ холопство и т. д., и указывали при этомъ на причины, почему татарамъ нынѣшняго лѣта никакимъ образомъ безъ войны пробыть не умѣть. Это письмо заканчивалось такъ: „и тебѣ бы Адаму Свѣнтольдичу то черкасское отступленіе отъ королевскаго величества вѣдать; королевскому величеству о томъ извѣстить и съ своею братіею съ панами-радными совѣтовать, чтобъ тѣхъ черкасъ подъ крымскаго царя владѣніе не допустить“. Извѣщая объ этомъ пановъ-радъ, московское правительство и само было озабочено на счетъ татаръ. Тѣ же сокольники, кречетники и толмачи, которые привезли изъ Крыма отъ посланниковъ статейный списокъ, въ распросѣ говорили **): „въ Крыму при насъ учали собираться крымскіе многіе люди, а въ разговорѣ мы слышали отъ татаръ, что нынѣшняго лѣта съ весны рано крымскимъ людямъ приходить на московскія украйны большимъ собраньемъ“. На основаніи такихъ вѣстей было предписано украинскимъ воеводамъ жить съ великимъ береженьемъ.

Объ этомъ союзѣ Богдана Хмельницкаго съ татарами толковали весьма много современники и

---

*) Акт. Южн. и Зап. Рос., 3-й, № 172.
**) Тамъ же, № 183.

потомки и для объясненія его придумывали различныя исторіи. Выше мы видѣли, какія формы приняла въ устахъ современниковъ исторія съ погибшимъ отъ Чаплинскаго сыномъ Богдана Хмельницкаго. И для объясненія союза послѣдняго съ татарами современники нашли необходимымъ вставить „сына“.

Кунаковъ сообщаетъ: „въ 155 году весною ходили въ поле для поиску надъ татарами князь Еремей Вишневецкій да коронный хорунжій Потоцкій (Конецпольскій), а запорожскихъ черкасъ съ ними было пять полковъ; а Богданъ Хмельницкій въ томъ походѣ былъ съ двумя полками. И въ тѣ-де поры въ полѣ татаръ побили и живыхъ поимали многихъ. А Богдану Хмельницкому того погрому на дуванѣ достался татарченокъ, крымскаго мурзы сынъ; и Богданъ Хмельницкій того татарченка у себя берегъ и держалъ его, какъ сына своего... И когда Богданъ Хмельницкій побѣжалъ на Запорожье, оставя жену свою и дѣтей и животы, а взялъ только съ собою татарченка, что ему достался на дуванѣ... А когда онъ побѣжалъ изъ-заварты въ низъ по Днѣпру, а татарченокъ мурзинъ сынъ съ нимъ же... И укрѣпясь въ Лукоморьѣ, послалъ Богданъ Хмельницкій въ Крымъ черкасъ 20 человѣкъ, а съ ними писалъ отъ себя въ Крымъ къ мурзѣ; котораго мурзы сынъ у него, что онъ Богданъ сына ему отдастъ безъ окупу и безъ обмѣны, и мурза-бъ пріѣхалъ къ нему въ Лукоморье самъ и сына своего взялъ. А въ томъ Богданъ Хмельницкій велѣлъ черкасамъ мурзѣ присягу учинить, что ему надъ тѣмъ мурзою и надъ татары,

которые къ нему пріѣдутъ, дурна никакого не учинитъ и у себя ихъ не задержатъ, вольно имъ пріѣхать и отъѣхать. А только-де мурза похочетъ взять аманатовъ, и Богданъ и аманатовъ велѣлъ дать изъ тѣхъ черкасъ, которые отъ него въ Крымъ посланы. А отъ того-де Лукоморья до крымскаго юрта ѣзды пять дней. И къ Богдану Хмельницкому въ Лукоморье пріѣхалъ изъ Крыму мурза для сына своего, а съ нимъ татаръ со 100 человѣкъ. И Богданъ Хмельницкій тому мурзѣ сына отдалъ и честь ему учинилъ большую и договорился съ нимъ, что ему подговорить съ собою изъ Крыму и иныхъ мурзъ да татаръ 15.000 и весною по первой травѣ идти изъ Крыму въ степь и сбираться у Желтыхъ-Водъ. И межь себя Богданъ Хмельницкій и мурза укрѣпились и увѣрились Богданъ присягою, а мурза шертью". Упоминаемый здѣсь мурза долженъ быть Тогай-бей. Что касается всего разсказа Кунакова, при всемъ степномъ духѣ, которымъ отъ него вѣетъ, все таки, кажется, и безъ частныхъ опроверженій для всякаго ясно, что это есть произведеніе чьей нибудь фантазіи.

Этотъ анекдотъ Кунаковъ слышалъ въ Польшѣ; но тамъ же толковали о союзѣ Богдана Хмельницкаго съ татарами и на другой ладъ. При этомъ точно также связывали его съ исторіею о сынѣ, но только не мурзы, а самого Богдана Хмельницкаго. Мы уже привели слова Богдана Хмельницкаго, что онъ прежде чѣмъ бѣжать изъ Украйны схоронилъ своихъ дѣтей у добрыхъ людей, которые его жаловали. Въ этой фразѣ, кажется, трудно отыс-

кать исключеніе для котораго нибудь изъ сыновей Богдана Хмельницкаго. А одинъ изъ современныхъ ему поляковъ пишетъ: „съ Запорожья Хмельницкій пустился къ татарскому хану, прося у него помочи противъ поляковъ; а какъ ханъ на это не согласился, то Хмельницкій далъ ему въ заложники своего сына, котораго ханъ принялъ съ охотою и тотчасъ же далъ Хмельницкому 7.000 татаръ, обѣщая въ послѣдствіи прислать еще больше“. Во что со временемъ разрослось это послѣднее польское извѣстіе, можно видѣть изъ обширнаго разсказа Велпчка, приводимаго въ концѣ этой главы. Теперь же замѣтимъ, что въ немъ, кромѣ извѣстія о сынѣ Богдана Хмельницкаго, мы еще встрѣчаемся съ новымъ фактомъ о поѣздкѣ самого Богдана Хмельницкаго къ Крымъ для заключенія союза. Но всѣ предшествующіе наши источники и даже Кунаковъ (только въ одной изъ его отписокъ, писанной еще изъ Вязьмы, встрѣчаемъ *), что „гетманъ Хмельницкій побѣжалъ изъ Украйны въ Крымъ и подговорилъ мурзъ и татаръ въ войну на Поляковъ“; но этого извѣстія Кунаковъ не повторилъ въ своей запискѣ изъ Польши) или прямо говорятъ, что Богданъ Хмельницкій посылалъ къ татарамъ помочи просить, или разсказываютъ объ этомъ такъ, что весьма трудно уловить у нихъ подтвержденіе извѣстія, будто Богданъ Хмельницкій лично ѣздилъ къ хану крымскому.

Кромѣ баснословія у Кунакова и у Величка мы встрѣчаемся еще съ объясненіемъ причинъ, почему

---

*) Акт. Южн. и Зап. Росс., т. 3, № 237.

союзъ Богдана Хмельницкаго съ ордами имѣлъ важный результатъ. На эти объясненія должно обратить вниманіе потому, что, какъ видно, въ польскомъ обществѣ выставляли ихъ смягчающимъ обстоятельствомъ для своего неслыханнаго пораженія. Кунаковъ не разъ повторяетъ, что полякамъ до самаго начала военныхъ дѣйствій „про татаръ вѣдомости не было, что Богданъ съ ними о войнѣ договоръ учинилъ“. Величко же говоритъ, что Богданъ Хмельницкій велъ на Запорожьѣ дѣла съ кошевымъ и атаманьею курсинною „барзо штучне и расторопне и такъ секретно, что не только объ ихъ замыслахъ и поѣздкѣ Хмельницкаго въ Крымъ поляки чрезъ своихъ шпіоновъ ничего не могли узнать, но даже и все Войско низовое казацкое не знало до возвращенія Хмельницкаго изъ Крыму на кошъ. Если бы вѣдало о томъ Войско казацкое, то знали бы и поляки; а если бы вѣдали поляки, то приготовили бы лучшую встрѣчу противъ Хмельницкаго, нежели учинили, погубивши легкомысленно чрезъ то честь свою рыцарскую и вѣчный срамъ навлекши на корону польскую“. Послѣднее случилось совсѣмъ отъ другихъ причинъ, а не отъ секретности плановъ Богдана Хмельницкаго. Что же касается татаръ, то въ доказательство противуположнаго тому, что говорятъ Величко и Кунаковъ, кромѣ предшествующаго приведемъ еще рядъ извѣстій о томъ, какъ польскія власти наблюдали за движеніями татаръ въ степяхъ.

Отъ 29 марта (по римскому календарю) Адамъ Кисель писалъ къ сѣвскому воеводѣ: „на сей сто-

ронѣ Днѣпра отъ Очакова орды нѣтъ, только двѣ или три тысячи, вся на крымской сторонѣ; а вы намъ о нихъ вѣсть давайте". Въ томъ же смыслѣ писалъ онъ о татарахъ и къ московскимъ боярамъ (отъ 3 апрѣля); извѣщая при томъ, что на него съ паномъ кастеляномъ краковскимъ возложено наблюденіе, какъ татары отнесутся къ бѣжавшимъ на Запорожье черкасамъ, онъ прибавлялъ: „ханъ крымскій прислалъ къ намъ дружиться съ нами; аще ли же вѣдаючи сходство наше съ однимъ великимъ государемъ, хочетъ дружбы,—лесть есть". Упомянутый здѣсь крымскій посолъ обѣщалъ панамъ, что крымскій царь хочетъ съ королемъ жить мирно и измѣнниковъ черкасъ не будетъ принимать *). Паны такимъ татарскимъ заявленіямъ, конечно, не вѣрили; да и вскорѣ обозначилось, какъ читаемъ въ письмѣ Потоцкаго къ королю, что Богданъ Хмельницкій „осмѣлился нѣсколько сотъ татаръ, стоявшихъ наготовѣ у Днѣпра, перевесть на правый берегъ, чтобы разогнали польскую стражу, разставленную по разнымъ дорогамъ".

Но еще въ то время, когда можно было сомнѣваться въ союзѣ татаръ съ казаками, польскія власти заботились остановить нашествіе степняковъ на свои украйны и чрезъ посредство вліянія на Крымъ турецкаго султана. Въ крымскихъ вѣстяхъ читаемъ:

„28 апрѣля сказывалъ посланникамъ полоняникъ воронежецъ Евѳимъ Прибытковъ: былъ-де онъ въ Бакчисараяхъ и слышалъ отъ русскихъ

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 3, №№ 164, 167, 166 и 182.

людей полоняниковъ, что царь и нурадынъ царевичъ на литовскую землю войною идутъ вскорѣ...

„И апрѣля 29 посылали мы въ Бакчисарай переводчика Кучукая, а велѣли ему про царевъ походъ провѣдать: вскорѣ ли походъ его на литовскую землю будетъ?

„И мая во 2 день сказывалъ посланникамъ переводчикъ Кучукай: пошелъ-де царь и нурадынъ царевичъ на литовскую землю войною мая 1 дня, а съ ними-де пошли ближніе люди Сеферъ-газы-ага да казначей Субганъ-газы-ага и мурзы и татаровя многіе люди; а стоять-де царю и нурадыну царевичу на Альмѣ рѣкѣ въ верховьѣ три дни и сжидаться съ воинскими людьми. А Бакчисарай-де и дворъ свой царь приказалъ до себя вѣдать чиновному человѣку Муфтѣ-ефендію. Да сего же числа поутру пріѣхалъ изъ Царь-града чеушъ съ тѣмъ, чтобы царь на литовскую землю войною не ходилъ, потому что у турскаго салтана съ французскими нѣмцы бой, французжане турскихъ людей подъ городомъ Малтомъ побили многихъ.... и только-де крымскій царь на литовскую землю войною пойдетъ, и польскій-де король за тое войну, сослався съ французскими нѣмцы, не наступилъ бы на турскую землю.“

6-го мая были присланы въ Крымъ лядскіе плѣнники, три человѣка, и при этомъ получена вѣсть: „бѣлорусцы, что ѣхали рѣкою Днѣпромъ въ судахъ на Кодакской перевозъ, ляховъ, что съ ними были, побили и стали съ черкесами заодно, а съ крымскими людьми биться не станутъ“. Эта вѣсть

разрѣшила сомнѣніе хана и онъ, несмотря на совѣтъ султана, пошелъ на литовскую землю войною.

И такъ посольства изъ Польши въ Константинополь съ просьбою запретить крымскому хану помогать казакамъ не имѣли никакого результата. Впослѣдствіи, когда успѣхи Богдана Хмельницкаго съ Тогай-беемъ дали возможность самому хану со всею ордою принять участіе въ раззореніи польскаго государства, онъ въ письмѣ на имя короля объяснялъ свои поступки такимъ образомъ: „такъ какъ издревле установлено, чтобы вы платили намъ дань, то мы, сдѣлавшись государемъ, послали къ вамъ пословъ для полученія дани и для возобновленія древней дружбы и братства между нами. Но по наущенію дьявола вы забыли древнюю нашу дружбу и братство, потому что пословъ нашихъ отослали съ неучтивымъ отвѣтомъ и не только не прислали обычной дани, но еще писали къ намъ, что мы въ теченіе продолжительнаго времени уже набрали себѣ много плѣнныхъ и сокровищъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ вашихъ пришли на границу и причинили много вреда. Такъ какъ вы въ продолженіе четырехъ лѣтъ ничего не прислали изъ платимой вами дани, то свѣтлѣйшій и могущественнѣйшій нашъ повелитель объявилъ, что мы можемъ напасть на васъ и вторгнуться въ вашу область, если намъ не будетъ уплачена дань. Послѣ того, когда взбунтовались казаки днѣпровскіе и неотступно просили насъ идти къ нимъ на помощь съ нашимъ войскомъ, мы съ большимъ войскомъ пошли на встрѣчу гетману, и онъ, по милости Божіей, былъ нами со всѣхъ

сторонъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Потомъ мы выступили снова противъ самого гетмана со многими знатными лицами и, по милости Божіей, побѣдили его и взяли въ плѣнъ со всѣми знатными лицами. Войска турецкія всегда были побѣдоносны. Казаки, видя это и желая воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, умоляли насъ идти до самаго престола королевскаго; но соблюдая священный договоръ и честь нашего султана, мы не согласились на то и, отозвавъ войско, возвратились въ свои земли. И такъ если вы желаете древней дружбы и братства, то уплатите намъ полную дань за четыре года. Когда вы это исполните, то и съ нашей стороны не получите никакой обиды, и казаковъ удержите на ихъ древнихъ правахъ и вольностяхъ“ *) и т. п.

Послѣ всего теперь изложеннаго приведемъ вполнѣ довольно обширный разсказъ Величка о заключеніи Богданомъ Хмельницкимъ союза съ Крымомъ:

„Пріѣхавши въ Бакчисарай и хану крымскому о себѣ извѣстивши, получилъ Хмельницкій по приказу ханскому квартиру у одного знатнаго и богатаго армянина, отъ котораго, также по приказу ханскому, въ кормахъ и напиткахъ всякое было Хмельницкому съ товариществомъ его довольство вплоть до того времени, покуда изъ Крыму выѣхалъ. Хмельницкій, съ недѣлю на квартирѣ своей прожившп и съ нѣкоторыми мурзами обознавшись, просилъ ихъ о докладѣ хану, чтобъ могъ съ нимъ видѣться и свои нужды предложить. Когда тѣ мурзы доложили о томъ хану, тогда тотчасъ же

*) Пам. Кіевск. Комм. т. 1, отд. III, № 14.

на другой день велѣно Хмельницкому прійти до хана, который когда прибылъ въ избу ханскую, тогда любезно былъ отъ самого хана, а не черезъ толмача привѣтствованъ и поздравленъ, потому что Хмельницкій тому хану изъ прежде бывшихъ военныхъ оказій былъ отчасти вѣдомъ и знаемъ. Къ тому же и то ему Хмельницкому было за особливое счастье, что ханъ добре зналъ языкъ казацкій, а поэтому и толмачъ не былъ призываемъ, но всѣ нужды и интересы Хмельницкаго самъ ханъ выслушивалъ и самъ на все отвѣтствовалъ. Послѣ этого мало не каждый день Хмельницкій бывалъ у хана и о всемъ, о чемъ надлежало, разговаривалъ наединѣ и публично, прося прилежно войска крымскаго въ помощь себѣ на поляковъ. Это ханъ хотя и не отмолвлялъ вполнѣ, однакоже долго о томъ размышлялъ и съ мурзами своими совѣтовался, дать ли войска Хмельницкому или не дать. Такъ какъ ханъ домыслился и до того, что Хмельницкій не нарочно ли отъ ляховъ въ Крымъ выправленъ, чтобы обманомъ ввести орду въ Польшу и чрезъ готовыя войска лядскія оную выгубить. Объ этомъ сомнѣніи ханскомъ когда Хмельницкій отъ нѣкоторыхъ знаемыхъ мурзъ былъ увѣдомленъ, тогда чрезъ тѣхъ же мурзъ передалъ до хана, что не только готовъ въ томъ присягнуть, что безъ всякаго обмана и лести потребуетъ войска крымскаго на поляковъ, но даже и сына своего при боку ханскомъ, для лучшаго вѣроятія, въ закладъ оставить готовъ. То ханъ услышавши, радъ тому былъ и до всѣхъ желаній Хмельницкаго склоннѣйшимъ началъ являться. Тогда однажды, по довольныхъ разговорахъ и при многихъ мурзахъ и иныхъ начальникахъ крымскихъ, когда потребовалъ ханъ отъ Хмельницкаго обѣщанной присяги подлугъ своего бусурманскаго обычая, тогда Хмельницкій велѣлъ дать себѣ саблю ханскую, которая

когда принесена и дана была ему въ руки, тогда онъ, вынявши ее изъ ноженъ, предъ лицемъ ханскимъ поцѣловалъ въ голое желѣзо и такую всѣмъ въ слухъ вымолвилъ роту: „Боже всея видимыя и невидимыя твари создателю и помышленій людскихъ свѣдче! присягаю Тебѣ на томъ, если что потребую и попрошу у его ханской милости на помощь себѣ войска крымскаго, то потребую по правдѣ и истинѣ, безъ всякаго коварства и измѣны; а еслибъ иначе имѣло бы дѣлаться со стороны моей, ко вреду его ханской милости, то допусти мя, Боже, того, дабы тоюже саблею животъ мой покончень и глава отъ тѣла моего стала отлучена“. Послѣ этой Хмельницкаго присяги ханъ какъ самъ, такъ и всѣ начальники крымскіе, тогда при ханѣ бывшіе, тотчасъ учинились радостны и дали Хмельницкому руки на томъ, что помогать ему на поляковъ и покуда скончается война, завсегда быть готовыми. Да къ тому же они и свои особыя на поляковъ имѣли претензіи изъ-за поминковъ, издавна отъ поляковъ въ Крымъ давать обѣщанныхъ, и уже чрезъ немалое время не высылаемыхъ. По таковомъ приговорѣ и постановленіи Хмельницкій остался въ Бакчисараѣ до праздника Пасхи, который былъ 2 апрѣля того же 1649 (1648) года (2 апрѣля, по римскому календарю, приходилось въ пятницу на Страстной недѣлѣ), и ежедневно у хана бываючи, всегда имѣлъ невозбранную съ нимъ конференцію. А тѣмъ временемъ приказалъ ханъ знатному и важному мурзѣ крымскому Тугай-бею съ четырехъ-тысячной ордою крымскою готовиться въ походъ съ Хмельницкимъ на Украйну казацкую. Между праздниками пасхальными когда гулялъ Хмельницкій на своей квартирѣ, каковая была недалеко отъ двора ханскаго, велѣлъ онъ часто стрѣлять казакамъ своимъ изъ мушкетовъ; тогда ханъ, стукъ мушкетный послышавши, спросилъ своихъ слугъ

домашнихъ: кто это и для какихъ причинъ стрѣляетъ? На что тогда отвѣчено хану, что то стрѣляютъ казаки Хмельницкаго на своей квартирѣ, празднуючи радостный праздникъ Господень, что подлугъ бусурманскаго нарѣчія Байрамъ великій; тогда ханъ съ таковою явился дискрециею къ Хмельницкому, что тотчасъ изъ дому своего на квартиру его приказалъ отослать три куфи вина, пять быковъ и пятнадцать барановъ. Хмельницкій по полученіи велѣлъ казакамъ своимъ пить, гулять и частѣйше изъ мушкетовъ палить. Послѣ праздниковъ воскресенскихъ просилъ Хмельницкій хана объ отпускѣ себя изъ Крыма на Украйну, и приведши сына своего старшаго Тимоша предъ хана, вручилъ ему въ опеку и въ закладъ до времени приличнѣйшаго, которому ханъ на той же квартирѣ у армянина велѣлъ жить, гдѣ и самъ Хмельницкій стоялъ, а съ дворомъ ханскимъ и съ мурзами крымскими обознаваться, кормъ также и всякое довольство ему Хмельниченковѣ съ людьми, при немъ будучими, съ двора ханскаго на квартиру его помѣсячно выдавано, съ особливымъ хозяину его армянину приказомъ, чтобъ не безъ дискреціи обходился съ своимъ гостемъ, сыномъ Хмельницкаго. Предъ выѣздомъ Хмельницкаго призванъ былъ предъ хана упомянутый Тугай-бей мурза и получилъ отъ него ординансъ, чтобъ съ назначеннымъ четырехъ-тысячнымъ числомъ орды крымской ѣхалъ при Хмельницкомъ на Украйну и подъ его пребывая командою, во всѣхъ военныхъ случаяхъ на поляковъ былъ ему поволенъ и послушенъ, при заботѣ объ интересахъ войска своего крымскаго. А на самомъ выѣздѣ изъ Бакчисарая, въ четвертокъ апрѣля 13, Хмельницкій съ нѣсколькими своими товарищами и сыномъ, а также и съ Тугай-беемъ мурзою былъ у хана на обѣдѣ, гдѣ былъ довольно учрежденъ и увенерованъ; а при отклонѣ та-

ковую ханскую получилъ милость Хмельницкій, что былъ одаренъ отъ него панцыремъ черкесскимъ съ мисюркою и карвашами, съ сайдакомъ моднимъ, съ лукомъ, стрѣлами и саблею подъ позолотою черкесскими жъ, двумя конми барзо формними подунайскими, въ сѣдлахъ и рондахъ легкихъ але вельце модних черкесскихъ, анчаркою вишменитою, наконецъ кафтаномъ рожевимъ добраго и богатаго златоглаву и кунтушемъ найпреднѣйшаго темнозеленаго сукна французскаго, найвиборнѣйшими подшитій сѣберками; то все тогда же шацовано на три либо и четыре тысячи левовъ. Получивъ эти подарки отъ хана, Хмельницкій, благодарно принявши и низкимъ поклономъ простившись, силенъ и шуменъ отъ вина ханскаго будучи, радостно отъѣхалъ съ Тугай-беемъ и ордою отъ Бакчисарая въ предлежащій на Украйну путь“. Къ этому Величко прибавляетъ: „не выражаю тутъ подробно того, каковымъ провіантомъ Хмельницкій отъ хана на дорогу вспоможенъ, то только докладаю, что хлѣбомъ, мясомъ и виномъ, какъ бы сынъ отъ отца, изобильно былъ одаренъ и вспоможенъ; также и товарищество его все не безъ дишкреціи ханской, но ударованы сукнами, мусельбесами и сафьянами будучи, съ Крыму съ Хмельницкимъ отъѣхали... Отъѣхавши тогда Хмельницкій съ Тугай-беемъ и съ ордою отъ хана, спѣшилъ въ дорогѣ такъ, что переправившись у Кизикерменя Днѣпръ, на пятый день сталъ въ Сѣчи Запорожской, апрѣля 18; а Тугай-бею съ ордою велѣлъ стояти у Базувлука.“

Сличивъ этотъ разсказъ Величка съ другими источниками, надѣемся, согласятся съ нами, что онъ составленъ историческимъ романистомъ. Притомъ основное извѣстіе, изъ котораго онъ развилъ свой занимательный разсказъ, не вполнѣ достовѣрно. Величко и здѣсь ссылается на прежній свой источ-

никъ, діаріушъ Зорки. Съ своей стороны и мы, отлагая разборъ достовѣрности этого таинственнаго источника до конца изслѣдованія, замѣтимъ, что участникъ событія, какимъ былъ Зорка, по словамъ Величка, едва ли впалъ бы въ такую грубую ошибку, какую на основаніи его сдѣлалъ Величко: у послѣдняго союзъ съ татарами заключенъ Богданомъ Хмельницкимъ по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ позднѣе того времени, къ которому относятъ это событіе достовѣрные источники.

ГЛАВА IX.

ПОЛЬСКІЯ ВЛАСТИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВЪ ОЖИДАНІИ БУНТА.

Лицу, ставшему во главѣ казаковъ при такихъ обстоятельствахъ, какъ случилось съ Богданомъ Хмельницкимъ, трудно было оставаться спокойно жить въ Сѣчи Запорожской, а необходимо было что нибудь предпринять. Предпріятія, на которыя обыкновенно могли рѣшаться казацкіе вожди, довольно извѣстны. Прежде всего Богданъ Хмельницкій съ толпою запорожцевъ могъ отправиться въ морской походъ раззорять жилища невѣрныхъ; или для того же грабежа идти на западъ въ Молдавію. Затѣмъ, казаки могли броситься на Украйну мстить своимъ врагамъ, истреблять тамъ государственные порядки, вводя вмѣсто нихъ казацкіе и даже защищая при этомъ какіе нибудь народные интересы.

„Подобно Богдану Хмельницкому обиженные, которыхъ было немалое число въ низовыхъ краяхъ и на морскихъ островахъ, избрали его себѣ вож-

демъ“,—говорится въ жалобѣ послѣдняго. Но онъ очень хорошо зналъ, что и на Украйнѣ есть много такихъ же обиженныхъ, которые были не прочь вмѣстѣ съ запорожцами отмстить врагамъ. Однако же, можно было говорить между казаками о православіи и русской народности, но думалъ ли дѣйствительно Богданъ Хмельницкій, находясь на Запорожьи, прямо начинать борьбу съ государствомъ за эти интересы или же только мстить свои обиды? Все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыми обставлялось его дѣло.

Покуда Богданъ Хмельницкій находился на Украйнѣ, паны совсѣмъ его не цѣнили; когда же онъ бѣжалъ, то не только оцѣнили по достоинству, но даже подняли его въ своемъ мнѣніи на такую высоту, о которой онъ никогда не мечталъ. Мы уже видѣли, въ чемъ выразилась эта оцѣнка пановъ для Богдана Хмельницкаго, когда онъ явился на Запорожье: власти начали тамъ его преслѣдовать; теперь же посмотримъ, какъ она въ то же время выразилась въ дѣйствіяхъ этихъ властей на Украйнѣ.

Объ этомъ предметѣ мы имѣемъ извѣстія нѣсколькихъ оффиціальныхъ документовъ, принадлежащихъ самимъ польскимъ властямъ. Среди этихъ документовъ на первомъ планѣ стоитъ письмо короннаго гетмана Николая Потоцкаго къ королю Владиславу. Его мы беремъ руководящимъ себѣ источникомъ для теперешней главы нашего изслѣдованія *).

*) Времени составленія этого письма на напечатанномъ его текстѣ въ Памятникахъ (т. I, III № 2) не обозначено; но по

На основаніи письма Потоцкаго мы, нисколько не ошибаясь, можемъ сказать, что какъ только бѣжавшій изъ Украйны Богданъ Хмельницкій началъ играть видную роль между низовыми казаками, то имъ занялись въ Малороссіи не только войсковыя власти, но и значительная часть общества пановъ. Между ними начались разнообразные толки по поводу этого дѣла: одни положительно презирали бѣглеца, другіе приходили въ ужасъ отъ его предполагаемыхъ замысловъ. Громадное большинство было за послѣдними; Богданъ Хмельницкій все болѣе и болѣе росъ въ ихъ воображеніи. Отъ толковъ между панами дѣло дошло до того, что нако-

---

фактамъ, въ немъ упоминаемымъ, его можно отнести къ послѣднимъ числамъ марта мѣсяца (по старому календарю) 1648 года. Этотъ документъ не какос нибудь случайное письмо короннаго гетмана къ королю о дѣлахъ ему подвѣдомственныхъ; это есть отчетъ главнокомандующаго войсками съ объясненіемъ своихъ поступковъ. Оно вызвано разнообразными и многочисленными мнѣніями высокопоставленныхъ въ правительствѣ лицъ, а въ томъ числѣ и самого короля, о томъ, какъ нужно дѣйствовать при совершающихся событіяхъ. Потоцкій оправдываетъ свои дѣйствія и опровергаетъ чужія мнѣнія. Но по этому письму коронный гетманъ является не только стороною по отношенію къ другимъ польскимъ властямъ; онъ также сторона и по отношенію къ казачеству. Онъ въ настоящее время представитель правительственной системы, вызвавшей казацкій бунтъ, и въ своемъ письмѣ къ королю защищаетъ эту систему. Но для насъ особенно важно, что появленіе на свѣтъ этого письма вызвано между прочимъ тѣмъ, что Богданъ Хмельницкій прислалъ къ коронному гетману свою жалобу; во всякомъ случаѣ эта жалоба занимаетъ не послѣднее мѣсто въ письмѣ Потоцкаго. Въ жалобахъ Богдана Хмельницкаго и всѣхъ казаковъ говорятъ обиженные властями; въ письмѣ же короннаго гетмана власть жалуется на непокорность подчиненныхъ.

нецъ были придвинуты на Украйну войска и прибыли туда сами гетманы: коронный Николай Потоцкій и польный Мартынъ Калиновскій. Вотъ какъ обо всемъ этомъ писалъ первый въ своемъ письмѣ къ королю:

„Не безъ размышленія и основательнаго разсужденія двинулся я въ Украйну съ войскомъ вашей королевской милости, пана и благодѣтеля моего. Я имѣлъ къ тому весьма важныя побужденія, клонившіяся къ защищенію неприкосновенности и достоинства какъ вашего королевскаго величества, такъ самаго отечества и его свободы. Склонила меня къ тому просьба любезныхъ братьевъ, изъ коихъ одни, спасая жизнь и имущество, бѣжали изъ Украйны на поле битвы, другіе, оставаясь въ домахъ своихъ и не полагаясь на силу своего сопротивленія, горячими просьбами умоляли, чтобы я своимъ присутствіемъ и подкрѣпленіемъ спасалъ Украйну и спѣшилъ потушить гибельное пламя, которое до того уже разгорѣлось, что не было ни одной деревни, ни одного города, въ которомъ бы не раздавались призывы къ своеволію и гдѣ бы не замышляли на жизнь и имущество своихъ пановъ и державцевъ, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ и часто подавая жалобы на обиды и притѣсненія. Это было только предлогомъ къ мятежамъ, потому что не столько ихъ терзали обиды и притѣсненія, какъ водвореніе законнаго порядка въ ихъ республикѣ“.

Поводомъ ко всѣмъ этимъ страшнымъ, будто бы уже начавшимся волненіямъ народа, были затѣи человѣка, недавно бѣжавшаго изъ Украйны, и всѣхъ казаковъ:

„Ничего незначущею казалось бы шайка изъ 500 человѣкъ бунтовщиковъ; но если разсудить, съ какою смѣлостію и надеждою взбунтовались они, то каждый долженъ признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться противъ 500 человѣкъ... Если бы я до того времени не употребилъ скораго противодѣйствія, то на Украйнѣ поднялось бы пламя, которое моглобы быть потушено не скоро или большими силами“.

Однакоже, не только по дальнѣйшимъ словамъ Потоцкаго, но и уже по приведеннымъ можно заключить, что состояніе малороссійскаго населенія было далеко не таково, какъ онъ хочетъ его представить. Все основано на предположеніи; въ дѣйствительности же не было никакой видимой опасности не только для цѣлаго края, но и для имущества частныхъ лицъ. Какъ бы болѣе подтверждая это наше заключеніе, Потоцкій далѣе пишетъ:

Хотя же я и двинулся въ Украйну, но двинулся не для пролитія крови христіанской и въ свое время необходимой для республики, но я двинулся для того, чтобы не обнажая меча, однимъ страхомъ прекратить войну и тѣмъ оказать услугу вашей королевской милости. До сихъ поръ войско вашей королевской милости не пролило ни од-

ной капли казацкой крови и не прольетъ, если казаки, оставивъ безразсудство свое и дерзость, повинятся и перестануть упорствовать".

И такъ, волненія въ народѣ и между казаками на Украйнѣ не было; волновались только 500 человѣкъ, находившихся гдѣ-то далеко въ степяхъ. Но и по отношенію къ послѣднимъ дерзость и смѣлость, о которыхъ пишетъ Потоцкій, оказывается только произведеніемъ его собственнаго воображенія. Низовые казаки всегда были смѣлы для того, чтобы свергнуть на Запорожьи одну кошевую старшину и выбрать на ея мѣсто другую; но на это обыкновенно никто не обращалъ вниманія, такъ какъ то былъ исконный, весьма часто повторявшійся обычай войсковой.

Во всякомъ случаѣ, въ виду явныхъ преувеличеній Потоцкаго, мы, кажется, имѣемъ право сказать, что въ его словахъ („на Украйнѣ часто подаютъ жалобы, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ" и т. д.) слѣдуетъ разумѣть не болѣе какъ единичный случай. Полагаемъ, что здѣсь имѣется въ виду только одинъ процессъ Богдана Хмельницкаго съ Чаплинскимъ. Самому же Потоцкому подалъ жалобу на обиды всего одинъ человѣкъ, опять тотъ же Богданъ Хмельницкій; притомъ и на это, какъ сейчасъ увидимъ, онъ былъ вызванъ тѣмъ же Потоцкимъ. Содержаніе послѣдней жалобы намъ хорошо извѣстно и о ней, кажется, нельзя дѣлать такихъ рѣзкихъ приговоровъ, какіе встрѣчаемъ у Потоцкаго. Но можетъ быть Потоцкій имѣетъ въ виду еще ту челобитную Бог-

дана Хмельницкаго, которую тотъ подавалъ о выдачѣ привилія на Субботово. Тамъ дѣйствительно челобитчикъ, надо полагать, напоминалъ о своихъ заслугахъ и результатомъ просьбы былъ извѣстный королевскій привилій. Если именно это имѣетъ въ виду Потоцкій, то въ такомъ случаѣ приведенныя его слова должно считать упрекомъ самому королю: не выдай послѣдній сутягѣ Хмельницкому привилія, дѣло бы давно кончилось; во всякомъ случаѣ, вѣроятно, оно не разыгралось бы до непріятныхъ для всѣхъ послѣдствій.

Прежде польскія власти въ Малороссіи не обращали вниманія на жалобы Богдана Хмельницкаго; теперь же дѣло дошло до совершенно противуположнаго.—Вотъ что далѣе пишетъ Потоцкій:

„Хотя я и знаю, что этотъ безразсудный человѣкъ Хмельницкій не преклоняется кротостію, не смотря на то, не одинъ уже разъ посылалъ я къ нему“.

Опять сомнѣваемся въ неоднократности факта; но посмотримъ сначала, зачѣмъ посылалъ Потоцкій къ бунтовщикамъ:

...„посылалъ я къ нему предлагая выйти изъ Запорожья, обѣщая ему помилованіе и прощеніе всѣхъ его проступковъ. Но это на него нисколько не дѣйствуетъ; онъ даже удержалъ моихъ посланцовъ“.

Не подразумѣвается-ли здѣсь подъ этими посланцами погоня за Богданомъ Хмельницкимъ, когда тотъ бѣжалъ изъ Запорожья? Такое наше заключеніе объ этихъ словахъ Потоцкаго, полагаемъ, нельзя принять за натяжку. Онъ желаетъ выка-

зать себя съ самой лучшей стороны, начальникомъ, который употребилъ всевозможныя мирныя средства для укрощенія взбунтовавшагося подчиненнаго. Потоцкій пересчитываетъ по своему всѣ главные факты дѣла Богдана Хмельницкаго, но при этомъ совсѣмъ не упоминаетъ прямо о погонщикахъ.

Далѣе изъ словъ Потоцкаго оказывается, что въ заключеніе онъ дѣйствительно вступилъ въ мирные переговоры съ Богданомъ Хмельницкимъ:

„Наконецъ изъ войска я посылалъ къ нему пана Хмелецкаго, ротмистра вашей королевской милости, человѣка дѣльнаго и очень хорошо знающаго характеръ казацкій, убѣждая отстать отъ мятежей и увѣряя словомъ своимъ, что и волосъ съ головы его не спадетъ. Оскорбленный этою снисходительностію, Хмельницкій отпустилъ моихъ пословъ ко мнѣ съ слѣдующими требованіями“.

Здѣсь нужно понимать слова — „Хмельницкій отпустилъ моихъ пословъ“—въ томъ смыслѣ, что былъ отпущенъ Хмелецкій съ товарищи. Что же касается того, будто Богданъ Хмельницкій отпустилъ пословъ короннаго гетмана, „оскорбленный снисходительностію“, то полагаемъ, что вступленіемъ въ переговоры съ такою важною особою оскорбляться казаку положительно было нельзя. Кромѣ того, Хмелецкаго отпустили изъ Сѣчи безпрепятственно и потому, что онъ былъ дѣйствительно посолъ, а не какой нибудь погонщикъ.

Наши постоянныя сомнѣнія въ точности извѣстій письма Потоцкаго основываются между прочимъ

и на томъ, какъ онъ превратно изложилъ требованія Богдана Хмельницкаго. Они будто бы состояли въ слѣдующемъ:

„Во первыхъ, чтобы я съ войскомъ выступилъ изъ Украйны; во вторыхъ, чтобы полковниковъ и всѣхъ ихъ подчиненныхъ изъ полковъ удалилъ; въ третьихъ, чтобы установленное устройство республики (казацкой) уничтожилъ и казаки должны оставаться при такихъ правахъ (Потоцкій не говоритъ, въ чемъ именно должны состоять эти права) посредствомъ которыхъ они могли бы не только ссорить насъ съ посторонними (надо полагать, съ татарами), но и поднять свою нечестивую руку какъ на величество блаженной памяти предшественниковъ и предковъ вашей королевской милости, такъ и на величество васъ самихъ“.

На первый взглядъ невозможно и подумать, что здѣсь излагается содержаніе извѣстной намъ жалобы Богдана Хмельницкаго на его обиды; однако же въ дѣйствительности это такъ. Конечно, можно утверждать, что жалоба была послана сама по себѣ, а все, что здѣсь читаемъ, высказано на словахъ пану Хмелецкому отъ бунтовщика. Но самъ же Потоцкій тутъ же рядомъ дѣлаетъ такое поясненіе къ предыдущему, что оно убиваетъ его:

„Ясно видно, что къ такой цѣли стремится его честолюбіе“.

Но мы и помимо этого утверждаемъ, что Богданъ Хмельницкій положительно не могъ выставить указываемыхъ Потоцкимъ требованій. На нихъ даже

не встрѣчаемъ и намека въ жалобѣ всѣхъ казаковъ на ихъ обиды, въ жалобѣ, составленной послѣ блестящихъ побѣдъ надъ правительственными войсками. Богданъ Хмельницкій, находясь еще на Запорожьи, на увѣщаніе Хмелецкаго возвратиться на Украйну только вручилъ ему свою жалобу. Въ ней, какъ мы видѣли, Богданъ Хмельницкій связалъ свои личныя обиды съ общими всѣмъ казакамъ. Однакоже удивительно, какимъ образомъ коронный гетманъ, на основаніи этихъ послѣднихъ пунктовъ, дошелъ до указанныхъ своихъ предположеній. Ясно только одно, что эта жалоба показалась Потоцкому величайшею дерзостію, требованіемъ неслыханныхъ правъ. Ему уже представлялось, что казаки не только стремятся

„сокрушить учрежденное вашею королевскою милостію правительство и начальство старшихъ, но желаютъ также самостоятельно властвовать на Украйнѣ, заключать договоры съ иностранцами и посторонними государями и дѣлать всё, что только угодно ихъ волѣ и желанію“.

Эти слова Потоцкаго замѣчательны какъ пророчество, произнесенное безъ всякаго основанія въ дѣйствительно существовавшемъ.

Если Богданъ Хмельницкій при составленіи своей жалобы долженъ былъ волноваться, то и противникъ при полученіи ея, какъ видно, тоже потерялъ спокойствіе. Потоцкій, вѣроятно, оскорбленъ былъ прежде всего своимъ промахомъ: онъ, знаменитый аристократъ, глава государственныхъ войскъ, первый обратился къ Хмельницкому. Оскорбленіе

еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что тотъ, не цѣня такого къ нему снисхожденія, вмѣсто безусловной покорности шлетъ къ начальству написанную съ такимъ достоинствомъ жалобу. Тутъ уже роли перемѣняются: не Потоцкій къ Богдану Хмельницкому, а какъ бы послѣдній къ первому, не смотря на его безразсудныя требованія, обратился снисходительно, съ кротостію, направляя его на прямой путь: слѣдуетъ-де прежде, чѣмъ требовать покорности, исправить обстоятельства, вызывающія непокорность.

Разбирая пункты жалобы Богдана Хмельницкаго, мы нисколько не желали представлять его дѣло такъ, какъ онъ этого хотѣлъ; мы подвергали почти каждое его слово сомнѣнію. Если мы такъ относились къ одной сторонѣ, то почему же должны относиться иначе къ другой? Сравнивая теперь между собою двухъ, лицомъ къ лицу стоящихъ противниковъ, невольно приходится выразить полное свое сочувствіе величію гонимаго въ сравненіи съ низостію и пошлостію гонителя. Богдану Хмельницкому въ случаѣ малѣйшей неудачи,—а ее слѣдовало ждать навѣрное, — предстояло быть изжареннымъ въ мѣдномъ быкѣ на варшавской площади. И при такой непривлекательной перспективѣ онъ прямо, не робѣя смотритъ въ глаза смерти. Потоцкій же, этотъ могущественный человѣкъ, который при сильнѣйшемъ пораженіи (а что онъ попадется татарамъ въ плѣнъ, объ этомъ и думать было нелѣпо) могъ быть вполнѣ увѣренъ, что спокойно воротится въ свои замки, не потеряетъ своей должности и даже по прежнему

будетъ считаться опытнымъ полководцемъ. И онъ при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ растерялся до того, что даже не постарался сохранить своего внѣшняго спокойствія. Кто его заставлялъ налгать и наговорить всякаго вздора въ своемъ письмѣ къ королю?

Если Богданъ Хмельницкій не могъ выставить правительству требованій, указываемыхъ Потоцкимъ, то съ другой стороны онъ и не хотѣлъ превратиться въ человѣка, для котораго единственная цѣль жизни грабежъ и добыча. Нѣкоторые изъ пановъ думали, а можетъ быть только хотѣли таковымъ представить Богдана Хмельницкаго, что онъ намѣренъ идти на море для грабежа и съ этою цѣлію не только подбираетъ себѣ товарищей въ низовьи Днѣпра, но и отправится для того же на Донъ. Въ ошибочности такого мнѣнія панамъ, кажется, скоро пришлось убѣдиться. Такъ тотъ же Потоцкій пишетъ:

„Для предохраненія отечества отъ этого зловреднаго человѣка есть у вашей королевской милости сильныя средства, именно то средство, которое ваша королевская милость предлагать изволили: дозволить мятежникамъ побѣгъ на море, сколько имъ угодно будетъ. Не расположенъ Хмельницкій къ тому, чтобы выйти на море, но чтобы въ прежнемъ жить своеволіи и чтобы ниспровергнуть священныя узаконенія республики, для утвержденія которыхъ употреблено много трудовъ и стараній и много пролито благородной крови“.

Впрочемъ все это Потоцкій, можетъ быть, написалъ для опроверженія мнѣнія короля, для доказательства справедливости и основательности своихъ дѣйствій.

Почему однако Потоцкій придаетъ такое важное значеніе шайкѣ, по его же словамъ, только въ 500 человѣкъ? Почему онъ испугался до того, что считаетъ требованіе удовлетворенія обидъ посягательствомъ къ разрушенію государственныхъ порядковъ? На это самъ же Потоцкій даетъ одинъ, но вполнѣ ясный отвѣтъ. Онъ указываетъ, что и сверхъ 500 человѣкъ, которые составили шайку въ степяхъ, средства Богдана Хмельницкаго къ бунту громадны.

„Каждый долженъ признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться противъ 500 человѣкъ; потому что эти 500 подняли бунтъ въ заговорѣ со всѣми казацкими полками и со всею Украйною... Что онъ (Хмельницкій) давно обдумалъ, какъ бы начать бунтъ и какъ дѣйствовать, въ этомъ ваша королевская милость убѣдиться изволите, обративъ вниманіе на число его сообщниковъ, простирающееся въ настоящее время до 3.000.“

Другіе паны за это же время говорятъ, что около Богдана Хмельницкаго было только 1.500 человѣкъ. Далѣе:

„Сохрани Богъ, чтобы онъ вошелъ съ ними въ Украйну. Тогда бы эти три тысячи быстро возросли до ста тысячъ, и намъ была бы трудная работа съ этими бунтовщиками.“

Здѣсь Потоцкій отчасти правъ: средства Богдана Хмельницкаго къ бунту на Украйнѣ могли быть именно таковы, какъ говоритъ коронный гетманъ. Но, какъ мы знаемъ, они явились не вслѣдствіе строго и заранѣе обдуманнаго заговора, а потому что предшествующія обстоятельства приготовили ихъ для всякаго бунтовщика. Впрочемъ все, что здѣсь говоритъ Потоцкій, могло случиться только въ будущемъ, а въ настоящее время отъ польскихъ властей зависѣло предупредить опасность. Сейчасъ увидимъ, что совѣтовалъ сдѣлать для этого король; но паны устранили его предложеніе, оставили дѣла на Украйнѣ въ прежнемъ положеніи и не хотѣли допустить разрѣшенія непріятнаго для нихъ вопроса сверху. Но если Потоцкій, объявляя объ опасностяхъ для страны отъ могущаго начаться казацкаго бунта, былъ въ извѣстной мѣрѣ правъ; то съ другой стороны онъ не указываетъ никакихъ мирныхъ средствъ для предупрежденія этого бунта; скорѣе можно предположить, что онъ находится на сторонѣ того мнѣнія, что къ мирнымъ средствамъ уже поздно теперь приступать.

Все, что здѣсь мы изложили на основаніи письма Потоцкаго, относится главнымъ образомъ къ выясненію взгляда нѣкоторыхъ польскихъ правительственныхъ лицъ на дѣло Богдана Хмельницкаго. Теперь же посмотримъ, какъ въ дѣйствительности власти наблюдали за тѣми, которыхъ они считали бунтовщиками, и какъ готовились дать имъ отпоръ или даже на нихъ напасть. Вотъ извѣстные намъ факты объ этомъ предметѣ.

Отъ 23 февраля (не видно, по какому календарю) Адамъ Кисель въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ извѣщалъ, что собранныя передъ этимъ „близко тридцати тысячъ войска збройнаго и панцырнаго и Войска Запорожскаго шесть тысячъ,“ на случай нападенія татаръ на Украйну, теперь по причинѣ зимы, когда нѣтъ опасности, возвращаются по домамъ. Къ этому Адамъ Кисель прибавлялъ: „войска сенаторскія во-свояси отходятъ, а войско квартянное сюда на Украйну притягнуло и стало въ черкасскихъ казацкихъ мѣстахъ, потому что казаки черкасцы одного полковника своего чигринскаго здрадили (измѣнили ему); и здѣсь до травы квартянное войско будетъ, наблюдая за ордою, какъ она будетъ дѣйствовать. Полки же не только насъ сенаторовъ, но и изъ дальнихъ мѣстъ готовятся, если будетъ потребно, противъ орды“. — Отъ 28 марта (по римскому календарю) Адамъ Кисель писалъ къ тому же путивльскому воеводѣ: „Еще о томъ даю тебѣ вѣдомость, а ты къ царскому величеству отпиши, что нѣкоторая часть, тысяча или мало больше, своевольниковъ казаковъ черкасъ сбѣжали на Запорожье; а старшимъ у нихъ простой холопъ, нарицается Хмельницкій, и думаютъ донскихъ казаковъ подбить на море; а то бы было обоихъ великихъ государствъ нашихъ нарушеніе мира съ турскимъ салтаномъ. Про то ясновельможный панъ кастелянъ краковскій и съ нимъ я, воевода брацлавскій, о томъ ворѣ промышлять будемъ. Если онъ сбѣжитъ съ Запорожья на Донъ, и тамъ бы его не принимати, не щадити и на море не пускати. А намъ бы съ вами воевода-

ми быть въ одной думѣ и, какъ въ договорѣ написано, великихъ государей достояніе остерегать.“ Кромѣ извѣщенія украинскихъ воеводъ, паны нашли необходимымъ написать о Богданѣ Хмельницкомъ и прямо къ самому московскому правительству. Однако же не видно, чтобы это послѣднее придавало какому-то вору то важное значеніе, въ которомъ хотѣли его убѣдить союзники. — О томъ, какъ готовились польскія власти дѣйствовать противъ мятежниковъ, узнаемъ еще изъ письма одного изъ польскихъ военачальниковъ (отъ 2 апрѣля, по римскому календарю): „мы расположились полками по наднѣпровью: полкъ его милости пана кастеляна краковскаго стоитъ въ Черкасахъ, пана гетмана напольнаго (Калиновскаго) въ Корсунѣ, полкъ короннаго хорунжего (Конецпольскаго) расположенъ въ Мигрочизнѣ по всѣмъ селеніямъ помѣщичьимъ, полкъ пана Черниховскаго въ Каневѣ и Богуславлѣ. Послѣ праздниковъ Пасхи мы тотчасъ идемъ на Запорожье сухимъ путемъ, а казацкое войско отправляется Днѣпромъ въ челнахъ.“ *)

И такъ паны не только на словахъ придавали важное значеніе Богдану Хмельницкому, но, кажется, и на дѣлѣ готовились напасть на него въ самомъ Запорожьи. Но по поводу этого послѣдняго намѣренія мы должны сдѣлать нѣсколько поясненій. Когда коронный гетманъ въ виду казацкихъ волненій собралъ войска на Украйну, то въ

---

*) Акт. Южн. и Зап. Росс., т. 3, №№ 146, 163 и 167. Пам. Кіевск. Комм. т. 1, отд. III, № 3.

этихъ войскахъ ни одинъ панъ, не исключая и Потоцкаго съ Киселемъ, совсѣмъ не предполагали, что дѣло дойдетъ до военныхъ дѣйствій. Всѣ были увѣрены и надѣялись покончить могущее начаться волненіе одной угрозой присутствія войскъ на Украйнѣ. Всѣ были убѣждены, что не обнажая меча, можно пріобрѣсти славу, и смотрѣли на этотъ походъ, какъ на военную прогулку. Но когда стало почти ясно, что дѣло не можетъ покончиться подобнымъ образомъ, а пожалуй предстоитъ настоящая война, то между панами начались особаго рода волненія. Они стали отыскивать виновныхъ въ этой бѣдѣ. Таковыми, конечно, оказались казацкіе полковники и самъ коммиссаръ, „которые этого пива наварили.“ Подобное состояніе дѣлъ „не мало причиняло заботы пану хорунжему коронному“ Конецпольскому, ссора съ подстаростой котораго, какъ всѣмъ было извѣстно, повела къ бѣгству Богдана Хмельницкаго изъ Украйны. Да къ тому же и послѣдній въ жалобѣ постарался выставить Конецпольскаго почти главнымъ виновникомъ своихъ несчастій. Такъ или иначе, но все это было бы не важно, еслибы такія волненія ограничивались второстепенными лицами или такими, которыя, сами лично не участвуя въ дѣлѣ, говорили, что „не желаютъ дѣлать никакого нападенія на Войско Запорожское“ *) и т. п. Но оказалось, что и руководители дѣла были несогласны между собою.

Потоцкій и Кисель ссорились изъ-за мелочей, выставляя ихъ, какъ главное. Когда это началось между ними, трудно рѣшить; о самомъ же несо-

*) Пам. Кіевск. Комм. т. отд. III, № 9.

гласіи мы узнаемъ изъ документовъ, относящихся ко времени, когда Богданъ Хмельницкій сдѣлался уже побѣдителемъ. Тогда паны начали обвинять побѣжденнаго коронпаго гетмана, настоявшаго на исполненіи своего плана дѣйствій. Въ числѣ обвинителей первымъ явился его товарищъ Адамъ Кисель; онъ упрекалъ Потоцкаго за то, что тотъ не поступалъ согласно съ его совѣтами и поэтому-де проигралъ дѣло. Въ письмѣ къ архіепископу гнѣзненскому (отъ 31 мая, по римскому календарю *) Адамъ Кисель пишетъ; „откуда и какъ возникла теперешняя внезапная опасность и тяжкое несчастіе для республики, объ этомъ подробно объяснено въ моихъ письмахъ къ блаженной памяти королю; потому что несчастное предвидѣніе моего ума, а больше свѣтъ разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось. Видя, что казаки, угнѣтенные болѣе простыхъ хлоповъ и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляютъ единодушный заговоръ подъ руководствомъ возмутителя и побѣдителя (Богдана Хмельницкаго, покуда онъ находился на Сѣчи, очень трудно называть побѣдителемъ. За симъ изъ словъ Адама Киселя видимъ, что и онъ смотритъ на казацкое дѣло одинаково съ Потоцкимъ: оба они толкуютъ объ единодушномъ заговорѣ казаковъ и т. п.), я всѣми силами убѣждалъ его милость пана кастеляна краковскаго не искать одного казака по днѣпровскимъ потокамъ, а лучше всѣхъ казаковъ удерживать въ повиновеніи и допуская для нихъ изъятіе изъ за-

*) Тамъ же, № 7.

коновъ, какъ нибудь приласкать ихъ. Во вторыхъ, я совѣтовалъ не раздроблять многочисленныхъ войскъ на отряды; въ третьихъ, не выпускать за Днѣпръ извѣстія о дальнѣйшемъ мятежѣ казаковъ; въ четвертыхъ, чтобы намъ не пришлось раздражать татаръ въ нашемъ отечествѣ, для этого не нужно высылать войска въ поле, но ожидать, что далѣе станетъ дѣлать измѣнникъ, а между тѣмъ снестись съ беемъ очаковскимъ и съ Крымомъ, чтобы нашъ бѣглецъ Хмельницкій не имѣлъ у нихъ никакого пристанища. Въ случаѣ, еслибы была какая опасность отъ соединенія его съ ордою, то требовать отъ республики вспомогательнаго войска, а самимъ оставаться въ укрѣпленіяхъ. Когда же не хотѣлъ его милость принять моихъ совѣтовъ, то я послалъ ихъ къ блаженной памяти королю его милости. Благоразумнѣйшій государь одобрилъ мое мнѣніе и послалъ повелѣніе, чтобы отправленіе войскъ, одного за Днѣпръ (должно быть, челновой рати), другаго въ степи, было пріостановлено. Но врагъ совѣтовъ, опрометчивость все предупредила и погубила уже себя, насъ и весьма большую часть отчизны.“ Если признать, что все перечисленное Адамъ Кисель дѣйствительно совѣтовалъ Потоцкому, то и при всемъ этомъ онъ, должно быть, здѣсь излишне обвиняетъ своего бывшаго товарища. Сейчасъ же увидимъ, что Потоцкій дѣлалъ, кажется, все то, въ неисполненіи чего упрекаетъ его Адамъ Кисель; единственно въ чемъ онъ не послушался послѣдняго, это—двинулъ войска въ степи.

Изъ совѣтовъ Адама Киселя обратимъ здѣсь вниманіе на одинъ: онъ рекомендуетъ дѣлать по-

блажку дурнымъ наклонностямъ казаковъ. Полагаемъ, что исполненіе этого совѣта, при оставленіи прежней системы, не могло привести къ хорошимъ результатамъ и пожалуй ускорило бы самый бунтъ.

Несогласіе главнокомандующихъ повело, какъ видимъ, къ тому, что они впутали въ дѣло Богдана Хмельницкаго и самого короля. Но таково ли было мнѣніе послѣдняго объ этомъ дѣлѣ, какъ пишетъ Адамъ Кисель? Онъ, кажется, напрасно приписываетъ здѣсь все своимъ внушеніямъ и еще болѣе напрасно говоритъ, что король былъ согласенъ съ его „предвидѣніемъ ума и свѣтомъ разума“. У короля былъ совершенно особый, самостоятельный взглядъ на дѣло. Изъ выше приведенныхъ мѣстъ письма Потоцкаго мы узнаемъ его въ такой формѣ: „для предохраненія отечества отъ этого зловреднаго человѣка Хмельницкаго есть одно средство: дозволить мятежникамъ побѣгъ на море, сколько имъ угодно“. То есть, ни Богдану Хмельницкому, ни его шайкѣ не слѣдуетъ придавать никакого значенія и предоставить разбойникамъ оставаться разбойниками. Это одна сторона королевскаго мнѣнія; но намъ извѣстна еще и другая. Король Владиславъ указывалъ своимъ сенаторамъ, что теперь слѣдуетъ позаботиться не о Богданѣ Хмельницкомъ, а о томъ, чтобы предупредить на будущее время повтореніе подобныхъ насилій, каковое потерпѣлъ Богданъ. Король нашелъ необходимымъ „прислать на Украйну коммиссію“. Обязанность ея была разобрать жалобы казаковъ и вообще изслѣдовать причины, ведущія къ волненi-

ямъ между ними. Наибольшее объ этой коммиссіи мы узнаемъ изъ слѣдующихъ двухъ документовъ. Впослѣдствіи, въ отвѣтъ на жалобу казаковъ, коронный канцлеръ Оссолинскій писалъ (отъ 22 іюля 1848 года *) къ нимъ такъ: „вамъ предстоялъ кратчайшій путь обратиться къ защитѣ своего государя и короля, который всегда оказывалъ вамъ свое искреннее благоволеніе и доброжелательство, а не къ невѣрнымъ крымцамъ. Въ такомъ случаѣ и я, какъ прежде дѣлалъ, такъ и теперь, согласно съ своею должностію, содѣйствовалъ бы къ тому, чтобы вы во всемъ получили совершенное удовлетвореніе и чтобы были примѣрно наказаны нанесшіе вамъ обиды и нарушившіе ваши привилегіи“. Далѣе: „еще въ началѣ этого года я нарядилъ коммиссію изъ своей канцеляріи для изслѣдованія нанесенныхъ вамъ обидъ и для удовлетворенія васъ за всѣ притѣсненія, какія бы только были обнаружены. И однако же случилось то, что вы сами себѣ вмѣняете въ грѣхъ“. Но неужели, напримѣръ, Богдана Хмельницкаго можно было обвинять въ томъ, что онъ прежде, чѣмъ сдѣлаться бунтовщикомъ, не прибѣгалъ ко всевозможнымъ законнымъ путямъ для своей защиты? Онъ даже и теперь, когда противъ него были собраны войска, подалъ по начальству жалобу—и что же изъ всего этого вышло? Коммиссія, присланная отъ короля, кажется, не могла и заняться разборомъ этой жалобы. Это послѣднее мы говоримъ на слѣдующемъ основаніи. Потоцкій, упомянувши въ своемъ письмѣ объ указанномъ взглядѣ короля на казацкій

*) Пам. Кіевск. Комм. т. I, отд. III, № 27.

бунтъ, ничего не говоритъ о коммиссіи. По его письму скорѣй можно заключить, что обязанности, которыя были возложены на коммиссію, онъ взялъ на себя, а ей ничего не далъ дѣлать. Замѣчательно, что и Адамъ Кисель, упрекающій Потоцкаго въ ошибкахъ и говорящій, что король былъ согласенъ съ его собственнымъ взглядомъ на дѣло, въ тоже время какъ бы не хочетъ знать объ этой мѣрѣ „благоразумнѣйшаго государя“. Впрочемъ Адамъ Кисель вспомнилъ о коммиссіи, но только по слѣдующему поводу. Точно такъ же, какъ и Оссолинскій, въ письмѣ на имя Богдана Хмельницкаго (отъ 14 іюля *), высказывая свое расположеніе къ казакамъ, Адамъ Кисель пишетъ: „я знаю и готовъ доказать, что блаженной памяти король его милость никогда не желалъ довести дѣло до такого кровопролитія. Знаю и то, что въ бытность мою за Днѣпромъ я получилъ отъ его милости пана кастеляна краковскаго извѣстіе, что въ Войскѣ не должно пропзойти никакого замѣшательства и что поэтому назначена его королевскою милостію коммиссія для водворенія спокойствія. Намъ извѣстно также, что и ваша милость хотя и ушелъ на Запорожье, терпя притѣсненія, однакоже ничего не предпринималъ противъ его милости короля и республики. Не знаю, отъ чего, по моемъ отъѣздѣ изъ-за Днѣпра, дошло до столь жестокаго кровопролитія“. Адаму Киселю лучше было бы доказывать не королевскую, а свою собственную любовь къ правдѣ, и указать на своевременное содѣйствіе коммиссіи,

*) Тамъ же, № 28.

Но онъ отговаривается невѣдѣніемъ и складываетъ всю вину на тѣхъ, которые и безъ того были наказаны.

Такъ или иначе, по той ли причинѣ, что оба главнокомандующіе не сочувствовали назначенію коммиссіи, или ей, можетъ быть, дѣйствительно не было времени приступить къ своимъ занятіямъ,— только эта коммиссія ничего не сдѣлала.

Но обратимся опять къ письму Потоцкаго. Вслѣдствіе-ли королевскаго вмѣшательства въ дѣло или для опроверженія мнѣнія другихъ пановъ, только Потоцкій нашелъ необходимымъ написать разбираемое нами письмо. Повидимому, онъ пунктъ за пунктомъ разбираетъ и опровергаетъ всевозможныя мнѣнія, а въ томъ числѣ и королевское. Потоцкій точно такъ же, какъ и Адамъ Кисель, начинаетъ говорить, что дѣйствуетъ не безъ размышленія и основательнаго разсужденія, что собственная его опытность и совѣтъ разныхъ сенаторовъ побудили его къ извѣстнымъ рѣшеніямъ и т. д. Но насколько добросовѣстно онъ относится къ чужимъ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его собственнымъ, объ этомъ мы можемъ судить потому, какъ онъ отнесся къ королевскому. Это можно видѣть какъ изъ предъидущаго, такъ и изъ окончанія письма Потоцкаго, гдѣ онъ пишетъ:

„Я полагалъ бы необходимымъ для общаго блага дозволить казакамъ выступить въ море...; но въ нынѣшнее смутное время исполнить этого нельзя, отчасти потому, что однѣ лодки еще не изготовлены, другіяжъ хотя и готовы, но не въ та-

комъ устройствѣ и порядкѣ, чтобы годны были для морской войны. Неготовыя я приказалъ достроить при себѣ, а на мѣсто негодныхъ, которыя кой-какъ устроены, другія снаряжены будутъ. За тѣмъ, если суда и будутъ готовы, то главное состоитъ въ томъ, чтобы успокоенные казаки, коль скоро наступитъ необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были въ надлежащемъ порядкѣ. Но сохрани Боже, чтобы они вышли въ море въ то время, когда еще не будетъ укрощенъ бунтъ; возвратясь оттуда, они произвели бы другое неугасимое возмущеніе, и тогда едва ли не пришлось бы уничтожить учрежденное республикою управленіе, за которое если бы мы стояли упорно, то готовую уже имѣли бы съ ними войну. Турки, тоже раздраженные ими, не стали бы дремать и своихъ потерь не подарили бы*)... По моему сужденію я предпочелъ бы сперва позаботиться о томъ (какъ уже объ этомъ и дѣйствительно заботятся), чтобы нынѣшніе бунты прекращены были, а тогда уже по мѣрѣ необходимости можно будетъ думать о способѣ и порядкѣ отправленія казаковъ на море“.

Вчитываясь въ смыслъ письма Потоцкаго, найдемъ, что, по его мнѣнію, въ Польшѣ все были честные люди, исключая только двухъ человѣкъ измѣнниковъ—короля Владислава Вазы и казака

*) Далѣе у Потоцкаго слѣдуютъ разсужденія о турецкой войнѣ, которыя мы пропускаемъ здѣсь.

Богдана Хмельницкаго! — Надо полагать, что король предлагалъ совсѣмъ другое, а не то, на что здѣсь отвѣчаетъ Потоцкій. Король говорилъ, что не слѣдуетъ мѣшать мятежникамъ бѣжать на море, но не говорилъ о правительственномъ отправленіи казаковъ на войну. Тѣмъ болѣе король не могъ совѣтовать коронному гетману взять подъ свое руководство этотъ разбойническій походъ и дать Богдану Хмельницкому государственныя средства для него, присоединивши къ бунтовщикамъ еще небунтующія казацкія войска и т. п. Наговоривши столько оскорбленій королю, Потоцкій не задумывается при этомъ и похвастаться: мы-де, истинные патріоты, смотримъ на дѣло иначе и ведемъ его ко благу отечества. Послѣ этого коронный гетманъ заканчиваетъ свое письмо оффиціальнѣйшей фразой:

„Впрочемъ я во всемъ этомъ буду слѣдовать волѣ и приказанію вашей королевской милости, считая обязанностію для себя, нижайшаго слуги вашей королевской милости, приводить въ исполненіе ваши повелѣнія“.

Однако же и къ этому онъ еще прибавляетъ:

„Нижайше прошу вашу королевскую милость принять отъ меня вѣнецъ за сохраненіе отечества“.

Если короля Владислава не щадили его сенаторы, „вдавшіеся въ свою волю“, то судьба была къ нему несравненно милостивѣе. Онъ не дожилъ до полученія полныхъ вѣстей о послѣдствіяхъ пренебреженія его совѣтами, что всѣ его войска погублены тѣми, на которыхъ онъ имѣлъ полное пра-

во гнѣвъ держать. Ему не пришлось видѣть, какъ скоро послѣ этого враги дѣйствительно панство его совсѣмъ испустошили и царство разнесли розно.

Потоцкій стоялъ на своемъ, заботясь о сохраненіи учрежденнаго республикою управленія казаками. Но рядомъ съ этимъ онъ, какъ видно, озадаченъ неожиданнымъ сопротивленіемъ Богдана Хмельницкаго. Однако же главнокомандующій, увѣряя окружающихъ, должно быть и самъ вѣрилъ тому, что стояніе войскъ на Украйнѣ и даже наконецъ походъ въ степи приведетъ дѣло безъ пролитія крови къ благопріятному и мирному результату. Иначе, довольно трудно объяснить въ его поступкахъ то, въ чемъ его не безъ основанія же впослѣдствіи упрекали. Говорили, что онъ имѣя много свободнаго времени, не озаботился даже о томъ, чтобы его войска были въ достаточной мѣрѣ снабжены военными снарядами и продовольствіемъ настолько, чтобы въ случаѣ нужды можно было продержаться въ осадѣ два или три мѣсяца. Причину этой неприготовленности указывали послѣ и въ томъ, что коронный гетманъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ являлся то человѣкомъ крайне самонадѣяннымъ, то трусомъ *).

Впрочемъ относительно позднѣйшихъ обвиненій Потоцкаго должно замѣтить и то, что во многомъ довольно трудно провѣрить, такъ ли дѣло было въ началѣ, какъ говорили, когда оно было проиграно. Поэтому здѣсь необходимо привести еще нѣкоторыя извѣстія о тогдашнихъ дѣйствіяхъ Потоц-

---

*) Пам. Кіевск. Комм. т. I, отд. III, № 18.

каго передъ началомъ борьбы съ Богданомъ Хмельницкимъ. Выше мы уже приводили мнѣніе Адама Киселя, что въ виду заговора Богдана Хмельницкаго слѣдовало приласкать казаковъ. Можно предполагать, что и Потоцкій думалъ объ этомъ. У лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ находимъ извѣстіе, что отправляя реестровыхъ казаковъ ловить Богдана Хмельницкаго, власти „Барабаша учинили за присягою гетманомъ запорожскимъ... ибо знову для взбунтовавшагося Хмельницкаго казакамъ гетманство привернено въ концу 1647 року". Положимъ, что это извѣстіе не совсѣмъ точно: Барабашъ, командуя отдѣльною частію Войска, уже на самомъ дѣлѣ былъ гетманъ наказный. Но во всякомъ случаѣ паны, вѣроятно, что нибудь дѣлали, чтобы привлечь на свою сторону реестровыхъ казаковъ, „для взбунтовавшагося Хмельницкаго". Главнымъ доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что значительная часть реестровыхъ казаковъ была при началѣ военныхъ дѣйствій отправлена ловить Богдана Хмельницкаго отдѣльно и при томъ впередъ другихъ польскихъ войскъ. Но рядомъ съ такимъ довѣріемъ къ казакамъ, Потоцкій съ товарищи оказали имъ и крайнее подозрѣніе: потребовали присяги, что не пристанутъ къ бунтовщику.—О дѣйствіяхъ властей относительно остальнаго населенія Малороссіи знаемъ слѣдующее. Внушеніе страха съ ихъ стороны, кажется, соединялось съ дѣйствительными притѣсненіями жителей. Въ такомъ по крайней мѣрѣ смыслѣ говорятъ нѣкоторые источники. Лѣтописецъ Хмельницкаго указываетъ на

довольно характерпстпчную черту этого застращиванія: „была тая поголоска по всей Украйнѣ албо хвалка отъ шляхты, же по снесенію той своеволѣ съ Хмельницкимъ мѣли панове Украйну плюндровати (пустошить) и большую часть осажовати людьми нѣмецкими и польскими“. Богданъ Хмельницкій въ письмѣ на имя короля пишетъ: „панъ кастелянъ краковскій, котораго мы не считаемъ доброжелателемъ вашей королевской милости, вѣроятно съ позволенія другихъ пановъ напалъ на насъ на Запорожье и испустошилъ Украйну, желая искоренить насъ и казацкое имя или изгнать изъ земли“.—Польскіе оффиціальные источники сообщаютъ намъ нѣсколько извѣстій о времени пребыванія Потоцкаго съ войсками на Украйнѣ. Они конечно не говорятъ ясно, какъ стояли войска на квартирахъ; но ихъ извѣстія касаются и этого. Во-первыхъ, узнаемъ, что была разставлена стража по дорогамъ, чтобы бѣглецы изъ Украйны не могли присоединяться къ мятежникамъ. Во вторыхъ, какъ указано выше, всюду отбирали оружіе у населенія, подозрѣваемаго въ сочувствіи къ казакамъ. Какъ бы въ дополненіе къ этой мѣрѣ, по нѣкоторымъ помѣщичьимъ имѣніямъ стояли войска. Въ третьихъ, что касается устройства хорошихъ отношеній къ ордѣ, въ пренебреженіи которыхъ какъ будто упрекаетъ Потоцкаго Адамъ Кисель, то первый обращалъ особое вниманіе на татаръ. Изъ писемъ того же Адама Киселя кромѣ того, что уже выше изъ нихъ приведено, знаемъ (отъ 11 мая, по римскому календарю *), что когда орда показалась въ

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 3, № 182.

степяхъ, то Потоцкій посылалъ къ татарамъ съ объясненіемъ: на основаніи договора съ турецкимъ султаномъ, въ которомъ написано, что своевольниковъ черкасъ на море и на поле не пускать, онъ, коронный гетманъ, выслалъ теперь полкъ на Запорожье, чтобы такихъ своевольниковъ ускромнить. Татары на это объясненіе отвѣчали благодарностію за его заботы объ ихъ спокойствіи.

Въ такомъ положеніи были дѣла польскихъ властей на Украйнѣ передъ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Богдана Хмельницкаго. Объ этихъ же дѣлахъ, кромѣ приведенныхъ источниковъ, мы почти тоже самое узнаемъ изъ писемъ двухъ второстепенныхъ польскихъ военачальниковъ (оба отъ 2 апрѣля, по римскому календарю, одно изъ Черкасъ, а другое изъ Бара **). Эти документы однородны съ письмомъ Потоцкаго, то есть точно также являются своего рода отчетомъ предъ высшими властями о состояніи дѣлъ. Одно изъ нихъ писано къ коронному канцлеру Оссолинскому; другое же хотя и безъ адреса, но упоминаніе въ немъ о комиссіи, въ назначеніи которой, какъ мы видѣли, принималъ близкое участіе Оссолинскій, даетъ поводъ предполагать, что и это послѣднее письмо было адресовано къ нему же.

Хотя нѣкоторыя извѣстія изъ этихъ писемъ мы уже приводили; но какъ приведенныя, такъ и остальныя, въ нихъ заключающіяся, для точнаго пониманія ихъ, требуютъ разъясненій. Въ этихъ письмахъ читаемъ:

**) Пам. Кіевск. Комм. т. I, отд. III, № 3 и 4.

Во первыхъ: „его милость панъ кастелянъ краковскій посылалъ до пана Хмельницкаго; но Хмельницкій нисколько не смотритъ на это и только отдѣлывается предложеніями своихъ услугъ, бьетъ намъ челомъ и говоритъ, что не оставитъ острова и не выйдетъ на берегъ; пусть, говоритъ, прежде отступитъ его милость панъ кастелянъ краковскій съ войскомъ и панами полковниками, а останется одинъ только панъ коммиссаръ, который для нихъ мало значитъ“. Объ этихъ извѣстіяхъ слѣдуетъ полагать то, что паны все это говорятъ со словъ самого короннаго гетмана. Паны удивлены тѣмъ, что Богданъ Хмельницкій не только не является къ нимъ съ повинной, но даже не хочетъ положиться на обѣщаніе короннымъ гетманомъ полнаго помилованія и проч. Въ просьбахъ объ удовлетвореніи обидъ имъ даже слышатся какъ бы насмѣшки надъ ними. Что касается того, будто бы Богданъ Хмельницкій требовалъ, чтобы коронный гетманъ отступилъ съ войскомъ и панами полковниками, то такое извѣстіе прямо принадлежитъ къ разряду предположеній самого Потоцкаго; у него оказывается даже нѣчто больше этого. Мы не знаемъ, какъ Хмелецкій передалъ Потоцкому свой разговоръ съ казацкимъ предводителемъ; но во всякомъ случаѣ, если главнокомандующій объявлялъ, что именно таковы требованія бунтовщика, то всѣмъ другимъ панамъ оставалось только вѣрить ему на слово. — Изъ всѣхъ приведенныхъ сейчасъ извѣстій важнѣйшее, кажется, то, будто бы Богданъ Хмельницкій заявлялъ: пусть для переговоровъ останется только одинъ панъ коммиссаръ.

Во вторыхъ: „коммиссія прибыла отъ его королевской милости, но не знаю, что сдѣлаетъ она безъ денегъ, а имъ должно выдать триста тысячь. Коммиссія также должна судить полковниковъ и самого коммиссара, которые этого пива наварили“. О назначеніи коммиссіи мы уже говорили выше. Относительно же словъ, что она „должна судить полковниковъ и самого коммиссара“, то это сказано въ томъ смыслѣ, что справедливое разбирательство войсковыхъ дѣлъ необходимо должно повести къ подобному суду. Въ такомъ же смыслѣ должно понимать и слова о необходимости выдачи казакамъ не уплаченнаго жалованья; но это не значитъ, чтобы этой уплаты требовалъ Богданъ Хмельницкій или чего-нибудь тому подобнаго.

Въ третьихъ: „Хмельницкій желаетъ того, чего и прежде желалъ, и сверхъ того—чтобы ни одинъ ляхъ не былъ старшиною въ Запорожскомъ Войскѣ“. Эти слова нельзя понимать такъ, что послѣ посылки Хмелецкаго были у короннаго гетмана еще дальнѣйшія сношенія съ Запорожскою Сѣчью. Скорѣй всего, авторъ письма (панъ судья Подольскій), въ предшествующемъ письмѣ къ Оссолинскому, не дошедшемъ до насъ, пропустилъ это предполагаемое требованіе Богдана Хмельницкаго и теперь извѣщаетъ о немъ канцлера. Указываемое здѣсь требованіе Богдана Хмельницкаго, — чтобы ни одинъ ляхъ не былъ старшиною въ Войскѣ Запорожскомъ, — какъ видимъ, опять есть повтореніе извѣстныхъ намъ предположеній самого Потоцкаго о честолюбіи заговорщика.

ГЛАВА X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Теперь въ заключеніе выскажемъ нѣкоторые выводы изъ нашего изслѣдованія.

Мы видимъ, какъ надъ Богданомъ Хмельницкимъ повторился общій законъ о рожденіи, развитіи и утвержденіи въ сознаніи современниковъ и потомковъ всякаго, часто совершенно нелѣпаго баснословія. Такъ напримѣръ, паны были предрасположены вѣрить, что казаки при первомъ бунтѣ не могутъ заявить иныхъ требованій правительству кромѣ тѣхъ, которыя они приписывали Богдану Хмельницкому. И вотъ толкованіе дѣйствительныхъ казацкихъ требованій, направленное короннымъ гетманомъ, главнымъ руководителемъ дѣла, въ извѣстную сторону, стало повторяться уже, какъ настоящій фактъ. Впослѣдствіи же, когда Богданъ Хмельницкій сдѣлался побѣдителемъ, всякія сплетни о немъ получили право гражданства и въ исторіи. Никто не хотѣлъ, а пожалуй и не могъ думать, что этого не было и не

могло быть въ дѣйствительности. Напротивъ, побѣда служила, такъ сказать, лучшимъ доказательствомъ, что Богданъ Хмельницкій, составивши всенародный заговоръ, началъ бунтъ съ разрѣшенія короля и такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія, что прямо потребовалъ отъ властей того, что объ этомъ намъ говоритъ его противникъ. Не самому же Богдану Хмельницкому нужно было заниматься потомъ опроверженіемъ всѣхъ этихъ, притомъ весьма выгодныхъ для него слуховъ. Впрочемъ Богданъ Хмельницкій и не могъ на это рѣшиться, потому что въ созданіи баснословія о немъ онъ самъ принималъ довольно дѣятельное участіе.

Это одна сторона слуховъ о Богданѣ Хмельницкомъ; но въ нихъ есть еще и другая, именно— въ нихъ есть своя доля правды. Паны желали покончить дѣло мирнымъ образомъ; но такъ какъ казаки не признавали ничего дѣлаемаго властями справедливымъ, то для достиженія мирнаго исхода недоразумѣнія и слѣдовало поступить согласно съ строгой справедливостью. Для этого нужно было сначала выдать казакамъ не уплаченное жалованье и смѣнить коммиссара и полковниковъ, а пожалуй и предать суду за то, что они своими беззаконными дѣйствіями довели казаковъ до всегдашней готовности къ открытому бунту. Наконецъ необходимо было удалить изъ Войска, а пожалуй и изъ всей Украйны ляховъ, — однимъ словомъ, слѣдовало поставить всѣхъ пановъ въ такое положеніе, чтобы впередъ отъ нихъ не повторялись многія беззаконія, подобныя тѣмъ, какія мы читаемъ въ казацкихъ жалобахъ.

Но здѣсь возникаетъ естественный вопросъ: кто былъ въ силахъ совершить въ Польшѣ сейчасъ указанное необходимое дѣло справедливости? Кто желалъ для достиженія ея какихъ нибудь государственныхъ реформъ? Мы знаемъ только одного такого человѣка, не только желавшаго, но и намѣревавшагося произвести реформы: то былъ король Владиславъ IV. Но въ дѣйствительности онъ былъ безсиленъ, чтобы что-нибудь изъ своихъ желаній привести въ исполненіе. Онъ для проведенія своихъ мыслей принужденъ былъ прибѣгать къ уловкахъ, напримѣръ подписывать такого страннаго содержанія бумаги, каковъ былъ извѣстный намъ привилій на Субботово. Но подобныя уловки впередъ предвѣщали безполезность этихъ документовъ. Что было толку во всѣхъ его королевскихъ знакахъ, если ими не могъ себя оборонить даже Богданъ Хмельницкій! И вотъ поэтому скоро всѣмъ русскимъ людямъ на Украйнѣ пришла единодушная мысль поискать себѣ государя такого, у котораго люди и помельче Богдана Хмельницкаго могутъ получить справедливость.

Не мало было въ Польшѣ людей, которые были несравненно могущественнѣе короля; таковъ былъ по разбираемому нами дѣлу Потоцкій. Но почему онъ относится извѣстнымъ намъ образомъ къ казацкимъ дѣламъ? Потоцкій не упоминаетъ о коммиссіи, назначенной для разбора войсковыхъ дѣлъ, и не упоминаетъ, очень можетъ быть, потому, что съ порядками, до которыхъ она могла коснуться, были тѣсно связаны интересы очень многихъ лицъ и главнымъ образомъ казацкой старшины. Но послѣдняя состояла только изъ проводниковъ той системы,

представителемъ которой въ настоящее время являлся онъ же, коронный гетманъ. Не выдавая старшины, Потоцкій защищалъ лично себя; и надо признаться, что онъ обороняется отчаянно. А такъ какъ вся система дѣйствій пановъ на Украйнѣ основывалась на лжи, то и защищать ее можно было только при помощи той же беззастѣнчивой лжи, что и видимъ у Потоцкаго. Результатъ же всего этого извѣстенъ.

Потоцкій надѣялся отстоять старый порядокъ, страхомъ заставивъ смириться казаковъ; но его товарищи смотрѣли на дѣло уже не такъ: „дѣло такъ далеко зашло, что не легко будетъ водворить покой.... Тяжка эта несчастная война съ казаками,“— пишетъ одинъ изъ пановъ; а другой, какъ бы дополняя послѣднее восклицаніе, говоритъ: „прибавлю, что съ ними будетъ продолжительная и трудная война.“

Кто разсматриваетъ спокойно и внимательно происхожденіе и послѣдствія этой борьбы, начавшейся въ Малороссіи, тотъ безъ преувеличенія уяснитъ себѣ и личность казацкаго вождя и сыгранную имъ роль.—Богданъ Хмельницкій, казакъ заслуженный, богатый, независимый, довольно пожилой, имѣлъ большую семью и совсѣмъ не намѣренъ былъ перемѣнять свое спокойное положеніе на какую бы то ни было неопредѣленную новую карьеру. Напротивъ, онъ старался на почвѣ существующихъ порядковъ устроить это положеніе насколько возможно для ссбя удобнѣе. Но напрасно онъ трудился и вѣрилъ въ прочность существующаго; тогдашніе порядки въ Малороссіи бы-

ли таковы, что могли разсыпаться отъ перваго толчка. Вся страна готова была къ возстанію, польское могущество было ничтожно, нужны были только поводъ къ бунту и вождь для недовольныхъ.

Богданъ Хмельницкій не думалъ бунтовать и не намѣренъ былъ давать толчокъ къ возстанію; по всему видно, что онъ не только не составлялъ никакого заговора, но и вообще не былъ способенъ къ роли заговорщика, требующей тонкаго и сдержаннаго характера. Однако же вотъ что съ нимъ случилось. Среди своихъ практическихъ занятій Богданъ Хмельницкій поссорился съ однимъ ничтожнымъ польскимъ чиновникомъ и за это тотчасъ же было поднято со стороны его враговъ дѣло объ отобраніи у него его родовой маетности. Отнять имѣнія у Богдана Хмельницкаго враги не могли по закону, но за то во время процесса обидѣли владѣльца всячески, поставили въ безвыходное положеніе относительно высшаго начальства, если бы онъ вздумалъ искать у него защиты, и вообще такъ устращали Богдана Хмельницкаго, что, говоря его словами, всѣ тѣ обиды и раззоренья стало ему терпѣть не въ мочь.

Богданъ Хмельницкій не принадлежалъ къ разряду людей, безпрекословно сносящихъ обиды отъ сильнѣйшихъ, и хотѣлъ во что бы то ни стало получить себѣ законное удовлетвореніе. Но видя свое безпомощное положеніе, онъ наконецъ рѣшился поступить по казацки, то есть бѣжалъ изъ Украйны на Запорожье. Однако же этимъ дѣло не кончилось. Польскія власти въ Малороссіи, сознавая непрочность существующихъ порядковъ, заподозрили те-

перь безъ всякихъ основаній именно Богдана Хмельницкаго въ замыслахъ на разрушеніе ихъ. Вслѣдствіе этого власти начали преслѣдовать бѣглеца и въ степяхъ. Но постоянныя гоненія сдѣлали то, что Богданъ Хмельницкій явился въ глазахъ низовыхъ казаковъ мученикомъ. Запорожцы, сами по себѣ обиженные еще прежде властями, собрались теперь около Богдана и избрали его себѣ вождемъ.

Во время пребыванія въ Понизовьи Богданъ Хмельницкій бранилъ на всевозможные лады своихъ враговъ. Эта безпощадная брань и злыя насмѣшки являлись теперь, а пожалуй и на самомъ дѣлѣ были агитаціей съ цѣлію собрать около себя казаковъ. Собиралъ Богданъ казаковъ и они шли къ нему если не для мести общимъ обидчикамъ и раззорителямъ, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы подороже продать врагамъ свои головы.

Поляки сами приготовили Малороссію къ возстанію и дали недовольнымъ вождя. Этотъ же послѣдній оказался не только казакомъ расторопнымъ въ дѣлахъ казацкихъ военныхъ и въ писарскихъ свѣдущимъ, но и вообще умѣлъ стать въ уровень своему новому положенію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. РАЗБОРЪ ЖАЛОБЫ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

(КЪ ГЛАВѢ II).

Жалобой Богдана Хмельницкаго, присланной имъ изъ Запорожья къ войсковымъ властямъ на Украйну, мы пользуемся въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ Памятникахъ кіевской временной археографической коммиссіи *). Здѣсь ее встрѣчаемъ какъ въ подлинномъ текстѣ, такъ и въ переводѣ. Къ послѣднему приставлено такое заглавіе: „Исчисленіе обидъ, нанесенныхъ казакамъ запорожскимъ, посланное Хмельницкимъ къ его милости Николаю Потоцкому, кастеляну краковскому, гетману в. коронному 1647 года“. Подобное заглавіе, по отношенію къ содержанію документа, несовсѣмъ точно прежде всего съ слѣдующей стороны: это жалоба на обиды, нанесенныя не однимъ казакамъ, а главнымъ образомъ самому Богдану Хмельницкому. Хотя въ ней обпды, нанесенныя Богдану Хмельницкому, связаны съ обидами, которыя терпѣли всѣ казаки; но

*) т. 1, отд. III, № 1.

пункты, относящіеся къ этому предмету по сущности своей, лишь въ общихъ чертахъ указываютъ на эту связь. Это заглавіе, составленное издателями Памятниковъ, является вольнымъ переводомъ заглавія, стоящаго надъ подлинным текстомъ; а здѣсь читаемъ: „Реестръ кривдъ Хмельницкаго“ и т. д. Но кромѣ этого мы должны замѣтить, что и вторая половина заглавія какъ въ переводѣ, такъ и въ подлинникѣ, отчасти такъ же невѣрна. Эта жалоба, можетъ быть написанная на имя короннаго гетмана, прислана на Украйну не въ 1647 году, а гораздо позднѣе, не ранѣе марта мѣсяца 1648 года. Изъ представленнаго нами изложенія всѣхъ событій видно, что эта жалоба прислана тогда, когда прибылъ на Украйну, по поводу казацкихъ дѣлъ, коронный гетманъ, а послѣдній прибылъ на Украйну не ранѣе второй половины февраля мѣсяца. Затѣмъ въ самой жалобѣ значится, что Богданъ Хмельницкій уже обранъ низовыми казаками за старшаго. Это послѣднее также случилось не тотчасъ послѣ его бѣгства изъ Украйны, а, какъ есть основаніе утверждать, около того времени, когда Богданъ Хмельницкій вступилъ въ союзъ съ татарами, то есть не ранѣе начала марта мѣсяца (по старому календарю) 1648 года.

Въ Войскѣ Запорожскомъ, какъ видно, считали эту жалобу Богдана Хмельницкаго составленною наилучшимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ всѣ слѣдующія жалобы казаковъ на ихъ войсковыя обиды, несравненно болѣе обширныя по содержанію, вплоть до наказа войсковымъ посланникамъ въ Москву въ 1654 году для переговоровъ о правахъ, составля-

лись по образцу этой жалобы. Мало того: не только по формѣ, но и по внутреннему содержанію послѣдующія казацкія жалобы являются только подробнымъ развитіемъ, примѣненнымъ къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, того, что мы находимъ въ пунктахъ челобитной Богдана Хмельницкаго. Но если въ Войскѣ Запорожскомъ эта жалоба послужила образцомъ для составленія подобныхъ ей документовъ, если для участниковъ событій содержаніе ея было вполнѣ понятно, что для насъ она является совершенно съ противуположными качествами. Что касается внѣшняго порядка изложенія событій въ ней, то часто чрезвычайно трудно объяснить, почему одинъ пунктъ жалобы поставленъ прежде другаго и какая связь заключается между этими пунктами. Пожалуй даже можетъ возникнуть вопросъ, зачѣмъ тѣ или другіе пункты попали въ эту жалобу. Затѣмъ, кромѣ того, что событія не совсѣмъ правильно распредѣлены по пунктамъ, иногда въ различныхъ пунктахъ хотя повидимому говорится объ одномъ и томъ же предметѣ, но съ замѣтнымъ противорѣчіемъ. — По отношенію къ внутреннему содержанію документа нужно указать особенно на слѣдующее. Въ выраженіяхъ жалобы Богдана Хмельницкаго можно постоянно видѣть, что челобитчикъ, кратко упоминая какой-нибудь фактъ, считаетъ излишнимъ говорить объ его обстановкѣ, естественно предполагая, что все это хорошо извѣстно тѣмъ лицамъ, которымъ для прочтенія предназначается его жалоба. Но причина непонятности для насъ нѣкоторыхъ недомолвокъ жалобы Богдана Хмельницкаго заключается не въ одномъ томъ, что мы

отдѣлены слишкомъ двумя столѣтіями отъ событій, въ ней описанныхъ, но еще часто и въ томъ, какъ авторъ жалобы изложилъ эти события. Челобитчика иногда можно заподозрить, что онъ умалчиваетъ о нѣкоторыхъ фактахъ, не только для насъ интересныхъ, но, можетъ быть, имѣвшихъ важность и въ то время для всесторонняго обсужденія дѣла. Здѣсь Богданъ Хмельницкій является судящеюся предъ властію стороною. А потому и помимо очевидныхъ, легко замѣчаемыхъ неточностей, жалоба возбуждаетъ въ читающемъ еще много вопросовъ если не о дѣйствительности самыхъ фактовъ, упомянутыхъ въ ней, то во всякомъ случаѣ о томъ, совершенно ли такъ они происходили, какъ можно представлять ихъ на основаніи прямаго смысла документа. Богданъ Хмельницкій, какъ истецъ, могъ въ своихъ интересахъ одно преувеличивать, другое уменьшать или совсѣмъ опускать, наконецъ по своимъ личнымъ взглядамъ придавать важное значеніе тому, что для пониманія сущности дѣла, для безпристрастнаго суда, почти не заслуживаетъ ни какого вниманія.

Кромѣ сейчасъ сказаннаго отмѣтимъ еще нѣкоторыя частности въ жалобѣ Богдана Хмельницкаго, иногда представляющія крайнее затрудненіе для яснаго пониманія хода и смысла событій.—Этотъ небольшой по объему документъ обнимаетъ своимъ содержаніемъ события, совершившіяся въ теченіи двухъ годовъ, 1646 и 1647-го; а между тѣмъ въ немъ очень рѣдко указывается, когда случилось то или другое; иногда трудно опредѣлить, которое событіе совершилось прежде и которое пос-

лѣ другаго. Документъ хотя и написанъ по пунктамъ, но факты въ немъ перемѣшаны между собою, разсказаны сплошь, какъ будто бы происходили одновременно или одно вскорѣ послѣ другаго. Но когда въ жалобѣ и встрѣчается обозначеніе времени событія, то такъ обще, что для современнаго намъ изслѣдователя все еще остается неяснымъ и приходится или возстановлять точную дату при помощи другихъ источниковъ или ограничиваться предположеніями на основаніи общаго хода дѣла. Для объясненія этой особенности жалобы Богдана Хмельницкаго возьмемъ изъ нея здѣсь одинъ примѣръ. Въ шестомъ пунктѣ ея, съ котораго мы и начали изложеніе событій, упомянутъ 1646 годъ, „когда Хмельницкій отвозилъ къ его милости пану кастеляну краковскому двухъ пленныхъ имъ татаръ“. Но для насъ было бы важно знать не только годъ, но и мѣсяцъ этого событія, или по крайней мѣрѣ то, къ которому изъ пановъ кастеляновъ краковскихъ отвозилъ Богданъ Хмельницкій плѣнныхъ татаръ: къ умершему ли въ первой половинѣ этого года Станиславу Конецпольскому или къ его преемнику Николаю Потоцкому.

По поводу этихъ неточностей документа, затрудняющихъ изслѣдователя, нужно также обратить вниманіе и на пріемы, которыхъ держался составитель жалобы. Въ своей жалобѣ Богданъ Хмельницкій говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; панъ кастелянъ краковскій, гетманъ коронный, только въ одномъ мѣстѣ упоминается, какъ из-

вѣстная личность („покойный панъ кастелянъ краковскій“); въ другихъ же лицо, занимающее эту должность, не поименовывается, а обозначается только самая должность. Тоже можно замѣтить и относительно нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ, упомянутыхъ въ жалобѣ Богдана Хмельницкаго.—Но кромѣ сейчасъ указаннаго, въ описываемомъ документѣ мы встрѣчаемся съ такимъ случаемъ. Въ девятомъ пунктѣ жалобы при имени какого-то Дашевскаго, покушавшагося, какъ подозрѣваетъ Богданъ Хмельницкій, на его жизнь, въ скобкахъ поставлены слова: „ляхъ, какъ они называютъ“. Кому принадлежатъ эти скобки: издателямъ-ли Памятниковъ или списку, съ котораго они печатали документъ? Кому принадлежитъ всецѣло самое выраженіе, находилось ли оно въ подлинной жалобѣ Богдана Хмельницаго или занесено въ списокъ кѣмъ либо изъ читавшихъ или переписывавшихъ ее? Знаки препинанія и тому подобныя вещи, сдѣланныя издателями документа, не могутъ быть особенно обязательными для изслѣдователя. Но что касается указанной фразы, то дѣйствительно казаки поляковъ, служившихъ въ Запорожскомъ Войскѣ, называли „ляхами“. Однако же выраженіе „ляхъ, какъ они (т. е. казаки) называютъ,“ сдѣлано какъ будто въ формѣ примѣчанія читавшимъ жалобу Богдана Хмельницкаго. Полагаемъ, что если бы самъ челобитчикъ желалъ высказать эту мысль, то вѣроятно выразился бы какъ нибудь иначе. Этого вопроса, кому принадлежитъ разсматриваемое выраженіе,—подлинной-ли жалобѣ или попорченному списку ея,

не беремся рѣшать; но если это выраженіе принадлежитъ самому челобитчику, то подобное употребленіе третьяго лица переходитъ уже нѣкоторымъ образомъ въ злоупотребленіе.

Чтобы объяснить причины, почему жалоба Богдана Хмельницкаго написана указаннымъ образомъ, мы позволяемъ себѣ нѣкоторыя предположенія.—Мы не утверждаемъ, что Богданъ Хмельницкій своею жалобою создалъ для Войска Запорожскаго новую форму оффиціальныхъ бумагъ,— „пункты“, „статьи“. Однакоже неточности, недомолвки и тому подобное могли попасть въ жалобу и потому, что хотя Богданъ имѣлъ большую опытность въ составленіи оффиціальныхъ документовъ, но разбираемая жалоба была первымъ его опытомъ въ сочиненіи именно подобныхъ актовъ. А можетъ быть это случилось и отъ того, что при составленіи своей жалобы Богданъ Хмельницкій не могъ совладѣть съ собою, не могъ хладнокровно написать реестръ недавно бывшихъ ему обидъ и при воспоминаніи о нихъ волновался. Во всякомъ случаѣ мы должны обращать вниманіе и на то, при какихъ обстоятельствахъ писалась эта жалоба. Богданъ Хмельницкій только-что сдѣлался вождемъ низовыхъ казаковъ и становился на опасную дорогу бунтовщика; въ это-то время коронный гетманъ, собравши противъ него многочисленныя войска, предложилъ ему покориться. Богданъ же Хмельницкій, въ отвѣтъ на предложеніе помилованія, рѣшился отправить къ противнику эту свою жалобу. И вотъ въ виду вполнѣ невѣдомыхъ результатовъ всего дѣла онъ долженъ былъ обду-

мывать составленіе такого документа. Полагаемъ, что душевное состояніе челобитчика не было тогда вполнѣ спокойно и должно было отразиться въ жалобѣ. Намъ напротивъ приходится удивляться, что она такъ написана, какъ ее видимъ. По этому поводу должно еще указать на то, что почти ни одной дерзости, если только не считать самаго факта жалобы дерзостью, не попало въ челобитную. Если Богданъ Хмельницкій, воспоминая объ оскорбленіяхъ, не могъ ихъ въ порядкѣ изложить, по крайней мѣрѣ онъ сдержалъ себя и не сказалъ ни однаго рѣзкаго слова, которое бы явно обличило его душевное состояніе.

Вслѣдствіе всего здѣсь указаннаго жалоба Богдана Хмельницкаго постоянно нуждается, для разъясненія событій, въ ней изложенныхъ, въ дополненіяхъ изъ другихъ источниковъ. Значеніе извѣстій каждаго изъ этихъ источниковъ указано въ своемъ мѣстѣ. Важнѣйшимъ изъ нихъ является жалованная королевская грамота, данная Богдану Хмельницкому на его маетность Субботово. Этотъ документъ намъ случилось отыскать *). Исключая этого послѣдняго акта, довольно частнаго по своему происхожденію и содержанію, обо всѣхъ другихъ источникахъ нужно сказать, что по обилію достовѣрнаго содержанія они, всѣ вмѣстѣ взятые, не могутъ стать рядомъ съ жалобою Богдана Хмельницкаго. Если въ ней можно замѣтить своего рода страстность, односторонность отношенія къ событіямъ, то и во всѣхъ другихъ источникахъ видна

*) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малор., св. № 8, тетр. № 4.

таже односторонность, но съ прибавленіемъ грубѣйшихъ фактическихъ ошибокъ, какихъ не замѣтно въ жалобѣ. А въ позднѣйшихъ малороссійскихъ историческихъ сочиненіяхъ XVIII вѣка встрѣчается еще худшее — тенденціозность.

№ 2. МАЛОРОССІЙСКІЕ ЛѢТОПИСЦЫ О НАЧАЛѢ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Излагая событія, которыми началась историческая дѣятельность Богдана Хмельницкаго, мы старались указывать на характеръ и значеніе источника, изъ котораго заимствовали извѣстія. Но кромѣ того, что уже говорено прежде о нашихъ источникахъ, намъ еще необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о малороссійскихъ лѣтописцахъ.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ тремя лѣтописными сводами: Самовидца, Грабянки и Величка *). Собственно лѣтописнымъ сводомъ можно назвать только одну

*) Мы здѣсь совсѣмъ не упоминаемъ объ одномъ вполнѣ оригинальномъ южно-русскомъ лѣтописцѣ, о „Львовской лѣтописи“, изданной Зубрицкимъ. Причина этому та, что въ этомъ лѣтописцѣ всѣ извѣстія о началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго ограничиваются почти только слѣдующимъ: казаки взбунтовались въ 1648 году подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго; послѣ первыхъ побѣдъ надъ Поляками „екскузовался Хмельницкій у Сенату, у княжатъ и пановъ великихъ, же то зъ неволѣ учинити мусѣлъ, боронячися, и же ему полковники надъ казаками ляцкіи крывды чинили великіе и всему Войску Запорожскому старшинствуючи, особливо Чаплинскій, хоружій корунный, на то по-

лѣтопись Самовидца; сочиненія же Грабянки и Величка составлены не посредствомъ точнаго сведенія, сшиванія лѣтописныхъ записокъ, разсказовъ самовидцевъ, подлинныхъ документовъ и т. п., а скорѣй черезъ переработку матеріала въ формѣ исторіи или романа. Теперь скажемъ отдѣльно о каждомъ изъ этихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Лѣтописный сводъ, извѣстный подъ именемъ лѣтописи Самовидца, получилъ такое заглавіе („Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго“) отъ одного изъ своихъ издателей, г. Кулиша. Послѣдній сдѣлалъ это на томъ основаніи, что будто-бы „сочинитель лѣтописи, какъ видно изъ ея текста, жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Богдана Хмельницкаго, можетъ быть, до послѣднихъ годовъ XVII столѣтія“. Но такъ какъ эти слова, на что указываетъ и самъ г. Кулишъ, относятся только къ одной части свода, а остальныя принадлежатъ другимъ авторамъ, то уже по этому самому права на такое авторитетное заглавіе этотъ лѣтописный сводъ, въ полномъ своемъ составѣ не имѣетъ. Что же касается лѣтописца Хмельницкаго, котораго собственно имѣлъ въ виду г. Кулишъ, давая такое заглавіе лѣтописи, то имѣетъ ли авторъ его право называться самовидцемъ, объ этомъ мы скажемъ ниже. Однакоже будемъ называть весь этотъ лѣтописный сводъ лѣтописью Самовидца, то есть такъ, какъ уже принято его называть.

будивши Конецпольскаго. Просилъ теды о приверненье волностей давныхъ Войску Запорожскому.“ (Русскій историческій сборникъ, издававшійся Общ. Ист. и древн. россійскихъ подъ редакціею Погодина, 1839 года, т. 3, стр. 262).

Начало лѣтописи Самовидца, съ которою мы имѣемъ дѣло въ нашемъ изслѣдованіи, и состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ лѣтописцевъ. Эти лѣтописи получили свои заглавія („Лѣтописецъ въ Малой Россіи прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и прихъ дѣйствія“ и „Лѣтописецъ Хмельницкаго“) вѣроятно отъ одного изъ составителей свода, можетъ быть, на основаніи ихъ содержанія. Признавая этихъ лѣтописцевъ оригинальными и старѣйшими, мы собственно не имѣли бы здѣсь особенной нужды много говорить о нихъ. Но необходимо сдѣлать нѣсколько разъясненій, потому что въ исторической наукѣ существуетъ мнѣніе, будто одинъ нихъ, именно лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, не оригинальный лѣтописецъ, а весьма позднее извлеченіе изъ лѣтописи Грабянки. Это мнѣніе, какъ мы уже указали, принадлежитъ г. Максимовичу, который высказалъ его въ статьѣ „О лѣтописи Грабянки“ *) и потомъ съ нѣкоторыми дополненіями повторилъ въ своихъ „Письмахъ о Богданѣ Хмельницкомъ“ **). Такъ какъ въ этихъ изслѣдованіяхъ г. Максимовича имѣется въ виду прежде всего лѣтопись Грабянки, то и мы въ защиту нашего лѣтописца будемъ говорить по поводу тогоже Грабянкина свода.

Грабянка во введеніи къ своему сочиненію указываетъ сначала иностранные источники, пересчитавши ихъ по именамъ авторовъ, а потомъ уже говоритъ, что писалъ свою исторію, еще „соби-

*) Москвитянинъ, 1855 года, № 17 и 18.

**) Основа, 1861 года.

рая ово отъ діаріуша нашихъ воиновъ, въ обозѣ писанного, и отъ духовнихъ и мерскихъ лѣтописцовъ, елика въ нихъ возмогохъ обрѣсти достовѣрнѣе написанного, ово отъ повѣствованія самобытнихъ тамо свѣдителей, еще въ живихъ обрѣтающихся, ихъ же повѣсть вѣроятно лѣтописцовъ утверждаетъ". Но сказавши все это, Грабянка, къ сожалѣнію, не только въ текстѣ своего сочиненія не указалъ (исключенія изъ этого довольно рѣдки), какое извѣстіе изъ какого источника имъ заимствовано, но даже и во введеніи не назвалъ по имени ни одного изъ своихъ малороссійскихъ источниковъ. Названіе же одного изъ нихъ—„Діаріушъ, въ казацкомъ обозѣ писанный"—такъ обще, что почти ничего не говоритъ намъ о содержаніи его. Предполагаемъ, что этотъ діаріушъ есть нашъ лѣтописецъ Хмельницкаго; утверждать же этого вполнѣ не можемъ по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, по характеру содержанія лѣтописца Хмельницкаго трудно сказать, чтобы онъ былъ въ „обозѣ казацкомъ писанъ"; впрочемъ такія слова, можетъ быть не что иное, какъ своеволіе самого Грабянки, желавшаго этимъ усилить авторитетность своего источника. Вовторыхъ, лѣтопись Хмельницкаго также очень трудно назвать и діаріушемъ; однакоже по поводу этого замѣтимъ, что какъ Грабянка, такъ и Величко, кажется, называютъ діаріушемъ совсѣмъ не то, что мы привыкли понимать подъ дневникомъ и даже записками.

Мы уже указывали на заимствованія Грабянки изъ лѣтописца Хмельницкаго; эти заимствованія признаетъ и г. Максимовичъ. Онъ говоритъ: „нѣтъ

сомнѣнія, что лѣтопись Самовидца (здѣсь разумѣется лѣтописецъ Хмельницкаго) была въ числѣ источниковъ для Грабянки, котораго лѣтопись о послѣднихъ годахъ XVII вѣка представляетъ очевидное изъ нея заимствованіе."

Но прежде всего для насъ интересно было бы знать, въ какомъ видѣ были лѣтописцы, составляющіе теперь сводъ Самовидца, когда ими пользовался Грабянка, то есть были ли они уже соединены въ одинъ сводъ, или лѣтописецъ, который теперь служитъ введеніемъ къ лѣтописцу Хмельницкаго, былъ отдѣленъ отъ него и Грабянка имѣлъ его въ болѣе обширномъ видѣ, чѣмъ онъ дошелъ до насъ. Это рѣшить довольно трудно, но можно предполагать, что такъ-называемая лѣтопись Самовидца подвергалась не разъ передѣлкѣ и наконецъ къ соединеннымъ въ ней лѣтописцамъ XVII вѣка кѣмъ-то сдѣлано продолженіе, доведенное до 1734 года. Незнаемъ, коснулся ли послѣдній составитель лѣтописи въ чемъ-либо внутренняго состава того, что было до него сдѣлано; но, кажется, имѣемъ основаніе сказать, что онъ ничего не испортилъ въ трудахъ предшественниковъ. Этотъ сводъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ изложеніе событій доведено только до XVIII вѣка. При сличеніи всѣхъ списковъ между собою замѣчено издателями лѣтописи (главнымъ образомъ г. Бодянскимъ), что въ каждомъ изъ нихъ есть что нибудь лишнее или недостающее противъ другихъ, но сущность вездѣ одинакова. Это послѣднее особенно относится къ той части лѣтописи, съ которою мы имѣемъ дѣло (встрѣчаются

только разнословія). Кромѣ того, въ спискахъ лѣтописи Самовидца, въ которыхъ событія не доведены до самаго начала XVIII вѣка, лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ уже встрѣчается на своемъ мѣстѣ, то есть какъ введеніе къ лѣтописцу Хмельницкаго *).

Если Грабянка имѣлъ подъ руками не отдѣленныхъ другъ отъ друга оригинальныхъ лѣтописцевъ, а уже первоначальный ихъ сводъ, то вопросъ, какъ онъ пользовался этими лѣтописцами, вполнѣ разъясняется; намъ только остается дѣлать одно сличеніе. Но тутъ-то мы и встрѣчаемся съ мнѣніемъ г. Максимовича; онъ продолжаетъ: „но въ свою очередь и Грабянкина лѣтопись послужила для Самовидца источникомъ, а именно: начало, позднѣе придѣланное къ лѣтописи Самовидца, конечно тѣмъ же, кто продолжилъ ее до 1734 года, извлечено изъ лѣтописи Грабянкиной, что видно по тѣмъ же ошибкамъ и анахронизмамъ.“—Полагаемъ, послѣднее не есть доказательство. Отчего же не могло случится обратнаго; то есть, что ошибки и анахронизмы заимствованы не изъ Грабянки, а напротивъ Грабянка заимствовалъ ихъ изъ своего источника, изъ защищаемаго нами лѣтописца.—Затѣмъ, мы незнакомы съ рукописями лѣтописи Самовидца; но если списки ея, въ которыхъ событія не доведены до начала XVIII вѣка, не позднѣйшія, а, положимъ, самаго начала XVIII столѣтія, то этимъ и весь вопросъ окончательно рѣшенъ: лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, очевидно, составленъ ранѣе Грабянкинскаго свода.

*) Лѣтопись Самовидца, стр. 107 и слѣд.

Г. Максимовичъ, высказавши сейчасъ приведенное положеніе, однакоже не досказалъ въ немъ слѣдующаго. Мы иногда видимъ, что какое нибудь извѣстіе лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ почти не противорѣчитъ достовѣрнымъ источникамъ, а это же самое извѣстіе, приведенное у Грабянки, является въ искаженномъ видѣ. Какъ должно относиться къ подобнымъ случаямъ? Неужели слѣдуетъ предполагать, что компиляторъ, то есть авторъ нашего лѣтописца, исправлялъ свой источникъ, то есть Грабянку, и исправлялъ такъ удачно. Полагаемъ напротивъ, что Грабянка, заимствуя свои извѣстія изъ старѣйшаго лѣтописца, переписывалъ его ошибки, да еще къ нимъ прибавлялъ свои собственныя.

Извѣстный намъ текстъ лѣтописи Грабянки отличается напыщенностію, многословіемъ, а лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ обладаетъ совершенно противуположными качествами: простота и краткость выраженій — существенныя его особенности. Вѣроятно, въ виду такой разницы г. Максимовичъ говоритъ: „составитель Введенія къ лѣтописи Самовидца бралъ изъ Грабянки голую сущность сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.“ Дѣйствительно у нашего лѣтописца встрѣчаемъ одно изложеніе голыхъ фактовъ, хотя такое изложеніе никакъ не признакъ отсутствія въ немъ художественнаго таланта. Но мы не будемъ заводить спора о сухости одного и художественности другаго малороссійскаго лѣтописца, потому что это не скоро приведетъ къ разрѣшенію избраннаго нами вопроса.

Для чего бы составителю лѣтописнаго свода Самовидца нужно было сочинять введеніе къ имѣвшимся у него подъ руками подлиннымъ лѣтописцамъ и притомъ сочинять въ формѣ самостоятельнаго лѣтописца? Цѣли провести какую нибудь идею, политическую мысль, и вообще какой-либо тенденціи во всемъ этомъ введеніи не отыщемъ. Если составитель свода былъ намѣренъ написать введеніе для того, что его лѣтописцы, такъ сказать, не имѣютъ начала; то не проще ли было недостающее въ нихъ начало переписать цѣликомъ изъ другаго лѣтописнаго свода, не выдавая всего этого за особое цѣльное произведеніе. Намъ вполнѣ понятенъ продолжатель лѣтописи, дополнитель ея по другимъ лѣтописямъ и т. п.; но составителей подобныхъ разбираемому введеній мы не встрѣчали. Однимъ словомъ, мы не можемъ объяснить себѣ, къ чему составителю свода нужно было дѣлать тутъ своего рода подлогъ.

Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ не есть ни копія части Грабянкиной лѣтописи, ни дополненіе изъ нея къ лѣтописцу Хмельницкаго. У Грабянки встрѣчаются лишніе факты, которыхъ нѣтъ ни въ лѣтописцѣ Хмельницкаго, ни у лѣтописца, служащаго къ нему введеніемъ. Приведемъ этому примѣръ. Грабянка говоритъ о томъ, что Богданъ Хмельницкій писалъ изъ Сѣчи Запорожской „до короннаго гетмана килка разовъ отъ себѣ вимовляючи, на Чаплинскаго жаличися просилъ суда; но на то не токмо суду, но и отвѣту отъ гетмана не получилъ.“ Не будемъ изслѣдовать, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ Грабянка

это извѣстіе; сущность его (фактъ сношеній) вѣрна, точность же можно провѣрить по изложенному въ предшествующемъ нашемъ разсказѣ. Для насъ здѣсь интересно только то, почему бы компилятору не занести этого голаго факта въ свое введеніе: вѣдь его нѣтъ въ лѣтописцѣ Хмельницкаго. Если составитель введенія пропускалъ подобные факты по небрежности или чему-либо подобному, то мы у него, какъ бы въ опроверженіе этому, встрѣчаемъ и обратные приведенному примѣры. Въ лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ есть вполнѣ достовѣрные факты, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у Грабянки. Въ виду такихъ случаевъ, если уже признавать нашего лѣтописца за компиляцію, необходимо признать и то, что Грабянка былъ для его составителя не единственнымъ источникомъ. Приведемъ и этому примѣръ. Но по поводу этого примѣра прежде скажемъ, что если лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ составленъ (а не приставленъ, какъ мы утверждаемъ) въ видѣ введенія къ лѣтописцу Хмельницкаго, то зачѣмъ нужно было автору его упоминать кратко о тѣхъ событіяхъ, которыя довольно подробно и обстоятельно разсказаны въ лѣтописцѣ, нуждавшемся будто бы во введеніи? Мы говоримъ объ извѣстіяхъ о сраженіи при Желтыхъ Водахъ; здѣсь въ нашемъ лѣтописцѣ упомянается между прочимъ о плѣненіи Выговскаго. Если лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ компиляція, то откуда занесено въ него такое извѣстіе? У Грабянки его не встрѣчается. Что Грабянка пропускалъ иногда нѣкоторыя извѣстія

своихъ источниковъ, это мы можемъ доказать не однимъ отношеніемъ его къ лѣтописцу прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ. Такъ Грабянка не выписалъ изъ лѣтописца Хмельницкаго извѣстія объ обраніи Богдана Хмельницкаго на Сѣчи за старшаго. Точно также, вѣроятно, онъ пропустилъ и извѣстіе изъ защищаемаго нами лѣтописца о плѣненіи Выговскаго, хотя оба эти извѣстія довольно важны.

По поводу лѣтописныхъ извѣстій о сраженіи при Желтыхъ Водахъ г. Максимовичъ указываетъ на слѣдующее. Въ лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и у Грабянки время этого сраженія обозначено 2 мая, вмѣсто 8 числа. „Это ошибка, замѣчаетъ г. Максимовичъ, или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель Введенія, повторившій и другія ошибки подлинника.“ Но опять повторимъ, отчего же немогло случиться обратнаго? Самъ же г. Максимовичъ не разъ указываетъ на то, что Грабянка былъ, съ одной стороны, человѣкъ ученый, книжный, знакомый съ малорусскимъ и польскимъ (прибавимъ,—и древне-русскимъ) лѣтописаніемъ, а съ другой, „часто переписывалъ путаницу, не давши себѣ труда провѣрить ее“. Точно также съ нимъ было и въ данномъ случаѣ. Онъ не провѣрилъ обозначенія дня Желтоводскаго сраженія, встрѣченное имъ въ спискѣ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ; не провѣрилъ онъ, можетъ быть, потому, что въ другомъ его малороссійскомъ источникѣ, лѣтописцѣ Хмельницкаго, совсѣмъ не обозначено времени этой битвы.

По поводу этой ошибочной даты г. Максимовичъ говоритъ о лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ „у современныхъ людей, пишущихъ по живой памяти, нерѣдко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни произшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы казакъ лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская битва была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ середу 16 мая“. Здѣсь Максимовичъ прежде всего доказываетъ, что лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописцемъ Хмельницкаго, котораго онъ признаетъ самовидцемъ. Что же касается того, какъ здѣсь говоритъ г. Максимовичъ о точности лѣтописныхъ датъ, такъ можно говорить только о томъ, что принадлежитъ въ лѣтописяхъ самовидцамъ; а такъ какъ ни одного изъ авторовъ малороссійскихъ лѣтописцевъ мы не можемъ признать самовидцами всѣхъ описываемыхъ ими событій, то поэтому и нѣтъ ничего удивительнаго если встрѣчаются въ ихъ сочиненіяхъ не только описки, но и дѣйствительныя ошибки.

Кромѣ того, мы не можемъ согласиться и вообще съ тѣмъ положеніемъ, что настоящіе лѣтописцы точно обозначаютъ дни замѣчательныхъ историческихъ событій. Точность ихъ датъ въ большей части случаевъ дѣйствительно замѣчательно вѣрна, но только она у нихъ совсѣмъ не та, на которую указываетъ г. Максимовичъ. Они время произшествій обозначаютъ нѣсколько иначе, чѣмъ мы привыкли это дѣлать. Для доказательства этому

приведемъ здѣсь два примѣра изъ лѣтописца Хмельницкаго. „Заразъ по Воскресеніи Христовомъ гетманове корунные высылаютъ (противъ Богдана Хмельницкаго) войска немалыя водою Днѣпромъ„; или: „а война подъ Корсунемъ была на томъ тижню (недѣлѣ) по святой Троицѣ.“ Подобныя даты лѣтописца всегда вѣрны, полную же точность ихъ, по нашему, предоставляется отыскивать изслѣдователямъ. Лѣтописецъ, какъ видимъ, упомянувши о праздникѣ Воскресенія Христова, даже нигдѣ не озаботился обозначить число перваго дня Пасхи. Что же касается того, что въ лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ встрѣчается обозначеніе времени уже по нашему, числами, то нужно принимать во вниманіе его отличіе отъ лѣтописца Хмельницкаго. Авторъ его, какъ и Грабянка, принадлежалъ къ разряду людей книжныхъ, знакомыхъ со многимъ научнымъ и привыкшимъ уже не къ одному народно-церковному времясчисленію.

Намъ кажется, главное, что навело г. Максимовича на мысль утверждать, будто защищаемый нами лѣтописецъ не есть самостоятельное произведеніе, а извлеченіе изъ Грабянки, было то, что дѣйствительно бросается всякому въ глаза приличеніи обоихъ этихъ сочиненій между собою. Намъ извѣстны и другіе источники Грабянки и мы можемъ видѣть, какъ онъ ими пользуется. Грабянка въ большей части случаевъ, повидимому, нерепеписываетъ цѣликомъ ихъ извѣстій, а сокращаетъ, дополняетъ изъ другихъ источниковъ, извлекаетъ изъ нихъ сущность и все это разсказываетъ по

своему. Но такъ кажется только на первый взглядъ; на самомъ дѣлѣ Грабянка, только сшиваетъ извѣстія различныхъ источниковъ, стараясь излагать ихъ содержаніе своимъ языкомъ. Но тамъ, гдѣ ему приходится пользоваться лѣтописцемъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, онъ въ большей части случаевъ рабъ своего источника; но Грабянкѣ можно почти цѣликомъ возстановить этого лѣтописца. Извѣстія послѣдняго иногда переписываются слово въ слово, а дополненія къ нимъ изъ другихъ источниковъ ставятся почти совершенно отдѣльно. Единственно, что иногда дозволяетъ себѣ дѣлать составитель свода съ этимъ своимъ источникомъ,—это разставлять его извѣстія и фразы, перемѣшивая ихъ извѣстіями и фразами другихъ источниковъ. Но все-таки Грабянка изрѣдка позволяетъ себѣ вполнѣ перефразировать извѣстія лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и тутъ-то, точно нарочно, дѣлаетъ не только описки, но и грубыя ошибки.

Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ, привести еще нѣсколько примѣровъ тому, какъ пользовался Грабянка лѣтописцемъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ.

Нашъ лѣтописецъ сообщаетъ, что Чаплинскій приказалъ сына Богдана Хмельницкаго „посередъ города бити“; Грабянка къ этому извѣстію прибавляетъ: „посреди града Чигирина бити.“ Если нашъ лѣтописецъ есть извлеченіе изъ Грабянки, то почему компиляторъ пропустилъ это точное обозначеніе мѣста дѣйствія и притомъ, странно, написалъ такъ, что его извѣстіе въ приведенной сейчасъ

части вышло даже согласно съ текстомъ жалобы Богдана Хельницкаго.

Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что Субботово дано отцу Богдана Хмельницкаго старостой чигиринскимъ Иваномъ Даниловичемъ; Грабянка же, перефразировавши это извѣстіе, заставляетъ того же Ивана Даниловича и дать маетность Михаилу Хмельницкому и отнять ее у Богдана Хмельницкаго. Если сличить это Грабянкино извѣстіе съ подлинной жалованной грамотой на Субботово, то выходитъ, что одинъ староста былъ въ Чигиринѣ около семидесяти лѣтъ! А между тѣмъ по лѣтописцу прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ нѣтъ прямой возможности назвать Иваномъ Даниловичемъ того старосту, который „отнялъ слободу у Хмельницкаго и отдалъ Чаплинскому во владѣніе 1647 року.“ Что возможнѣе предположить по этому примѣру: Грабянка ли заимствовалъ свое извѣстіе у нашего лѣтописца и испортилъ его, или послѣдній заимствовалъ у перваго, очистивъ его.

Нашъ лѣтописецъ говоритъ о воспитаніи Богдана Хмельницкаго, что его „отецъ измолоду въ наученіе русское, потомъ латынское отдалъ“; у Грабянки же это извѣстіе встрѣчаемъ въ такой формѣ: „и его отъ малихъ лѣтъ даде (отецъ) въ наученіе писаній первіе въ Кіевъ, таже въ Ярославъ до ксендзовъ езуитовъ.“—Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ неразъ повторяетъ, что Богданъ Хмельницкій былъ полатынѣ обученъ; однако же, если онъ компиляторъ, то почему же не упомянулъ нигдѣ о мѣ-

стахъ, гдѣ обучался Богданъ Хмельницкій? почему онъ пропустилъ это сухое, но весьма важное извѣстіе Грабянки? Все это дѣло объясняетъ самъ же г. Максимовичъ. Онъ вполнѣ ясно доказываетъ, что Грабянка заимствовалъ указанное дополненіе основнаго извѣстія изъ Каховскаго. Нашъ лѣтописецъ, стоявшій, надо полагать, ближе къ событіямъ, чѣмъ полякъ Каховскій, не могъ говорить объ іезуитскомъ воспитаніи Богдана Хмельницкаго; а Каховскій, можетъ быть, нарочно написалъ (позволяемъ себѣ замѣтить: Каховскій, можетъ быть, прибавилъ) объ этомъ, чтобы очернить русскаго героя. Грабянка же, имѣя подъ руками тотъ и другой источникъ, не пускаясь въ критику, прямо соединилъ ихъ извѣстія въ своемъ сводѣ.

Мы бы могли привести довольно много подобныхъ примѣровъ; но и эти взяли только для того, чтобы указать, какія мелочи ухитрился пропустить изъ Грабянки компиляторъ, если только таковымъ считать автора лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ. Эти мелочи, при всей видимой ихъ ничтожности, однако же бросаютъ совсѣмъ иной свѣтъ на событія, о которыхъ помимо разбираемыхъ теперь нами источниковъ очень мало извѣстно.

Объяснять, почему Грабянка относится къ одному своему источнику нѣсколько иначе, чѣмъ къ другимъ, довольно трудно. Однако же необходимо принимать во вниманіе и характеръ самаго источника. Лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ не есть подробное изложеніе со-

бытій, чѣмъ либо связанныхъ между собою; это большею частью сухой реестръ голыхъ фактовъ. Для того, чтобы не переписывать цѣликомъ этого часто драгоцѣннаго перечня, а, такъ сказать, размягчить его при помощи другихъ источниковъ, заставить говорить живымъ, вполнѣ понятнымъ для всѣхъ языкомъ, для этого въ авторѣ необходимъ не одинъ литературный талантъ, а прежде всего тяжелый трудъ изученія всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ источниковъ. Но этого послѣдняго нельзя вполнѣ требовать отъ составителя лѣтописнаго свода.

Объ указанномъ сейчасъ характерѣ нашего лѣтописца, началъ говорить и г. Максимовичъ, но только, кажется, повелъ дѣло совсѣмъ съ другой стороны. Онъ указываетъ, что руководствомъ къ составленію лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ послужилъ приложенный къ тексту Грабянкиной лѣтописи *) реестръ запорожскихъ гетмановъ. Но еще разъ повторимъ: отчего же не могло случиться обратнаго, то есть, что нашъ лѣтописецъ навелъ Грабянку на мысль составить подобный реестръ? Этого послѣдняго мы не утверждаемъ положительно; но обратимъ вниманіе на то, на какомъ основаніи дѣлаетъ свое заключеніе г. Максимовичъ. Въ Грабянкиномъ реестрѣ въ значительной мѣрѣ переписанъ лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ и притомъ здѣсь онъ менѣе чѣмъ гдѣ либо перефразированъ. Но все-таки онъ переписанъ тутъ далеко не весь и другая большая часть его отнесена въ текстъ лѣтописи. При этомъ очень

---

*) Стр. 259—265.

часто встрѣчаемъ, что цѣльный разсказъ нашего лѣтописца о какомъ либо событіи, раздѣленъ Грабянкою на двѣ части, изъ коихъ одна отнесена въ реестръ, а другая въ текстъ. Но все это не даетъ, кажется, права утверждать, что авторъ лѣтописца, служащаго теперь введеніемъ къ лѣтописцу Хмельницкаго, переписавши нѣкоторую часть Грабянкина реестра, пополнялъ ее на выборъ извѣстіями изъ текста лѣтописнаго свода.

Если нашъ лѣтописецъ является сухимъ реестромъ голыхъ фактовъ, то естественно можетъ быть поднятъ вопросъ: были ли въ Малороссіи другіе подобные реестры-лѣтописцы? Указаніе на нихъ встрѣчаемъ и въ вышеприведенныхъ словахъ предисловія Грабянки. Но особенно хорошо характеризуетъ ихъ Величко въ предисловіи къ своему сочиненію: „а ежели зъ давнихъ оныхъ писарей славяно-казацкихъ и записалъ хто памятствованія годное, во время ихъ бывшое дѣяніе; то записалъ тилко для себе реестрикомъ, барзо щуплими и краткими слови, жаднихъ зъ якихъ причинъ що повстало, якъ ся отправовало не выразивши околичностей.“ Сдается намъ, что въ этой характеристикѣ Величко имѣетъ въ виду именно нашего лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, лѣтописца, который драгоцѣненъ для историка и такъ неудовлетворителенъ для художника-романиста. Отличіе нашего лѣтописца отъ сейчасъ приведенной характеристики можно отыскать только въ томъ, что онъ свой реестръ вздумалъ начать упоминаніемъ событій отъ нашествія Батыя или даже отъ временъ св. Владиміра, то есть за-

писалъ не одни „во время его бывшія дѣянія“. Впрочемъ, Величко, описывая нашего лѣтописца, могъ и не обратить вниманія на этотъ его послѣдній пріемъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы признаемъ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ лѣтописцемъ оригинальнымъ, самостоятельнымъ, и, въ противуположность мнѣнію г. Максимовича, послужившимъ источникомъ для лѣтописнаго свода Грабянки.

Кто былъ авторъ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ?—Здѣсь, какъ и въ большей части случаевъ, имя автора остается неизвѣстнымъ. Что же касается того, можно ли по содержанію предположить, напримѣръ, къ какому сословію, къ какой партіи принадлежалъ авторъ; то нашъ лѣтописецъ очень мало представляетъ данныхъ для подобныхъ заключеній. Содержаніе лѣтописца дѣйствительно такъ кратко и сухо, что авторъ его при изложеніи событій почти не имѣлъ возможности даже проговориться о своемъ сочувствіи къ той или другой сторонѣ. Указывая на близкую связь извѣстій нашего лѣтописца съ разсказами о себѣ Богдана Хмельницкаго, мы этимъ, можетъ быть, подали поводъ предполагать, что авторъ его принадлежалъ къ разряду тѣхъ ученыхъ казаковъ, которые были впослѣдствіи сотрудниками Богдана Хмельницкаго и могли многое, слышанное изъ устъ предводителя, записать, какъ „памятствованія годное“. Но

могло случиться и то, что авторъ его былъ, напримѣръ, духовное лицо, слышавшее разсказы о похожденіяхъ Богдана Хмельницкаго не непосредственно, а отъ тѣхъ, кому они прямо разсказывались и т. п.

Въ томъ отношеніи, что авторъ лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ не проговорился о своемъ сочувствіи къ той или другой сторонѣ, онъ является совершенною противуположностію автору лѣтописца Хмельницкаго. Неизвѣстнаго сочинителя послѣдняго довольно трудно признать за казака, какъ это обыкновенно утверждаютъ. По этому поводу приведемъ здѣсь самое послѣднее, по времени, мнѣніе объ этомъ лѣтописцѣ, высказанное г. Костомаровымъ *): „лѣтопись Самовидца писана человѣкомъ казацкаго званія и участникомъ описываемыхъ событій и притомъ съ безпристрастіемъ;" для этого періода (гетманства Юрія Хмельницкаго), какъ и вообще для исторіи Малой Руси второй половины XVII вѣка, она есть важный источникъ". Совершенно справедливо, что эта лѣтопись есть важный источникъ: все предшествующее наше изслѣдованіе доказываетъ, какъ высоко мы ее цѣнимъ. Что же касается того, будто она написана участникомъ событій, то въ этомъ отношеніи можемъ согласиться развѣ только съ тѣмъ, что лѣтописецъ Хмельницкаго написанъ, можетъ быть, современникомъ событій (а можетъ быть, только составленъ изъ разсказовъ

---

*) Истор. монографіи и изслѣдованія, т. XII, стр. 157: статья о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго.

современниковъ), бывавшимъ очевидцемъ при подобныхъ случаяхъ, какъ погребеніе какого нибудь полковника. Да и вообще замѣтимъ, что понятія лѣтописецъ и самовидецъ, кажется, не вполнѣ совмѣстимы. Для того, чтобы лѣтописца можно было назвать самовидцемъ, нужно сначала превратить его сочиненіе въ діаріушъ, а потомъ уже, смотря по обстоятельствамъ, и въ произведеніе самовидца. Но лѣтописецъ Хмельницкаго положительно не можетъ быть названъ не только дневникомъ, но и записками.—Относительно того, что лѣтописецъ Хмельницкаго написанъ человѣкомъ „казацкаго званія и притомъ съ безпристрастіемъ“, то и съ этимъ согласиться нельзя. Личное воззрѣніе автора на событія, самостоятельность, извѣстнаго рода пристрастіе можно постоянно видѣть въ лѣтописцѣ; и все это даетъ особенную ему цѣну. По симпатіямъ автора лѣтописца скорѣй можно предположить, что онъ былъ духовное лицо или горожанинъ. Казакъ и притомъ, какъ говорятъ, участникъ эпохи Богдана Хмельницкаго наврядъ ли бы сталъ такъ безпощадно и жестоко относиться къ своимъ же собратіямъ казакамъ. Во всякомъ случаѣ, не рѣшая этого довольно труднаго вопроса, выскажемъ здѣсь только общее наше впечатлѣніе отъ изученія этого лѣтописца, главнымъ образомъ за описываемое нами время. Разсказавши сущую правду о томъ, что прежде терпѣло казачество отъ ляховъ, далѣе онъ говоритъ о казакахъ такъ, что мы ничего не читали болѣе хладнокровно, зло и умно написаннаго объ ихъ подвигахъ, когда они сдѣлались хозяевами на Украй-

нѣ. Видно, авторъ прочуствовалъ на себѣ господство этихъ освободителей.

Когда былъ составленъ лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ? Для точности опредѣленія этого времени могутъ служить нѣкоторыя указанія, встрѣчающіяся въ лѣтописцахъ. Но таковыхъ данныхъ мы не замѣтили въ нашемъ лѣтописцѣ; напротивъ въ лѣтописцѣ Хмельницкаго вотъ, напримѣръ, что можно встрѣтить. Упоминая о бѣгствѣ съ Украйны князя Іеремін Вишневецкаго въ 1648 году, лѣтописецъ говоритъ, что онъ бѣжалъ „и съ сыномъ своимъ Михаломъ, который потомъ королемъ польскимъ зосталъ былъ“. Ясно, что этотъ лѣтописецъ составленъ послѣ вступленія указаннаго короля на престолъ.—По поводу разсматриваемаго вопроса выпишемъ здѣсь справедливое мнѣніе г. Максимовича: „напрасно г. Самчевскій (написавшій предисловіе къ изданной Кіевскою временною археографическою коммиссіею лѣтописи Грабянки) называетъ лѣтопись Самовидца одновременною съ лѣтописями Грабянковою и Величковою; нѣтъ, это памятникъ XVII вѣка“.

Говоря о лѣтописцѣ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ, должно сказать еще нѣсколько словъ о самыхъ лѣтописныхъ сводахъ, въ которыхъ мы его по преимуществу встрѣчаемъ въ той или другой формѣ, то есть о лѣтописяхъ Самовидца и Грабянки. Въ лѣтописи Самовидца нашъ лѣтописецъ оканчивается разсказомъ о пораженіи поляковъ при Желтыхъ-Водахъ. Извѣстіемъ ли о плѣненіи Выговскаго дѣйствительно окончилъ его самъ авторъ, или составитель свода

нашелъ необходимымъ закончить списываніе его у себя этимъ событіемъ? Выше мы говорили, что рукописный лѣтописецъ „ажъ до Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ“, на который ссылается г. Костомаровъ, надо полагать, есть одно и тоже съ нашимъ лѣтописцемъ. По нѣкоторымъ словамъ г. Костомарова можно заключить, что онъ продолжался далѣе, чѣмъ мы его встрѣчаемъ въ лѣтописи Самовидца. Однакоже, пока этотъ лѣтописецъ не будетъ напечатанъ вполнѣ или обстоятельно описанъ, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ права дѣлать о немъ какихъ-либо утвердительныхъ выводовъ только по сочиненію г. Костомарова. Что же касается того, можно ли возстановить лѣтописца прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ (если его разсказъ былъ продолженъ далѣе извѣстій о сраженіи при Желтыхъ Водахъ) по сочиненію Грабянки, то извѣстная манера составителя свода пользоваться источниками является здѣсь непреодолимымъ препятствіемъ. Вслѣдствіе этого о нашемъ лѣтописцѣ приходится судить покуда только по лѣтописи Самовидца.

Составитель лѣтописи Самовидца, сшивая двухъ старѣйшихъ лѣтописцевъ, вставилъ между ними отъ себя такую фразу: „послѣ же того что происходило, нижей сего въ лѣтописцѣ Хмельницкаго пространно и ясно и удивително показано и явствуетъ всіо“. Если предположимъ, что составитель свода обрѣзалъ краткаго лѣтописца, имѣя подъ руками для описанія событій послѣ сраженія при Желтыхъ-Водахъ, другаго пространнаго и удивительнаго по ясности изложе-

нія лѣтописца, то, можетъ быть, онъ тоже самое сдѣлалъ и съ лѣтописцемъ Хмельницкаго, то есть обрѣзалъ его начало и онъ не начинался прямо заглавіемъ: „Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго.“ Впрочемъ, судя по содержанію лѣтописца Хмельницкаго, такое предположеніе объ обрѣзкѣ его будетъ имѣть менѣе основательности, чѣмъ относительно лѣтописца, приставленаго къ нему, какъ введеніе. Начало лѣтописца Хмельницкаго является вполнѣ цѣльнымъ произведеніемъ и трудно предположить, чтобы въ немъ чего нибудь недоставало. Совсѣмъ другаго рода лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ; рѣшать, по общему строю его, чего въ немъ не достаетъ, довольно затруднительно. Онъ вообще такъ составленъ, что даже вырѣзка изъ середины его цѣльныхъ годовъ и замѣна ихъ выраженіями въ родѣ „того же лѣта не бысть ничего“ не будетъ нисколько замѣтна и не нарушитъ стройности произведенія.—По поводу возможности такихъ различныхъ предположеній должно сказать, что если составитель свода что-либо и обрѣзалъ у своихъ лѣтописцевъ, то во всякомъ случаѣ ни въ чемъ не испортилъ оставленнаго содержанія ихъ относительно подлинности. Замѣтно бросается въ глаза, что тамъ, гдѣ оба сшитые лѣтописца разсказываютъ одни и тѣ же событія, составитель свода не думалъ сглаживать встрѣчаемыя въ нихъ противорѣчія и составлять стройное и гладкое изложеніе событій. Онъ не дѣлалъ того, какъ поступали другіе его собратія, напримѣръ Грабянка, а переписывалъ обоихъ лѣтописцевъ цѣликомъ.

Прежде чѣмъ высказать еще нѣкоторыя наши замѣчанія о сочиненіи Грабянки въ дополненіе къ тому, что уже говорено, приведемъ о томъ же предметѣ мнѣніе г. Костомарова. Онъ пишетъ *): „лѣтопись Грабянки, компиляція разныхъ книгъ и рукописей, составленная въ XVIII вѣкѣ, для этого періода немного представляетъ важнаго, при имѣніи другихъ болѣе непосредственныхъ источниковъ.“ Такъ говоритъ г. Костомаровъ о сочиненіи Грабянки для времени гетманства Юрія Хмельницкаго; но она у него и для исторіи Богдана Хмельницкаго (подъ названіемъ рукописной „Исторіи о презѣльной брани“) поставлена тоже въ разрядъ второстепенныхъ источниковъ. Однакоже, какъ мы уже объ этомъ прежде говорили **), Грабянкина лѣтопись въ послѣднемъ случаѣ на дѣлѣ служитъ г. Костомарову главнымъ источникомъ для всего его сочиненія „Богданъ Хмельницкій“. Сейчасъ же выписанное мнѣніе г. Костомарова мы привели потому, что вполнѣ согласны съ тѣмъ, что онъ, говоритъ о сочиненіи Грабянки.

Извѣстные намъ источники сочиненія Грабянки встрѣчаемъ у него большею частію въ неиспорченномъ видѣ. Грабянка, какъ мы уже сказали, только сводитъ ихъ и при разнорѣчіи предпочитаетъ извѣстія одного извѣстіямъ другаго. При выборѣ этихъ извѣстій мы не видимъ, чтобы тутъ игралъ важную роль личный вкусъ составителя

---

*) Тамъ же.

**) См. нашу диссертацію «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся», стр. 50 и слѣд.

свода. Грабянка настолько добросовѣстенъ, что въ желаніи достигнуть истины при пользованіи источниками въ немъ иногда можно признать своего рода критическій тактъ. Въ собственныхъ поясненіяхъ фактовъ трудно замѣтить у Грабянки наклонность исказить ихъ или для какой нибудь задней мысли дать имъ извѣстный оттѣнокъ. При томъ же въ большей части случаевъ можно замѣтить, что извѣстія источниковъ у него поставлены отдѣльно отъ толкованій на нихъ.

Далѣе, изъ цѣльныхъ документовъ у Грабянки вставленъ въ разсказѣ объ описываемомъ нами времени одинъ актъ. Сказавши о распоряженіяхъ Богдана Хмельницкаго послѣ корсунской битвы, Грабянка говоритъ, что тогда Хмельницкій „написалъ до короля супѣлкою кривды украинскія и послалъ до Варшавы тремя казаками старинными Григоріемъ Богдановымъ, Вешнякомъ и Мозырою, которую супѣлку, о чемъ написана, судихъ здѣ положити за вещь благопотребную“. Изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ такое казацкое посольство извѣстно и содержаніе приводимаго Грабянкою документа съ подлиннымъ вѣрно. Конечно, онъ перевелъ и изложилъ этотъ документъ своимъ языкомъ, но нисколько не испортилъ его сущности. Этотъ документъ есть много разъ упоминаемое нами письмо Богдана Хмельницкаго на имя короля, отъ 2 іюля 1648 года. Подобную вставку въ текстъ лѣтописнаго свода дѣйствительно важныхъ документовъ мы особенно должны цѣнить, если будемъ сравнивать ее со вставками документовъ въ сочиненіи другаго малороссійскаго историческаго писателя, Величка, къ которому теперь и обращаемся.

Но еще одно поясненіе относительно Грабянки. Мы говоримъ о текстѣ его сочиненія только на основаніи того, какъ онъ напечатанъ по нѣсколькимъ спискамъ Кіевскою временною археографическою коммиссіею. Но, г. Максимовичъ по поводу этого пишетъ „Грабянкина лѣтопись существуетъ въ двухъ редакціяхъ. Одна первоначальная, писанная съ преобладаніемъ языка церковно-славянскаго, изобилующая стихами. Эта старшей редакціи лѣтопись издана Временною коммиссіею. (И такъ мы дѣлаемъ свои заключенія по тексту, надо полагать, заслуживающему предпочтенія передъ другими). Другая, вторичная редакція отличается перемѣною выраженій церковно-славянскихъ на русскія и пропускомъ большей части стиховъ. Въ такомъ видѣ она была напечатана 1793 года Ѳедоромъ Туманскимъ въ его періодическомъ изданіи „Россійскій магазинъ“ и поминается у позднѣйшихъ писателей подъ именемъ „Лѣтописца, изданнаго Туманскимъ“. Объ этомъ прежнемъ изданіи не говорится въ нынѣшнемъ, конечно потому, что тамъ на лѣтописи не обозначено имя Грабянки.“ Мы имѣемъ подъ руками и указываемый г. Максимовичемъ лѣтописецъ Туманскаго; тамъ дѣйствительно напечатанъ текстъ сочиненія Грабянки, только не знаемъ, можно ли его назвать вторичною редакціею лѣтописи. Этотъ текстъ ни въ чемъ относительно сущности не разнится отъ изданнаго Кіевскою временною археографическою коммиссіею; указываемыя же г. Максимовичемъ отличія текста не принадлежатъ самому Грабянкѣ. Неужели всякое искаженіе новѣй-

шихъ сочиненій, произшедшее отъ издателя, переписчика и тому подобнаго дѣятеля, нужно считать вторичною редакціею самаго сочиненія? Неужели „Исторія государства россійскаго“, изданная не Карамзинымъ, а кѣмъ-либо другимъ, напримѣръ безъ примѣчаній, должна считаться вторичною редакціею сочиненія историографа? У Туманскаго встрѣчаемъ Грабянкино сочиненіе даже не переведеннымъ на великороссійское нарѣчіе, а только переписаннымъ, надо полагать, кѣмъ-то изъ великороссіянъ. Послѣдній при перепискѣ перемѣнялъ нѣкоторыя окончанія словъ и даже цѣлыя слова церковнославянскія и малороссійскія на весьма близкія къ нимъ великороссійскія. Въ подобныхъ полупереводахъ (какія мы и себѣ позволяли дѣлать относительно разсказовъ Величка) встрѣчаются списки и лѣтописнаго свода Самовидца.

Теперь обратимся къ сочиненію Величка. — На баснословіе его мы не разъ указывали и свой взглядъ на него, кажется, уже ясно высказали. Но намъ нужно еще поговорить о содержаніи этого сочиненія въ виду того значенія, какое ему дается въ исторіографіи. Г. Костомаровъ пишетъ о немъ *). „Этимъ источникомъ можно пользоваться не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, потому что въ немъ попадается много анахронизмовъ и явно позднѣйшихъ вставокъ“. Въ „Богданѣ Хмельницкомъ“ сочиненіе Величка поставлено г. Костомаровымъ въ

*) Историч. моногр. и изслѣд. т. XII, стр. 157.

число источниковъ второстепенныхъ, которые „требуютъ строгой критики“. Но мы прямо рекомендуемъ каждому любопытствующему заглянуть въ текстъ „Богдана Хмельницкаго“, гдѣ ссылки и выписки изъ Величка почти безъ всякихъ оговорокъ свидѣтельствуютъ, что г. Костомаровъ смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ предупреждаетъ. Г. Максимовичъ также рекомендуетъ относиться къ Величку съ критикою и осторожностію, но все-таки откровенно сознается, что во многихъ случаяхъ считаетъ это сочиненіе драгоцѣннымъ историческимъ источникомъ. Такъ для разсматриваемаго въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи времени оба историографа особенно считаютъ важнымъ то, что Величко приписываетъ Зоркѣ, діаріушемъ котораго онъ будто бы пользовался. Вслѣдствіе этого и мы, оставивъ всѣ частности въ сторонѣ, посвятимъ окончаніе нашего изслѣдованія разысканію главнымъ образомъ этого миѳическаго Зорки.

Въ заглавіи своего сочиненія Величко указываетъ, что его „сказаніе о войнѣ казацкой съ поляками, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго въ осми лѣтехъ точившейся... составлено отъ авторовъ: нѣмецкаго Самуила Пуфендорфія, казацкаго Самуила Зорки и польскаго Самуила Твардовскаго“. Вотъ его главнѣйшіе источники. Оказывается, что всѣ эти три Самуила послужили руководствомъ для творенія четвертаго, то-есть самого Самуила Величка. Исключая Пуфендорфа, другіе два Самуила не упоминаются въ числѣ источниковъ Грабянки и обратно, пересчитанные у послѣдняго его иностранные источники не встрѣча-

ются у Величка. И такъ оба эти малороссійскіе историческіе писателя первой четверти XVIII вѣка, повидимому, не имѣютъ ничего общаго относительно нѣкоторыхъ своихъ источниковъ.

Величко въ предисловіи говоритъ, что онъ пользовался своими источниками такъ: „чего въ Твардовскомъ недоставало, то изъ Зорки и иныхъ лѣтописцевъ и записокъ казацкихъ дополнилъ; а чего у Зорки не нашлось, то изъ Твардовскаго заимствовалъ“. Этими словами Величко рекомендуетъ себя предъ читателями компиляторомъ, составителемъ свода историческихъ извѣстій. Но такъ ли то было въ дѣйствительности?

Исключая Зорки, Величко, подобно Грабянкѣ, упомянувши о казацкихъ лѣтописцахъ, потомъ отдѣльно нигдѣ не поименовалъ и не сослался на нихъ. По характеру же изложенія его въ немъ несравненно труднѣе, чѣмъ даже у Грабянки, разыскивать этихъ лѣтописцевъ. Здѣсь замѣтимъ, что на первый взглядъ лѣтописцы, вошедшіе въ составъ лѣтописи Самовидца, кажется, не были въ числѣ источниковъ Величка. Такъ можно говорить на томъ основаніи, что многія извѣстія лѣтописца Хмельницкаго не указаны даже намекомъ въ подробномъ сказаніи Величка. Упомянутый же имъ діаріушъ Зорки, какъ сейчасъ увидимъ на основаніи собственныхъ словъ Величка, былъ нѣчто отличное отъ извѣстныхъ намъ старѣйшихъ малороссійскихъ лѣтописцевъ. Однако все это ничего не значитъ. Позволяемъ себѣ даже утверждать, что діаріушъ Зорки, очень можетъ быть, былъ ни болѣе ни менѣе, какъ нашъ лѣтописецъ

Хмельницкаго, которымъ Величко только не воспользовался надлежащимъ образомъ.

Въ одномъ мѣстѣ Величковскаго сочиненія есть чрезвычайно обстоятельная ссылка на главный его малороссійскій источникъ, діаріушъ Зорки. Именно, разсказавши приведенныя уже нами удивительныя подробности о пребываніи Богдана Хмельницкаго въ Сѣчи Запорожской и о поѣздкѣ его въ Крымъ, Велічко потомъ пишетъ:

„Въ то время, когда Хмельницкій прибылъ изъ Чигирина до Сѣчи, были на кошу два писаря барзо добрихъ и въ дѣлахъ писарскихъ языкомъ славянскимъ и польскимъ хорошо свѣдущихъ: единъ старѣйшій Степанъ Брацлавскій, а другій молодшій Самуилъ Зорка съ Волыни. Изъ нихъ старѣйшій на кошу оставленъ, а молодшій съ Хмельницкимъ съ Сѣчи (на Украйну) отпущенъ, занеже онъ и въ Крыму былъ съ нимъ Хмельницкимъ. Тотъ Зорка, чрезъ все время войны казацкой съ поляками бывшей, оставался писаремъ и секретаремъ при Хмельницкомъ и о всѣхъ дѣлахъ и поведеніяхъ совершенно вѣдалъ и досконально и пространно въ діаріушѣ своемъ оныя описалъ. Этотъ діаріушъ былъ у товарища моего Спльвестра Быховца, канцеляриста войсковаго. Его отецъ Іоаннъ Быховецъ при тогобочныхъ чигпринскихъ гетманахъ былъ канцеляристомъ и тамъ тотъ Хмельницкаго дѣяній діаріушъ переписалъ себѣ. Изъ него и я, взявши у сына его, помянутаго товарища моего, зѣло сокращенно потребнѣйшее и нужнѣйшее Хмельницкаго военныхъ сукцессовъ вычерпнувши и понатовавши дѣла, потрудился въ сей книгѣ моей оныя изложити и выразити. Хотя въ томъ вышерѣченнаго Самуила Зорки діаріушѣ были ретельне положены листовныя Хмельницкаго о тогдашнихъ дѣлахъ и поведеніяхъ, до постороннихъ мо-

нарховъ и владѣтелей корреспонденціи, но я ихъ (аще и велце были потребни) безъ переписанія оставилъ, съ одной стороны краткости послѣдуя, съ другой же и времени свободнаго на то не имѣлъ, всегдашними и непрестанными въ канцеляріи войсковой писарскими будучи обязанъ и отягощенъ дѣлами".

Эти слова Величка о весьма важномъ его источникѣ невольно намъ напоминаютъ разсказъ одного извѣстнаго составителя лѣтописнаго свода объ утраченномъ древнемъ русскомъ лѣтописцѣ. Только мы здѣсь встрѣчаемся съ различными пріемами авторовъ: Величко совсѣмъ не озаботился выписать въ сказаніи что-либо цѣликомъ изъ своего источника; развѣ только тѣ мѣста, къ которымъ приставлены ссылки на дневникъ Зорки, могутъ указать на достоинства послѣдняго. Но эти ссылки, сколько мы замѣтили, въ сочиненіи Величка весьма немногочисленны. Поэтому возмемъ сначала то мѣсто, къ которому приставлена сейчасъ приведенная главная. Но тутъ мы точно нарочно встрѣчаемъ положительную фальшь. Всѣ другіе источники, заслуживающіе несравненно большаго довѣрія, чѣмъ Величко, говорятъ о событіяхъ совсѣмъ не такъ, какъ у него разсказано подъ этой ссылкой. Кого же слѣдуетъ предпочитать? Но въ этомъ отношеніи съ перваго же раза облегчаетъ историка то, для чего Величко, умалчивая о томъ въ другихъ мѣстахъ, нашелъ именно тутъ необходимымъ не только просто сообщить о своемъ источникѣ, но еще обставить это сообщеніе завѣреніями въ достовѣрности извѣстія, чуть-чуть не клятвами. Мы не хотимъ утверждать положитель-

но, что все въ разсказѣ подъ этой ссылкой было сочинено самимъ Величкомъ; мы видѣли, что и нѣкоторые польскіе источники говорятъ, напримѣръ, о поѣздкѣ Богдана Хмельницкаго въ Крымъ и т. п. Но при этомъ надо указать еще и на то, что самъ же Величко говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ дневнику Зорки: онъ выписывалъ изъ него „зѣло сокращенно, потребнѣйшее и нужнѣйшее“; откуда же послѣ этого появились у Величка извѣстныя намъ многочисленныя фактическія подробности? Наконецъ, признавши, что подробности принадлежатъ фантазіи Величка, а основной фактъ Зоркѣ, то все-таки противорѣчіе извѣстія, исходящаго отъ самовидца, участника событій, основнымъ фактамъ другихъ источниковъ остается всецѣло? Въ отвѣтъ на это мы, даже для защиты невѣдомаго намъ Зорки, должны указать на одно отличительное свойство разсказовъ Величка. Весьма часто, гдѣ въ старѣйшихъ лѣтописцахъ говорится, что Богданъ Хмельницкій послалъ, у Величка оказывается, что онъ самъ поѣхалъ и принялъ дѣятельное участіе въ событіи. Въ такомъ, напримѣръ, видѣ разсказанъ фактъ измѣны реестровыхъ казаковъ (челновой рати) и перехода ихъ на сторону инсургентовъ. Поэтому, если предположить, что основа извѣстія Величка о поѣздкѣ Богдана Хмельницкаго въ Крымъ заимствована не изъ польскихъ источниковъ, то авторъ сказанія приложилъ къ своимъ малороссійскимъ источникамъ сейчасъ указанный пріемъ.

Но оставя и это въ сторонѣ, прямо скажемъ: у Величка весьма часто разсказываются самымъ

подробнымъ образомъ событія, никогда не совершавшіяся. Для примѣра возьмемъ только одинъ разсказъ, на фальшивость котораго еще прежде насъ указалъ г. Максимовичъ,—извѣстіе о смерти Чаплинскаго. Говоря о Желтоводскомъ и Корсунскомъ сраженіяхъ, Величко тутъ же рядомъ, не дѣлая никакой оговорки и отступленія, сообщаетъ слѣдующее:

„22 апрѣля Хмельницкій, соединившись съ Тугай-бемъ, хотѣлъ идти прямо на Чигиринъ для привитанья тамъ Чаплинскаго, главнаго ворога своего; но по вѣстямъ, полученнымъ имъ, отмѣнилъ этотъ свой походъ... Послѣ сраженія при Желтыхъ Водахъ онъ для изловленія Чаплинскаго, ворога своего, выправилъ до Чигирина (такъ какъ Хмельницкій получилъ вѣдомость, что войско польское изъ Чигирина вышло и по ординансу гетманскому спѣшно пошло къ Черкасамъ) при товариществу своемъ Чигиринскомъ поуфаломъ исправномъ, добрыхъ молодцовъ полтораста человѣкъ, которые, подлугъ данной себѣ науки, на смерканью въ Чигиринъ прибывши, застали Чаплинскаго, счастливо уже повечеровавшаго и спати разобравшагося, котораго безъ жадной дишкрецеи похвативши и съ ласки своей на его панскія плечи, въ единой кошулѣ бывшія, съ сотню барбаръ нагайскихъ положивши, а въ грубинку кожухину облекши и вѣчне съ Чаплинскою попрощатись приказавши, всадили на коня и помкнули до Хмельницкаго, що справилось чрезъ два дня и одну ночь. Котораго Хмельницкій словомъ гнѣва привитавши и плѣнникамъ польскимъ объявивши, что съ его Чаплинскаго причинъ тое кровопролитіе стало, заразъ розсказалъ отъяти ему голову, однакоже приказавши отпровадити отъ обозу лядскаго на сторону за нѣсколько верстъ, дабы врагъ мира и покою не лежалъ съ тѣми шляхет-

скими трупами, которые по его винѣ на Желтой Водѣ свои отъ оружія казацкаго всебѣдственно положили головы“.

Насколько этотъ разсказъ отличается всепрославленнымъ своенароднымъ южнорусскимъ юморомъ, мы не беремся судить. Въ дѣйствительности Чаплинскій не попадался въ руки Богдану Хмельницкому и извѣстно, напримѣръ, что черезъ годъ послѣ Желтоводской битвы послѣдній требовалъ отъ поляковъ выдачи врага. Чаплинскій, кажется, на много лѣтъ пережилъ своего соперника. Впрочемъ, если бы Величко зналъ это и нашелъ невозможнымъ сочинить окончаніе сейчасъ приведеннаго разсказа, можетъ быть, тогда онъ въ замѣнъ его выдумалъ бы нѣсколько иную сцену для своего романа, напримѣръ: Богданъ Хмельницкій, захвативши Чаплинскаго съ любовницей, хотѣлъ его казнить; но благоразумная и дармо погибающихъ людей жалѣющая Есѳирь упросила сердитаго богатыря пощадить своего недавняго обладателя, отпустить его на волю, и за это снова наградила стараго грѣховодника любовью.

Величко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего труда предупреждаетъ всѣхъ, какъ слѣдуетъ пользоваться его сочиненіемъ, какъ историческимъ источникомъ. Онъ даже въ вышеприведенной выпискѣ о дневникѣ Зорки сознается, что считалъ своею обязанностію встрѣчаемыя въ другихъ источникахъ извѣстія, во первыхъ, изложить литературно и, во-вторыхъ, главнымъ образомъ „ихъ выразить“. Для этого выясненія факта предъ читателемъ, прибавимъ отъ себя, Величко уже ничѣмъ не стѣ-

снялся, сочинялъ не только мелочныя подробности обстановки событія, но даже создавалъ и самыя событія. Онъ писалъ свое сочиненіе, какъ видно, „для публики, а не для ученаго кружка спеціалистовъ“*); его сочиненіе написано для легкаго чтенія. По отношенію только къ внѣшней сторонѣ сочиненія, на основаніи нѣкоторыхъ его мѣстъ, можно прямо сказать: никто еще изъ малороссійскихъ историческихъ писателей послѣ Величка не имѣлъ равнаго ему литературно-художественнаго таланта.

Сказавши все это, мы однако не можемъ разстаться съ Величкомъ и въ особенности съ его діаріушемъ Зорки. Онъ говоритъ, что въ этомъ дневникѣ были вставлены офиціальные документы, касающіеся сношеній Богдана Хмельницкаго съ иностранными державами и тогдашнихъ дѣлъ и поведеній. Если этотъ дневникъ Зорки есть нашъ лѣтописецъ Хмельницкаго, то въ немъ таковыхъ документовъ не должно было встрѣчаться: можетъ быть, документы были приложены къ тексту. Но Величко сознается, что упомянутыми имъ документами онъ не воспользовался для своего сказанія. А между тѣмъ въ его сочиненіи за описанное нами время встрѣчаемъ рядъ всяческихъ документовъ: откуда же они у него явились? Значитъ, изъ какого-нибудь другаго источника.

Отвѣтъ на это нужно начать съ того, что эти документы Величка по формѣ и содержанію, исключая нѣкоторыхъ и то относящихся къ позднѣй-

*) Такими словами прежде опредѣлялъ характеръ своего «Богдана Хмельницкаго» г. Костомаровъ; см. предисловіе ко 2 изданію.

шему времени, никакъ не могутъ быть причислены къ разряду офиціальныхъ и когда-либо существовавшихъ въ дѣйствительности. Авторъ сказанія при изложеніи событій всегда имѣетъ въ виду провести ту или другую мысль; при этомъ форма, напримѣръ, письма даетъ ему большую возможность лучше исполнить это. Кромѣ того, документальной стороной своего сочиненія Величко пользуется и для того, чтобы, повторяя въ немъ факты, изложенныя уже въ текстѣ, не только напомнить ихъ нѣсколько разъ читателю, но также и уяснить для него руководящую идею всѣхъ поступковъ главныхъ дѣятелей эпохи. Среди этихъ тенденціозныхъ документовъ на первомъ планѣ стоитъ переписка войсковыхъ властей на Украйнѣ съ Запорожьемъ. По идеѣ Величка, Богданъ Хмельницкій, а за нимъ и его преемники должны были постоянно отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ дѣйствіяхъ предъ метрополіей казачества, давшей будто бы и средства начать великое дѣло освобожденія отчизны. Мало этого: во всей этой перепискѣ Величко старается указать на первостепенное значеніе Запорожья въ судьбахъ Малороссіи, а также и на то, будто оно имѣло право говорить не только именемъ Войска Запорожскаго, пребывавшаго въ городахъ, но даже и именемъ всей страны.

Разсмотримъ отдѣльно нѣкоторые изъ документовъ Величка, относящіеся къ предмету нашего изслѣдованія.

Первыми документами, вставленными въ сочиненіе Величка, являются письма Богдана Хмельниц-

каго, посланныя на Украйну послѣ его бѣгства на Запорожье. Мы видѣли, что и у нѣкоторыхъ современныхъ ему историческихъ писателей встрѣчается упоминаніе, что Богданъ Хмельницкій писалъ изъ Запорожья къ коронному гетману, — и только. У Величка же находимъ и самыя письма и не къ одному Потоцкому, но еще къ Барабашу (содержаніе этого письма мы привели выше), къ коммиссару казацкому и къ коронному хорунжему Конецпольскому. Всѣ они помѣчены 27—30 декабря 1648 (7) года; содержаніе ихъ въ общемъ одинаково, фактическая же сторона вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что можно прочитать въ текстѣ самаго сочиненія. На основаніи этого послѣдняго имѣемъ право сказать, что если содержаніе текста не вполнѣ достовѣрно то письма прямо уже подложны. Несмотря на это, мы все таки скажемъ о нихъ нѣсколько словъ. Оставивъ въ сторонѣ три письма, обратимся къ главнѣйшему изъ нихъ, къ письму къ коронному гетману. Это письмо имѣемъ право предпочитать другимъ и потому, что можемъ сравнивать его съ извѣстною намъ жалобою Богдана Хмельницкаго. Сравнивать ихъ можно на томъ основаніи, что Богданъ Хмельницкій въ своихъ обращеніяхъ къ одному лицу, за извѣстное время, о совершившихся фактахъ могъ говорить только одинаковымъ образомъ. Въ обоихъ документахъ такими фактами для Богдана Хмельницкаго были дѣло по Субботову и обиды отъ Чаплинскаго. Обо всемъ этомъ въ письмѣ, приводимомъ у Величка, читаемъ: „не вѣдаю, откуду дадеся пакостникъ житію

моему доброму Чаплинскій, бенкартъ литовскій, опіякъ польскій, злодѣй и здирца украинскій, старостка чигиринскій... а что напгоршее и нажалостнѣйшее, же по отобранію добръ моихъ и привиліевъ онъ Чаплинскій, пьяный и безрозумный, тяжко мя обезчестилъ тюремнымъ тѣснымъ четвородневнимъ (а въ четвертомъ дополнительномъ томѣ Величка сказано, что Богданъ Хмельницкій сидѣлъ въ тюрьмѣ всего одинъ день) между злодѣями вязеньемъ"... и т. д. и т. д. Что за многословіе и неприличіе? А между тѣмъ въ подлинной жалобѣ Богдана Хмельницкаго изложено только одно дѣло и притомъ просто, кратко, ясно и прилично. По Величку, этимъ письмомъ Богданъ Хмельницкій хотѣлъ будто бы обмануть Потоцкаго склонностію къ примиренію. Но для насъ странно, почему предполагаемый авторъ письма, въ дѣйствительности всему міру извѣстный за умнѣйшаго человѣка, имѣя указанную цѣль въ виду, вмѣсто скромнаго челобитчика является и притомъ совсѣмъ не во-время какимъ-то нахальнымъ ругателемъ. Да наконецъ, Богданъ Хмельницкій никогда такъ не бранился; брань его извѣстна,—словесная, казацкая безъ всякаго вниманія къ литературнымъ формамъ. Также полагаемъ, что у Богдана Хмельницкаго, только что бѣжавшаго изъ Украйны, не было столько свободнаго времени, чтобы подбирать и нанизывать учено-бранныя фразы. Совсѣмъ другое дѣло самъ Величко: онъ, прежде отягощенный служебными канцелярскими занятіями, пріобрѣлъ однако же въ нихъ страсть къ писанію, любилъ писать много и отдѣлывать написанное,

Въ письмѣ Богдана Хмельницкаго къ Потоцкому, кромѣ дѣла по Субботову говорится еще о многомъ другомъ, напримѣръ, о притѣсненіи православной вѣры („въ ней же премногіе святые Божіи спасошася и отъ килканадцать сотъ лѣтъ въ нетлѣнныхъ телѣсѣхъ почиваютъ“) отъ Чаплинскаго и ему подобныхъ. Въ заключеніе письма сказано, что будетъ отправлено съ Сѣчи Запорожской до короля и Рѣчи Посполитой посольство съ просьбой о подтвержденіи правъ и вольностей казацкихъ и малороссійскихъ и т. п.,— однимъ словомъ говорится о томъ, о чемъ не могло говориться.

На эти письма Богдана Хмельницкаго, сочиненныя Величкомъ, обращаемъ вниманіе потому, что имъ придается въ исторіографіи важное значеніе. Г. Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи“ *) описываетъ первоначальную исторію Богдана Хмельницкаго какъ по извѣстіямъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, такъ рядомъ съ этимъ по вѣстямъ Кунакова и сочиненію Величка. Все это сшито вмѣстѣ въ цѣльный разсказъ. Оговорки же въ этомъ разсказѣ о достоинствѣ источниковъ таковы: о Кунаковской запискѣ—„въ Варшавѣ разсказывали московскому гонцу то-то“; въ виду противорѣчія Кунаковскаго разсказа съ Величковскимъ ихъ извѣстія связаны только фразою: „по другимъ извѣстіямъ“ еще случилось то-то и такъ-то. А между тѣмъ оба указанные источника въ большей своей части баснословны. Г. Костомаровъ, приводя **) об-

*) Т. X, изд. 2, стр. 216 и слѣд.

**) Въ «Богданѣ Хмельницкомъ» т. 1, стр. 81—82.

ширныя выписки изъ Величка и помѣщенныхъ у него писемъ Богдана Хмельницкаго, дѣлаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такія оговорки: „если вѣрить Величку“; а въ заключеніе всѣхъ выписокъ прибавляетъ поясненіе: „памятники, помѣщенные въ лѣтописи Величка, иногда подложны, но эти письма Хмельницкаго имѣютъ за собою болѣе достовѣрности, потому что изъ польскихъ источниковъ знаемъ, что Хмельницкій, находясь въ Сѣчи, велъ переписку.“ Но не смотря на это, полагаемъ, что все таки слѣдуетъ сравнивать достовѣрную переписку съ тѣмъ, что мы о ней узнаемъ изъ сочиненій, подобныхъ Величковскому. Г. Максимовичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Величковскія письма Богдана Хмельницкаго прямо признаемъ достовѣрнымъ источникомъ.

Другой документъ, о которомъ намъ слѣдуетъ говорить, хотя и отнесенъ Величкомъ къ позднѣйшему времени, но по содержанію весьма близокъ къ предмету нашего изслѣдованія. Величко, разсказавши о корсунскомъ сраженіи, пишетъ далѣе: „Хмельницкій, пробывши подъ Корсунемъ десять дней и въ войсковыхъ дѣлахъ распорядившись, въ субботу по Троицѣ, мая 27-го (27 мая приходилось въ воскресенье), рушилъ со всѣмъ Войскомъ подъ Бѣлую Церковь и расположился на равнинахъ тамошнихъ надъ рѣкою Росью обширнымъ вельми обозомъ. И стоячи тамъ часъ немалый, разослалъ во всю малороссійскую Украину, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра будучую, свои гетманскіе универсалы, числомъ 60, при печати войсковой и при подписи руки своей, выражаючи въ нихъ обшир-

ность границъ русскихъ, поляками поглощенныхъ и завладѣнныхъ, древнія права и вольности ихъ и причины, для которыхъ повсталъ войною на поляковъ“. До насъ за это время дошло весьма много бумагъ Богдана Хмельницкаго, сохраненныхъ какъ поляками, такъ и москвичами; но подобнаго универсала-манифеста, о каковомъ говоритъ Величко, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что тогда Богданъ Хмельницкій разсылалъ по Украйнѣ универсалы-приказы о сборѣ хлѣба, о томъ, чтобы въ городахъ береглись отъ татаръ и т. п. Но впрочемъ, можетъ быть, Величко сообщаетъ документъ намъ неизвѣстный, не попавшій ни въ какіе архивы, а поэтому обратимся къ его содержанію.

Въ заглавіи универсала у Величка стоитъ такой титулъ: „Зѣновій Богданъ Хмельницкій, гетманъ славнаго Войска Запорожскаго и всея по обоихъ сторонахъ Днѣпра сущея Украины малороссійскія“.—Богданъ Хмельницкій никогда не писалъ своего титула подобнымъ образомъ. Онъ никогда не употреблялъ въ официальныхъ бумагахъ своего имени Зиновій; упоминаніе же въ титулахъ словъ: гетманъ „обоихъ сторонъ Днѣпра“,—стало употребляться гораздо позднѣе Богдана Хмельницкаго, то есть когда явилось, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, понятіе о подобномъ раздѣленіи Малороссіи между гетманами. Остальныя, подчеркнутыя нами слова въ приведенномъ титулѣ Величко употребилъ, вѣроятно, для красоты слога. Извѣстный намъ титулъ Богдана Хмельницкаго вездѣ одинаковъ: „Богданъ Хмельницкій

гетманъ съ Войскомъ его королевской милости (или потомъ: „его царскаго величества“) Запорожскимъ“.

Впрочемъ титулъ, подпись и тому подобныя вещи иногда не важны; поэтому обратимся къ дальнѣйшему въ универсалѣ. Въ немъ излагается по хроникамъ исторія Руссовъ или Савроматовъ, начиная съ переселенія народовъ, потомъ повторяется часть лѣтописи Величка: исторія правъ малороссійскихъ, исторія самого Богдана Хмельницкаго, ссора его съ брехуномъ Чаплинскимъ, разрѣшеніе короля на бунтъ, штучное похищеніе привиліевъ, отдача Тимоша въ залогъ крымскому хану и т. п. Но послѣ всего, сказаннаго въ предыдущихъ главахъ нашего, изслѣдованія о недостовѣрности этихъ фактовъ, говорить теперь о фальшивости универсала, въ которомъ все это помѣщено, кажется, больше уже нѣтъ нужды.

Этотъ универсалъ долго смущалъ интересовавшихся исторіей Малороссіи. По сіе время историки считаютъ своимъ долгомъ упоминать въ той или другой формѣ о Бѣлоцерковскомъ универсалѣ Богдана Хмельницкаго; хотя такого акта не существовало въ дѣйствительности. Текстъ этого универсала намъ извѣстенъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ слогѣ, кромѣ Величка и изъ многихъ другихъ собраній источниковъ малороссійской исторіи. Его находимъ еще у Туманскаго, въ сочиненіи Симановскаго и т. п.; но впрочемъ лучшимъ доказательствомъ его подложности служитъ то, что содержаніе его встрѣчаемъ въ Исторіи Руссовъ, — сочиненій, приписанномъ Георгію Конисскому. Величко такъ много толковалъ о малороссійскихъ пра-

вахъ и по поводу этой своей идеи такъ много сочинялъ недостовѣрнаго, что наконецъ удостоился такого почета: его фальшивый документъ очутился въ сейчасъ указанномъ мѣстѣ, лишающемъ всякаго довѣрія все, что туда ни попало. Къ сожалѣнію, этотъ универсалъ мы встрѣчаемъ напечатаннымъ въ Актахъ Западной Россіи, въ пятомъ томѣ, подъ № 23. Редакторы Актовъ назвали этотъ документъ „драгоцѣннѣйшимъ историческимъ памятникомъ“ и какъ бы въ подтвержденіе этого сослались на Исторію Руссовъ и Исторію Малороссіи, сочиненіе Маркевича (о фальшивости этого универсала, кажется, говорено гдѣ-то прежде насъ г. Максимовичемъ).

Въ числѣ фальшивыхъ документовъ, встрѣчаемыхъ у Величка, упомянемъ здѣсь еще „Слово на погребеніе Богдана Хмельницкаго“, сказанное бывшимъ его секретаремъ Зоркою. И здѣсь авторъ слова считалъ своимъ долгомъ сказать, что усиліями Богдана Хмельницкаго „оживлены, можетъ быть, навсегда древнія права и вольности украинскія“. Эта фраза съ излишкомъ отзывается вопленъ о казацкихъ вольностяхъ нѣкоторыхъ современниковъ Мазепы и Полуботка.

У Величка, въ противуположность всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, событія разсказаны не только по днямъ, но иногда и по часамъ. Относительно этого времясчисленія укажемъ на одинъ курьезъ, случившійся съ Величкомъ. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь польскомъ источникѣ, бывшемъ у него въ рукахъ, говорилось отъ 2 апрѣля по римскому календарю о наступающемъ праздникѣ Пасхи. Велич-

ко, не обративъ вниманія на то, что это число помѣчено по римскому календарю, по которому, какъ мы уже указали (стр. 162), 2-е апрѣля 1648 года приходилось въ пятницу на Страстной недѣлѣ, обозначилъ этимъ числомъ первый день Пасхи, да еще съ такимъ утвержденіемъ: „которое тогда было апрѣля втораго“. За тѣмъ, при созданіи своей собственной хронологіи, считая отъ этого дня остальные, Величко почти всегда дѣлаетъ ошибку на два дня: у него, напримѣръ, середа очень часто приходится въ понедѣльникъ. Курьезъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что основу его встрѣчаемъ тамъ, гдѣ Величко излагаетъ событія будто бы по дневнику Зорки. Полагаемъ, что православный казакъ запорожецъ не могъ опредѣлять, день главнаго христіанскаго праздника по католическому календарю. Въ другихъ мѣстахъ сочиненія Величка опорными пунктами его собственной хронологіи служатъ, такъ же безъ разбора даты лѣтописцевъ и документовъ. Но изслѣдователю, чтобы не запутаться въ Величковской хронологіи (если только онъ захочетъ обращать на нее вниманіе), постоянно необходимо слѣдить прежде всего, по какому календарю сдѣлана основная дата, и какія за тѣмъ ошибки сдѣлалъ еще Величко въ собственномъ счетѣ дней. — Мы говоримъ о Величковской хронологіи и указываемъ на ошибочность ея датъ опять потому, что имъ въ особенности придаютъ вѣру въ исторіографіи.

Наконецъ мы обѣщали сказать о Величкиномъ тёзкѣ Самуилѣ Зоркѣ. Что же это за лицо? Если это лицо не миѳическое, то отъ его сочиненія, вѣ-

роятно, намъ осталось только то, что о немъ говоритъ самъ Величко. Отыскивать же у послѣдняго „зѣло сокращенныя имъ извѣстія“, даже назвавши дневникомъ Зорки нашего лѣтописца Хмельницкаго, полагаемъ, никто не возьмется. Нельзя взяться за это и потому, что авторъ сказанія, „краткости послѣдуя“, излагалъ на нѣсколькихъ страницахъ, что у другихъ было выражено въ двухъ-трехъ фразахъ.

Если сочиненіе Величка можно принимать для избраннаго нами времени за историческій источникъ, то главнымъ образомъ только съ одной стороны, именно, для рѣшенія вопроса, какъ понималъ и описалъ эпоху Богдана Хмельницкаго Величко и какой взглядъ имѣли на это время нѣкоторые въ Малороссіи въ первой четверти XVIII вѣка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе.		III
Глава	I. Малороссійское казачество наканунѣ возстанія Богдана Хмельницкаго.	1
»	II. Дѣло по Субботову.	36
»	III. Обиды отъ поляковъ	54
»	IV. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ.	66
»	V. Богданъ Хмельницкій въ низовьяхъ Днѣпра	89
»	VI. Разсказы Богдана о своихъ похожденіяхъ.	108
»	VII. Продолженіе Богдановыхъ разсказовъ.	127
»	VIII. Союзъ съ Татарами	143
»	IX. Польскія власти въ Малороссіи въ ожиданіи бунта .	166
»	X. Заключеніе.	197

Приложенія:

№ 1.	Разборъ жалобы Богдана Хмельницкаго.	205
№ 2.	Малороссійскіе лѣтописцы о началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго.	214

[5p]